ПРОЛЕТАРСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
НА ДОНУ
3

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Г681
Р916

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

ГБ51
П916

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ.

СБОРНИК ТРЕТИЙ.

ИЗДАНИЕ ДОНСКОЙ КОМИССИИ
ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И Р. К. П. (б—ков).

Настоящий сборник посвящается

Ноябрьской стачке 1902 года в г. Ростове н-Д.

---

17 (4) НОЯБРЯ 1902 Г.—17 НОЯБРЯ 1922 Г.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ.

СБОРНИК ТРЕТИЙ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. СТАНЧИНСКОГО.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
РОСТОВСКОЕ н-Д. ОТДЕЛЕНИЕ.
1922 г.

К. 1984
Г651
П916

ОТ РЕДАКЦИИ.

Забастовка в Ростове н-Д. 1902 г. еще ждет своего историка.

И конечно лучше всего, чтобы такую историю написали те из товарищей, которые в те времена играли руководящую роль.

К сожалению, эти товарищи по тем или иным причинам (одни, как тов. Гусев в настоящее время находятся далеко от нас в Туркестане, тов. Ставский и другие, очевидно, перегружены работой) не смогли написать такую историю.

Поэтому мы, желая ознаменовать двадцатилетие этой забастовки, решили собрать те материалы, относящиеся к забастовке, которые по условиям места и времени нам удалось достать и дополнить их воспоминаниями некоторых из участников событий 1902 г., прекрасно учитывая все недочеты такой работы.

Мы утешаем себя, что такой работой мы делаем один из первых шагов по пути создания более полной истории стачки 1902 г.

Если воспоминания, приведенные здесь окажутся неполными или неточными, — пусть товарищи дополнят и исправят их в последующих сборниках Донистпарта.

Наша задача посильно ознаменовать двадцатилетие этой стачки, сыгравшей такую громадную роль в истории революционного движения в России.

46113

СТАТЬИ.

ПЕРЕД СТАЧКОЙ.

К началу девятисотых годов Ростов н-Д. представлял собой большой промышленный центр, один из самых крупных на Юге России. Насколько быстро развивался этот город видно из следующих цифр: в 1782 году в нем было всего 1600 жит. а через сто лет, к началу девятисотых годов количество его жителей перевалило за сто тысяч человек.

Также быстро развивалась и его торговля: в 1844 году из его порта было вывезено грузов на сумму 7 миллионов рублей, в 1884 г. этот вывоз достиг 27 миллионов рублей, а в начале 900-х г. он превысил 50 миллионов. В 1897 году из Ростовского порта вышло 2890 судов всякого рода. Многие из торговцев Ростова н-Д. а также смежной с ним Нахичевани нажили миллионные состояния по ссыпке хлеба. Ежегодно вывозилось из ростовского порта свыше 40 миллионов пудов хлеба. Правда, в начале XX столетия хлебная торговля — главным образом экспорт за границу — стала все больше переходить к конкуренту Ростова н-Д. Новороссийску, тем не менее на долю Ростова до самой войны приходилась еще очень крупная часть этой торговли. Не менее быстро развивалась в Ростове н-Д и промышленность. К началу девятисотых годов три четверти всей фабрично-заводской продукции Области Войска Донского падало на Ростов н-Д. и в Ростовском округе уже в 1897 г. насчитывалось 1500 фабрик, заводов и мастерских, при чем число рабочих превышало 10 тысяч человек. В самом Ростове н-Д. помимо больших мастерских Владикавказской жел. дороги, имелось три крупных табачных фабрики, несколько машино-строительных заводов, паровые мельницы, бумажная фабрика и пр.

Говоря о Ростове н-Д., невозможно отделять его от Нахичевани, представляющей в сущности говоря один город с Ростовом (как известно эти два города лежат на одном берегу Дона и отделены друг от друга небольшим пространством. В Нахичевани в 1902 г., когда розыгралась знаменитая ростовская забастовка, было несколько небольших фабрик и крупный Аксайский завод сельско - хозяйственных машин, который рос не по дням, а по часам.

Таким образом к началу XX столетия в Ростове н-Д. были все предпосылки для обостреной классовой борьбы. Быстрая концентрация производства и капиталов, применение к промышленности последних изобретений техники, — все это способствовало большому скоплению пролетариата в этом городе. Сюда надо добавить, что в Ростов н-Д., как в портовый город, в навигационные месяцы стекалось с различных концов России иногда до 10 тыс. пришлого рабочего люда.

Есть еще одно обстоятельство, которое делало Ростов н-Д. как и другие быстро растущие промышленные центры России, местом обнаженных классовых противоречий и ожесточенной классовой борьбы. В нем не было той толстой прослойки мещанства с его консерватизмом и мелкобуржуазными традициями, какие имеются в старых городах России. Промежуточные слои населения Ростова н-Д. всегда были относительно не велики и, таким образом, пролетариат и крупная буржуазия почти непосредственно сталкивались лицом к лицу.

И вероятно, что именно вследствие такой резкой дефференциации населения, Ростов н-Д. был за последние десятилетия ареной крупных классовых социальных столкновений, временами переходивших в открытые вооруженные бои. Одно из таких столкновений имело место еще в конце семидесятых годов прошлого столетия. Затем в середине 90-х годов (1894 г.) в главных мастерских Владикавказской железной дороги возникает под руководством Козина, Стрельцова и Дорогина крупная забастовка, сильно напугавшая, как железнодорожную администрацию, так и полицию Ростова н-Д. Не успело еще потускнеть воспоминание об этой забастовке, как в 1902 г. разразилась новая, еще более грозная по своим размерам забастовка, в 1903 году в Ростове происходила грандиозная политическая демонстрация рабочих, а в конце 1905 г. там имело место одно из самых крупных в это время восстаний в России: рабочие захватили в свои руки рабочий поселок „Темерник" и впродолжение 8 дней победоносно отражали попытки казачьих и пехотных отрядов овладеть их рабочей крепостью.

После Октябрьской Революции в Ростове н-Д. образовалась Советская Власть. Но в это время ростовским рабочим пришлось иметь дело не только с ростовскими капиталистами, но и с сильной всероссийской реакцией, сосредоточившей свои силы в области Войска Донского и на Кубани и опиравшейся на зажиточные слои Донского и Кубанского казачества. Борьба с реакцией ростовским рабочим оказалась не под-силу и под-давлением вооруженных белогвардейских отрядов Советская Власть на время уступила свое место царским генералам.

Но ростовский пролетариат вскоре восстал, как только снова послышались выстрелы приближающихся отрядов Красной Армии и помог последней окончательно изгнать из своего города реакцию.

Уже народовольцы делали попытки вести в Ростове н-Д. революционную пропаганду. Но для народнического движения не было почвы в этом городе, где развитие капитализма свело к минимуму значение тех социальных слоев, на который опирался этот вид мещанского социализма. Поэтому ни в 70-х и 80-х годах, ни позже в эпоху стачки 1902 г. и в последующие за ними годы народники и родственные им социалисты-революционеры не играли никакой роли в рабочем движении Ростова и Нахичевани.

Наоборот, для развития марксизма условия экономической действительности в этом городе создавали благоприятную почву. Уже руководитель забастовки в главных мастерских Владикавказской железной дороги в 1894 г. Козин по своим взглядам был марксистом *). Ив. Ставский в своих воспоминаниях сообщает о систематической

*) Примечание. Конечно, о марксизме в этот период, когда это учение в России лишь зарождалось можно говорить лишь условно. Пишущий эти строки познакомился с Козиным в 1903 году, когда он прибыл в Ростов н-Д. для работы в организации Донского Комитета Р. С. Д. Р. П. Тогда Козин был уже вполне сложившимся марксистом и работал в начале девятисотых годов в бакинской социал-демократической организации.

социал-демократической пропаганде, ведшейся в Ростове н-Д. в 1898 году, а годом раньше когда Ставский работал в мастерских Владикавказской жел. дороги и на судоремонтном заводе Пастухова, уже были попытки распространения литературы, которая, повидимому, была соответствующего легального направления и организации кружков.

„В 1898 г., пишет Ставский (С. Васильченко и Ив. Ставский „Первый бой". Кооперативное издательство „Московский Рабочий" 1922 г. стр. 37) мне уже удается примкнуть к работе. Я узнал о существовании кружков, в которых ведется систематическая социал-демократическая пропаганда, изучается история культуры, политическая экономия и рабочий вопрос. Члены этих кружков заслушивали нечто вроде лекции пропагандиста, получали указания, что читать по интересующему вопросу, составляли конспекты и на следующих собраниях делали что-то вроде докладов, давая материал для споров и суждений. Эти собрания расширялись, и лично я помню одно собрание, например, с числом участников в 40 челов., где выступал один товарищ, как говорили приезжий, сделавший доклад о народничестве и марксизме".

К началу XX столетия были заложены не только основы для будущей социал-демократической организации, но и наметился общий план последней.

Из местных рабочих и интеллигенции выявилась достаточно прочная марксистская группа, которая явилась руководящим ядром для дальнейшего развития работы. В 1900—901 гг. в работе принимали более или менее видное участие следующие товарищи (помимо уже упомянутого тов. Ставского), рабочий Копылов (псевдоним „Бур")—московский рабочий Павел Соколов, работница Асмоловской фабрики Лиза Быстрицкая, Мелешко—интеллигент, студент Харьковского Университета Михаил Серебряков (из Саратова), студ. Фома Ананьев, студ. Захаров, Сем. Итин, А Иванов (из Саратова) Остроухов, Полина и Михаил Чайченко, супруги Шпак, рабочий—С. Васильченко, нахичеванский рабочий „Грек" (Топчиев), А. Локерман (интелл.), рабочий Тишенко („Христофор Колумб"), Мочалов („Амвросий"), рабочий Михайлов („Зека"), рабочий Собинин, рабочий Кравцов и др. Кажется, в 1901 году в Ростов прибыл после заключения своего в петербургской тюрме и т. Драбкин (Гусев); к этому же времени образовался и Донской Комитет, выделившийся из перечисленной группы товарищей. По полицейским условиям того времени он был строго законспирированным руководящим ядром, вокруг которого группировались пропагандисты, ведшие работу в кружках, и агитаторы на заводах, которые вербовались из рабочих местных заводов.

В 1900 году этой организацией была распространена по всем крупным заводам и фабрикам первомайская прокламация, присланная из-заграницы и произведшая очень сильное впечатление на рабочие массы, несмотря на опасения некоторых товарищей, полагавших, что ярко политический характер ея лозунгов оттолкнет мало-сознательных в политическом отношении ростовских рабочих.

„В 1902 г. в Ростове н/Д", пишет И. Ставский, была произведена попытка устроить 19 февраля демонстрацию на улице и проведена 4 марта демонстрация в театре с лозунгами: „Долой самодержавие" и „Да здравствует политическая свобода".

Но, конечно, говорить о сколько нибудь прочной организации в 1900—1901 гг. еще не приходится. Указанная выше группа исправно работающих товарищей то и дело подвергалась разгромам, отчего сильно страдала организация Так в 1901 г. были произведены массо-

вые аресты (Ставский, Серебряков, Копылов, Иванов, Мелешко, супруги Чайченко, Шпак и др). Правда, аресты эти были случайными и большинство из арестованных за неимением улик были вскоре выпущены, но такие набеги, конечно, мешали развитию подпольной работы.

Хотя после этих набегов всегда оставалось достаточно большая группа организаторов и пропагандистов, чтобы продолжать дальнейшую работу, но так как большинство из работавших принадлежали к числу местных жителей то, естественно, что требования конспирации приводили всегда после таких арестов к уменьшению темпа работы.

Когда я в мае 1902 г. прибыл в Ростов н/Д, то организация Донского Комитета имела, если не ошибаюсь, всего лишь 6 кружков (по 10—12 чел. в каждом). Кроме того была группа пропагандистов, из коих только часть вела систематическую работу среди рабочих.

„Нам необходимо строить организацию с низу до верху" сказал мне раз А. Локерман, член Донского Комитета, бывший в то время главным работником по организационной части.

И лето 1902 г. прошло в пересмотре всей конструкции подпольной организации, в поисках новых ея форм, в создании устава, программы кружковых занятий. До сих пор в моей памяти яркое воспоминание о тех теплых летних вечерах, которые мы проводили на левом берегу Дона, против города в обсуждении этих вопросов.

В назначенный день и час (обычно поздно вечером мы, бывало, сходились в конце Нахичевани у реки, где наш завзятый „конспиратор" „Христофор Колумб" уже ожидал нас в заранее приготовленной лодке. Каждый из нас обычно запасался какой нибудь незатейливой едой: колбаса, хлеб, арбузы и пр. А затем осторожно, стараясь не обращать на себя внимание, мы переправлялись на другой берег реки, где в удобном месте, откуда было видно всех, кто бы вздумал подойти к нам, располагались „на заседание".

Надо заметить, что неподалеку был мост, но мы старались не ходить по нему, не желая давать случая стоявшему у моста городовому познакомиться с нашими физиономиями и видеть нас вместе*).

И при свете костра мы обсуждали иногда до восхода солнца различные вопросы нашей организации. Споры очень часто были горячие, по русскому обычаю мы сплошь да рядом уклонялись далеко в сторону, но, в общем, дело спорилось: наша организация росла и крепла, количество кружков быстро увеличивалось, влияние Донского комитета на рабочие массы становилось все более сильным,

Этому способствовали и об'ективные условия. Вся Россия в это время переживала под'ем революционного движения, являвшегося следствием быстрого расцвета капитализма в начале 900-х годов. Стачечное движение развивалось не по дням, а по часам. Выступления рабочих начинали принимать политическую окраску. С политическими лозунгами уже выступили обуховские рабочие в Петербуге, Харьковские и т. д. В самом начале весны 1902 г. разразились первые аграрные беспорядки в Полтавской губ., произведшие сильное впечатление на рабочих близкого к Полтавщине Донского района.

---

*) Примеч. Вообще мы соблюдали самую строгую конспирацию, как в частной жизни, так и в революционной работе. Встречаясь по улице, мы не раскланивались друг с другом, старались не бывать в тех местах, которые посещались местной интеллигенцией и проч. Благодаря такой конспирации Донской комитет во время Ростовской забастовки пострадал очень мало. Лишь после демонстрации 2 марта 1903 г. жандармы настолько „нащупали" организацию, что разгромили значительную ее часть.

Наконец, в мае 1902 г. рабочие ст. Тихорецкой разгромили местную полицию за возмутительное изнасилование Золотовой. Да и в самом Ростове социально-экономическая атмосфера быстро накалялась. Среди рабочих Владикавказских мастерских шло глухое брожение в связи с понижением расценков, расчетом старых рабочих, оскорблениями со стороны мастеров и пр. То же наблюдалось и на других заводах. В такой атмосфере даже относительно незначительные факты политической жизни быстро превращались в стимул к протестам, недовольству и проч.

В середине мая 1902 г. в Ростове н-Д. казнили трех воров за убийство городового. На суде над ними, происходившем при закрытых дверях, выяснилось, что ростовская полиция сама принимала участие в воровских операциях и заставляла (в лице не только городовых, но и околодочного) воров делиться с нею их добычей. При дележе последней, полицейские требовали большой доли. Возмущенный такой „эксплоатацией", а может быть, боясь выдачи со стороны полицейского, один из воров убил последнего. Двое других воров никакого участия в этом убийстве не принимали. Тем не менее, осуждены были все трое и приговорены к смертной казни, которая вскоре и была совершена. Слухи об этом суде быстро разнеслись среди рабочих; быстро выяснилась и роль полиции в этом деле. Началось глухое брожение. Говорили о невинно убиенных" и в церквах подавались записки о поминовении их при молитвах, как замученных властями.

Донской Комитет воспользовался этим фактом и выпустил напечатанную на гектографе прокламацию с своей оценкой этого факта, освещая роль полиции в государстве и специфические качества полиции при самодержавии.

И надо сказать, что эта прокламация сильно содействовала росту революционного настроения и политической сознательности среди ростовских рабочих.

Вообще надо сказать, что настроение работников Донского Комитета было самое приподнятое. Мы чувствовали, как растет и ширится рабочее движение. Успех окрылял нас и каждый из нас готов был воскликнуть:

„Весело жить в такое время!"

К концу лета у нас было, если я не ошибаюсь до 15 кружков. Организация в это время приняла тот вид, какой она имела в период забастовки 1902 г. Во главе ея стоял Комитет, не выборный, конечно,— по тем временам о выборности говорить было еще рано, состоявший из наиболее испытанных товарищей. В состав его к осени 1902 г., насколько я помню, входили следующие лица: т. Драбкин (Гусев), бывший среди нас наиболее крупной теоретической силой и в силу этого, руководивший политической линией организации, А. Локерман, человек с большим организационным чутьем и практическим навыком. Он вел организаторскую работу, сносился с заграницей, (с „искровской" группой). Рядом с ним работал и уже упомянутый мной П. И. Тищенко. Этот товарищ, рабочий Волго-Донского завода, жил в Нахичевани, на самом краю ее, отличался уменьем ловко и конспиративно проводить в жизнь самые трудные мероприятия, требовавшие крайней осторожности и осмотрительности. Хорошо зарабатывая, он одевался лучше многих из нас и, когда ему нужно было являться по конспиративным поручениям в богатые квартиры, он облачался в хорошо сшитый сюртук, очень шедший к его высокой фигуре. Никакой шпик не заподозрил бы в нем пролетария, стоявшего,

может быть утром этого дня на заводе у станка! Колумб получал нелегальную литературу, ставил печатание прокламаций, а к осени 1902 г. принял самое деятельное участие в постановке типографии. Кстати несколько слов о последней.

О типографии давно мечтали работники Донского Комитета, но до осени 1902 г. все наши планы ее постановки оканчивались неудачей: то не было подходящих людей для работы в ней, то не хватало денег, то не было квартиры. Были проэкты построить ее за несколько сот верст от Ростова, но и эти проэкты не привели ни к чему. Наконец, Локерман в один прекрасный день об'явил нам, что все готово: и люди и деньги и квартира с необходимым для типографии снаряжением. Ради конспирации Комитет поручил организацию этого дела только двум товарищам: Локерману и Христофору (Тищенко). И они выполнили свое задание блестяще! Типография была так хорошо организована и так законспирирована, что она во время ноябрьских событий поставляла прекрасно отпечатанные прокламации чуть ли не каждый день, с аккуратностью хорошо поставленной газеты. В ней работали, если я не ошибаюсь, два товарища, которым в работе иногда помогали Христофор и Локерман. Типография помещалась в Нахичевани, по 1-й Федоровской улице, между 21 и 23 линиями. Первым изданием, выпущенным типографией Донского Комитета была, перепечатанная в виде листка, брошюра Вильгельма Либкнехта „Пауки и Мухи". За нею последовала прокламация к новобранцам, вышедшая в октябре 1902 г. и преисполнившая наши сердца большой гордостью.

Кроме Гусева, Локермана, Тищенко в Комитет входил Ставский, Мочалов, А. Браиловский, незадолго до стачки уехавший за-границу, а после возвращения оттуда руководивший демонстрацией 2 марта 1903 г. Молодой, нервный, остроумный, он был одним из лучших пропагандистов.

Что касается меня, то, приехав в Ростов в мае 1902 г., я сначала был пропагандистом, в Комитет вошел летом 1902 г.

Комитет ведал всей социалдемократической работой в Ростове н-Д., Нахичевани и окрестностях. В организационном отношении эти два города представляли три района, (темерницкий, городской и нахичеванский) во главе которых стояли районные собрания из представителей кружков (по одному от каждого) и представителя Комитета. Из представителей этих районов образовался „рабочий комитет", в который кооптировались наиболее активные работники районов. На заседаниях рабочего комитета непременно присутствовали члены Донского Комитета, которые являлись своего рода президиумом для „рабочего комитета". В члены последнего входили: Ставский, Христофор, „Грек", „Зека" (Михайлов) и еще трое рабочих, фамилии и имена которых я забыл. Наконец, пропагандисты составляли особую пропагандистскую группу, на собраниях которых всегда бывали один или несколько членов Комитета. На этих собраниях обсуждались методы и содержание пропагандистской работы. Из пропагандистов я помню: С. Гурвича, С. Итина, А. Браиловского, И. Лихтера и еще несколько человек.

Такою была Донская организация Р. С. Д. Р. П. Последующие собрания показали, что этот аппарат великолепно справился со всеми труднейшими задачами, которые встали перед ним.

Ее фундаментом являлись кружки, члены которых вели агитацию среди рабочих, вербовали новых членов, распространяли прокламации, и, кроме того, сами деятельно учились. Наиболее интересным и от-

ветственным делом являлась агитация и вербовка новых членов. Для последнего требовалась особая осторожность и уменье определить человека, так как можно было ввести в организацию или человека несильного, слабого по характеру, или, просто напросто, шпиона.

Наметив какого нибудь товарища из рабочей массы, интересующегося политическими и экономическими вопросами, агитатор должен был познакомиться с ним поближе, узнать его характер и содействовать его дальнейшему развитию. Для проверки своего мнения он обычно передавал этого товарища какому нибудь другому члену кружка, а затем уже происходило знакамство с новообращенным („распропагандированным", как говорили тогда) представителя (рабочего руководителя) кружка. После этого на общем собрании членов кружка подымался вопрос о приеме нового члена, который мог войти в кружок лишь при отсутствии какого бы то ни было отвода.

Занятия в кружках зимой производились на квартирах членов кружка, удовлетворявших требованиям конспирации, а весною, летом и осенью где нибудь за городом, в оврагах, каменоломнях или на лодке. Усердие членов кружка доходило иногда до того, что даже и проливной дождь не мог помешать занятиям: помню одно из таких собраний кружка на берегу Дона под дырявой лодкой. Мы все промокли, но мое предложение разойтись было встречено шумным протестом.

Мне приходилось руководить Нахичеванским районом, куда входила и часть Ростова н-Д. обращенная к Нахичевани, к концу лета у меня в районе уже было четыре кружка, из которых я сначала занимался в трех, а потом передал третий одному из товарищей пропагандистов.

Из руководителей этих кружков особенно ярко стоит в моей памяти фигура тов. Спартака (Симен Голубенко). Небольшого роста подвижной он всецело отдался рабочему делу, агитировал, пропагандировал, разбрасывал прокламации и всех зажигал своим энтузиазмом. Вместе с этим он таким образом успевал прочитать массу книг. Во время декабрьского восстания 1905 г. Голубенко был ранен при случайном взрыве бомбы.

Другим видным работником в Нахичеванском районе был „Грек". Плечистый, смуглый, с практической складкой ума он являлся великолепным организатором и прекрасным агитатором. Читать книжки он не любил, но обладая хорошей памятью, он усваивал социал-демократическое учение со слов пропагандиста настолько хорошо, что очень недурно проводил его в массы. Особенно удавалась ему агитация с помощью легальной газеты, которую он читал почти каждый день вслух на заводе.

Вот т. „Курьер", столяр, энергичный организатор и агитатор. Его матушка, уже почтенных лет женщина, напоминала собой „Мать" Горького. Не раз во время обыска она прятала нелегальщину себе в чулок, иногда занималась распространением прокламаций. „Курьер" вместе с несколькими другими товарищами из Нахичеванских кружков („Марсом" и „Неустрашимым" и др.) во время демонстрации 1903 г. составили ядро, вокруг которого сплотились организованные рабочие. Вот „Купидон" (Максимов), ставший впоследствии предателем, испугавшись угроз ротмистра Карпова. В период перед забастовкой он был деятельным членом организации.

Были у нас в кружках и женщины, я помню клички двух из них—работниц табачных фабрик—„Жанна" и „Сусанна".

Кружки представляли собой дружную, сплоченную семью, в которой все поддерживали друг друга, развивали друг-друга и толкали на

энергичную работу. Каждый член кружка заранее свыкался с мыслью, что рано или поздно он попадет в тюрьму и поэтому соблюдал конспирацию, стараясь сделать как можно больше для революционного движения.

Конечно, не все были одинаково деятельны, одинаково самоотверженны. Но у меня лично остались самые лучшие воспоминания об этой молодежи, отдавшейся борьбе с самодержавием и капитализмом, и бодро, с песнями шедшей вперед по своему пути.

Из рабочих, принадлежавших к другим районам, я помню Кравцова, Сабинина, Кроче, Скоробогатовых, Зинченко, „Архангела" (он же „Заика") Васильченко, Рейзмана и др., но за недостатком времени и места не буду приводить их характеристики.

Чтобы точнее обрисовать деятельность организации Донского Комитета, упомяну еще об организации учащейся молодежи под названием „Южно-Русская группа учащейся молодежи", члены которой принадлежали к соц.-демократии и которые работали под общим контролем „Донского Комитета". Среди наиболее активных членов следует упомянуть: С. Гурвича. Владимира, Лидию к Артура Плесковых, Нину Баккаляр. Нину Маршак, Г. Краморова, М. Браиловского, А. Кравченко, Емельянова и др. Из этой организации вышло впоследствии много активных работников.

Такова общая картина соц.-дем. организации „Донского Комитета". Начиная с конца девяностых годов, она постоянно росла и укреплялась вместе с общим ростом революционного движения в России. В начале 900 г. как известно, „искровцы" повсюду вытесняли представителей экономизма. Ростовская организация сразу примкнула к „Искре" и в середине лета 1902 г. послала на страницы последней официальное заявление о своем присоединении к теоретической и тактической позиции революционного марксизма. В этом заявлении в довольно возвышенном тоне говорилось о том, что нива революции поросла плевелами опортунизма, с которыми следует вести беспощадную борьбу, Тогда еще не было деления на „большевиков" и „меньшевиков" среди искровцев и под оппортунизмом подразумевали экономизм, который явился тормазом в развитии революционного движения. Помню с каким нетерпением ожидали мы в те времена очередного номера „Искры", которая явилась единственным центром организации революционного движения во всероссийском масштабе. По этой же причине многие из нас читали и перечитывали брошюру Ленина „Что делать", вышедшую в то время.

Потребность в едином центре революции ощущалась все более сильно, и ростовская забастовка, показавшая максимум того, что можно сделать в местном масштабе, вместе с тем показала, что дальнейшее развитие движения будет тормазится, если не произойдет об'единения всей социал-демократической работы в масштабе всего государства. Это ясно понял „Донской Комитет" по окончании забастовки и выразил в своем обращении к гражданам всей России.

Только в таком масштабе могла произойти революция, как завершение местных выступлений, и все расширяющихся движений пролетариата. Ростовская забастовка была одним из ударов грома надвигающейся грозы.

Как уже сказано было выше, многие работники Донской организации предчувствовали, что на них надвигаются какие-то события. Брожение среди рабочих мастерских Влк. ж. д. замечалось всю вторую половину лета и видно было, как тени этого брожения усиливались.

2 ноября вспыхнула забастовка в котельном цехе. Было устроено собрание организованных рабочих, на котором в качестве представителя от Комитета присутствовал и я.

Собрание распределило роли между инициаторами забастовки

На другой день начался бой...

Я не собираюсь дать картину этого боя: она вполне ясно вырисовывается в тех корреспонденциях в „Искре", которые писались во время самой забастовки или сейчас же после нея и которые носили на себе печать тогдашней современности. Такой же свежестью красок отличается и брошюра т. Амвросия, которую в извлечениях мы приводим здесь.

В мою задачу входило лишь дать беглый очерк периода, предшествовавшего забастовке. Остановлюсь в нескольких словах на связи последней с нашим временем.

Стачка 1902 г. является одним из первых звеньев в той огненной цепи, которая через 15 лет привела к Октябрьской Революции. Она одна из первых этапов борьбы рабочего класса за власть с имущими классами. За этим этапом непременно должны были последовать другие, при чем бой захватывал с каждым разом все более широкие участки фронта, до тех пор пока битва не разгорелась по всей линии. Это развитие заметно уже на ходе забастовки 1902 г., которая начавшись с экономических требсваний, перешла к требованиям политической свободы и закончилась кровавым столкновением, в котором должна была победить какая-нибудь одна сторона.

В 1902 г. слабейшей стороной оказался пролетариат.

Но растущий класс, класс, на который работает само развитие социально-экономических отношений, не может быть надолго опрокинут. Оправившись, собравшись с новыми силами, он бросится снова на штурм и будет биться до тех пор, пока его враг не будет окончательно уничтожен.

Рабочий клас шел от стачки 1902 г. и демонстрации 1903 г. к забастовкам, охватившим весь юг России летом 1903 г., к генеральному сражению 1905 г. и, наконец, к окончательной победе в пределах России в лице Советской Власти.

Но борьба еще не окончена. Очередь за пролетариатом других стран. Там мы видим все более жаркие схватки пролетариата с капитализмом.

Победа пока на стороне последнего.

Но мы верим, мы убеждены, мы знаем, что эта победа одна из последних. Рабочий класс Европы и Америки в конце концов победит..

А. Станчинский („Иван Иванович").

Правда о Ростовских событиях.

Предисловие редакции „Зари".

Печатаемый нами в высшей степени интересный рассказ о ростовских событиях с надлежащей ясностью и убедительностью опровергает многочисленные обвинения, мишенью для которых явились наши ростовские товарищи. Поскольку эти обвинения об'ясняются партийными счетами противников социал-демократии, их абсолютная вздорность достаточно разоблачена товарищем Амвросием. Но в известной степени эти обвинения об'ясняются также неумением доискаться причин того несомненного обстоятельства, что и в Ростове, как нередко бывало в других местах, в ноябрьские дни „движение переросло революционеров". „Рев. Россия" *) с наивностью, достойной умиления, ищет этих причин в отсутствии у социал-демократов—благодаря их „доктринерству"—настоящей революционной энергии. „Отклики" г. Надеждина пытаются „искать виноватого" в отсутствии внутренней, интимной связи между социал-демократом и массой, этим пресловутым рабочим середняком".

И все „не в то место попадают". Да, в Ростове „движение переросло революционеров". Да, несмотря на то, что Донской Комитет использовал стачку так, как еще никогда и нигде русским революционерам не удавалось использовать движение народной массы, несмотря на то, что задачу, поставленную ему событиями, Донской Комитет выполнил блестящим образом, несмотря на то, что он развил величайшую энергию и поставил ребром лучшие свои силы—тем не менее, настал в движении момент, когда максимальное напряжение сил местной организации, как бы совершенна она не была, не может уже удержать движение в руках его организаторов, не может обеспечить его дальнейшее развитие в таком направлении, которое обеспечивало бы ему успех.

Комитет был „бессилен охватить привлечь и руководить окрестностями, где уже кипела и волновалась под влиянием ростовских событий рабочая масса. Но за этими окрестностями, за Тихорецкой и Новороссийском, стоял весь юго-восточный район, стояла вся рабочая Россия, прислушивавшаяся к гулу ростовской борьбы. Этот гул докатился до Урала (см. корр. из Екатеринбурга в № 32 „Искры"), до Иркутска, где социал-демократический комитет издал к рабочим прокламацию о ростовских событиях. Делались ли попытки поддержать ростовское движение сочувственными демонстрациями или стачками в других местах. Нет, они не делались и при данном положении партии они лишь в редких случаях могли быть начаты за собственный страх и риск отдельными комитетами. Не было центрального аппарата, направляющего деятельность партии по общему руслу и в результате — много потенциальной энергии, накопившейся в рабочих массах, пропало даром и само движение ростовских рабочих лишилось того нового импульса, который непременно придали бы ему

*) Прим. ред. сборника. „Революционная Россия"—орган социалистов-революционеров. Газета начала выходить в 1901 году в Париже.

известия о выступлении на их защиту рабочих в ряде других мест. Наличных сил Донского Комитета прямо количественно не хватало, чтобы усиливать свою агитацию с каждым днем. И, благодаря нашей партийной неорганизованности, эти нужные силы не могли быть своевременно двинуты на помощь комитету. Не хватало литературы для усиленной агитации, — и наши транспортные организации не могли наскоро мобилизовать доставку литературы туда, где она была так нужна"...

Нечего, поэтому, сваливать вину того, что не все вышло так, как могло бы быть, на наше „доктринерство" или на наше неумение обращаться с „середняком". Психологию нашего середняка рабочего, руководившие движением, знали, вероятно, не хуже группы „Свободы"... Нечего ходить кругом да около, чтобы придумать, каким другим средством — кроме работы над созданием партийной организации—можно помочь беде, вызванной отсутствием такой организации... Нечего тешить себя мечтой, будто бы беде можно помочь, гвердя и кстати, и некстами: „следовало бы устроить демонстрацию", или повторяя на все лады пустопорожнюю мысль: „надо уловить настроение массы„.

Ростовские события поэтому именно являются такими поучительными, что с достаточной яркостью подчеркивают сравнительную мизерность роста революционной партии... и показывают, что революционер рискует остаться в хвосте движения. Призывая рабочих к организации, организуйтесь сами". Этот вывод, ростовского товарища резюмирует наши партийные задачи, еще раз так настойчиво подчеркнутые ноябрьскими событиями. Горе социал-демократии, если она не примет к сведению этого урока жизни.

Правда о ростовских событиях.

В виду того, что ноябрьские ростовские события до сих пор были излагаемы очень неполно и отрывочно и особенно в виду того обстоятельства, что некоторые революционные органы (как напр. „Рев. Россия") придали им совершенно неправильное освещение, так как задались целью построить обвинительный акт против комитета нашей партии,—я имею в виду настоящим письмом дать читателю полную картину этих событий. Я постараюсь не упустить ни одной мелочи из самых событий и из деятельности комитета в названном движении. В своем изложении я буду придерживаться хронологического порядка, вводя постепенно читателя в ту атмосферу, в которой мне пришлось быть свидетелем и участником грандиозных событий.

2-го ноября, в субботу, в главных мастерских котельного цеха забастовали котельщики. Причина забастовки—обсчитывание со стороны мастера Вицкевича. Явившийся в котельный цех начальник мастерских Дзевонский после 1½ ч. переговоров с'умел успокоить котельщиков и последние принялись за работы. В 5 часов вечера о событиях в мастерских было сообщено[1]) организованными рабочими в комитет. Ввиду того, что материала для всеобщей стачки в мастерских было вполне достаточно, и далее, ввиду того, что комитет в целом ряде прокламаций не переставал призывать к стачкам, комитет решил организовать во что бы то ни стало всеобщую стачку.

---

[1]) Корреспондент „Револ. России", „принимавший участие в движении", говорит „поспешил вмешаться комитет".

В воскресенье комитет устраивает сходку из 50 неорганизованных рабочих, на которой большинство высказалось за невозможность стачки[1]). „Но (сказали они), если стачка начнется, мы поддержим". Находя такой элемент не особенно надежным, комитет вечером собирает другую сходку из 20 организованных рабочих, которые безусловно высказались за стачку, и, главное, взялись за ее устройство. Здесь же распределив между собой роли, они поклялись умереть, если не устроят стачки. В присутствии их была составлена прокламация с намеченными требованиями и через пять часов была передана им уже печатная в количестве 1500 экземпляров[2]). В понедельник в 9 часов утра раздался тревожный свисток и крики по мастерской: „бросай работу".

Мастера Голоцуцкий и др, пытавшиеся парализовать движение, были избиты и бежали. Заметьте, что те 50 рабочих, которые обещали поддержать стачку, были выгнаны каменьями из мастерской. Под угрозой со стороны организованных[3]) рабочих по адресу машиниста Медведева машина была остановлена, и рабочие высыпали во двор мастерских. Здесь им была прочитана печатная прокламация Донского Комитета с формулированными уже требованиями, кончавшаяся возгласом: „да здравствует стачка". Все начальство мастерских спряталось, и вместо него в 10 час. утра явились городские полицейские и жандармские власти, с прокуратурой во главе. Находчивый жандармский полковник Артемьев, чтобы задавить стачку в корне, потребовал у рабочих прокламации, и вмиг был осыпан ими с ног до головы. Не теряя надежды на успех, он попробовал вступить с рабочими в переговоры. Крики[4]) „долой жандармов, вон жандармов, у нас есть свое начальство", парализовали у Артемьева всякую надежду успокоить толпу. Тогда, обращаясь к полицмейстеру, он говорит: „Пошлите казаков, мы скоро это уладим". Полицмейстер, бросив беглый взгяд на рабочих, отвечает: „Когда будет бунт, тогда будут и казаки". По требованию рабочих явилось высшее железнодорожное начальство, которому депутатами от рабочих были пред'явлены требования и об'явлена стачка. Вожаком стачки выступил рабочий Ставский (2 месяца как освободился из тюрьмы, где просидел 18 месяцев). В краткой, но энергичной речи он обрисовал все ухудшающееся положение рабочего класса, громадный рост капитализма и наряду с этим обнищание рабочих, и призывал их поддержать данную стачку, он указывал им, что сила их только в сознании рабочих, причем подчеркивал, что у капиталиста есть очень надежный защитник—правительство, с которым рабочему классу нужно считаться. В 2 часа рабочие разошлись, назначив сходку на следующий день в 10 час. утра в мастерских же. В этот же день, т. е. 4 ноября, бывший член Донского Комитета Брагин[5]) пригласил к себе

---

[1]) Корреспондент „принимавший участие в движении", говорит: „все высказались за стачку".

[2]) Об этом обстоятельстве корреспонд. очевидно не знал.

[3]) Эти 20 человек решительными действиями сделали то, что теперь называют „ростовскими событиями".

[4]) Эти крики были со стороны тех же организованных рабочих.

[5]) Брагин сторонник широкой агитации и пропаганды демократических и просветительных идей в массе и обществе. Резкий противник террора, осуждавший поступки Балмашева и Леккерта; иногда впадавший в крайности бернштейнианства, например, стоял за пропаганду в массе по вопросу о плохих мостовых и об отсутствии фонарей на темных улицах. Противник устройства демонстраций, так как они ведут к потере лучших революционных сил. Его принцип—быть выразителем стремлений массы, а так как „самодержавие исторически пережило себя, то задача революционеров принять все меры к пропаганде и агитации в массе и, опираясь

одного из членов комитета и между ними произошел спор по вопросу о том, устраивать ли на завтра демонстрацию. Член Комитета заявил, что комитет считает попытку демонстрации преждевременной, так как массы устроили стачку с определенной экономической целью. Брагин горячо настаивал на необходимости во что бы то ни стало попытаться вызвать демонстрацию и заявил, что, как бы ни поступил комитет, он самолично позовет рабочих демонстрировать. Разошлись с тем, что Брагин получит уведомление о результатах имевшего быть вечером собрания комитета. В 2 часа ночи Брагина не оказалось дома и ему была передана записка следующего содержания: „Комитет единогласно высказался за демонстрацию, но только не завтра, а дня через три, а это время затратить на подготовку массы". На другой день, во вторник 5-го ноября Брагин, действительно явился на сходку. В страстной и сильной речи он открыл перед рабочими перспективу политической свободы, он призывал их к борьбе за эту свободу, к беспощадной борьбе с врагом всех рабочих — самодержавием. Его речь была пересыпана сарказмом по адресу русского правительства и иллюстрировалась правительственными бозобразиями из русской жизни (во время его речи в толпе раздавались восклицания: „ловко", это почище нашего Ванюхи будет, [1]) некоторые же выражали порицание. (Старики, большей частью). Свою речь Брагин закончил возгласом: „Долой самодержавие". Некоторые роптали и просили не вмешивать политику, некоторые кричали „ура"... Брагин вынул из кармана гектографированные прокламации и бросил их в толпу. Одна из этих прокламаций попала в руки вожака стачки Ставского. Ставский, просматривая прокламацию [2]) и заметив, что она подписана Донским Комитетом Р. С. Д. Р. П. и не снабжена красною комитетской печатью, усомнился в ее законном происхождении (о том, что ее выбросил из кармана Брагин, Ставский совершенно не знал) и обращаясь к рабочим, держа прокламацию в руках, сказал следующее: „Товарищи, все прокламации Донского Комитета снабжены красной печатью комитетской, но бывают случаи, когда полиция или шпионы тоже выпускают прокламации и эта прокламация есть, вероятно, их проделка; поэтому, просмотрите свои прокламации, и, если на них нет красной печати, то сейчас же, не читая, порвите". Через несколько минут все прокламации были уничтожены. К концу сходки Брагин произнес еще одну не менее горячую речь с призывом на демонстрацию, причем был выброшен красный значек и рабочих звали в город. [3]) По толпе прошел ропот: „это не то, это политика, это мы после, когда мы выиграем стачку" и т. д. и это мнение выражали не одни старики, а и большинство молодежи (прошу заметить, что преобладающий возраст в мастерских — молодежь), и за демонстрантами по-

[1]) Ставского.

[2]) Это именно та прокламация, на которую „Рев. России" указывает, что последняя была выпущена „Группою социалистов революционеров".

[3]) Все это происходило в присутствии корреспондента „Рев. Россия", участие которого выразилось в пассивном созерцании. Такое участие он принимал до следующего вторника.

на эту массу, ускорить падение самодержавия". Много читал и читал с толком, талантливый, замечательный товарищ и по темпераменту в высшей степени экспансивный. Вышел из Комитета за неделю до стачки, с одной стороны вследствие тактических разногласий,—с другой, чтобы познакомиться обстоятельно со всей нелегальной литературой и разобраться в полемике заграничных партий.

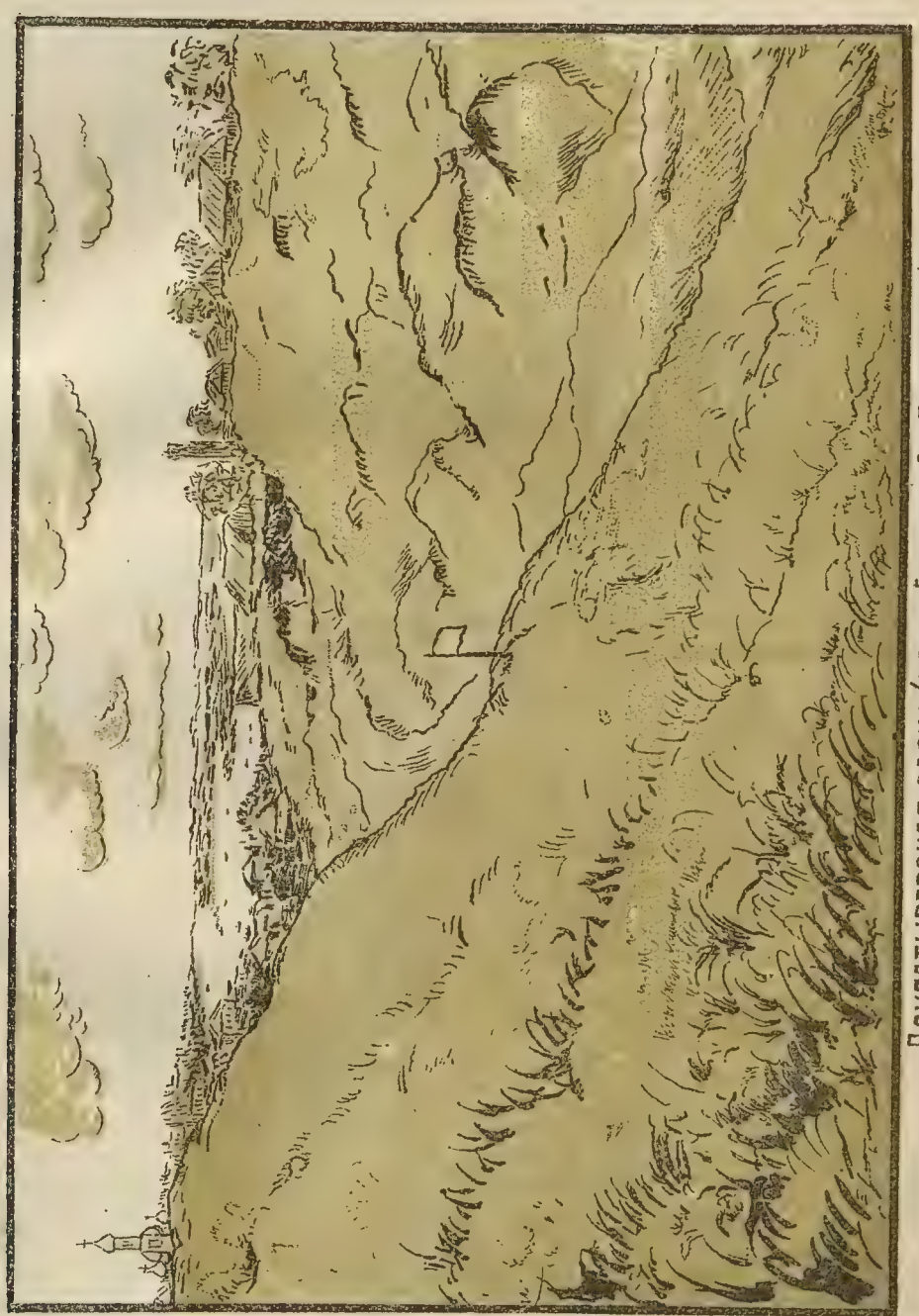
Примеч. редакц. сборника: В разсказе Амвросия Брагин называется Х. Для удобства мы всюду заменяем Х. фамилией „Брагин".

вернуло человек 150 — 200. Считая такое количество не вполне достаточным и совершенно не отвечающим поставленной цели, Брагин оставил мысль о демострации. В этот же вечер Брагин присутствовал на собрании комитета и при обсуждении вопросов следующего дня никаких разногласий между Брагиным и комитетом не было. Единогласно с Брагиным было решено: „Пока бездействует полиция и жандармы — вести политическую пропаганду и агитацию, и мы в несколько дней сделаем то, что нелегальной литературой достигается годами"...

В среду Брагин отправляется на сходку уже в определенной роли агитатора-пропагандиста, вполне солидарного со взглядами комитета на стачку и в качестве активного члена комитета. Коснувшись в своей речи вскользь стачечных интересов, он переходит к общему экономическому положению рабочего класса. С ловкостью опытного агитатора и талантливого оратора, он умело приводит слушателя к его истинному врагу—самодержавию. Его речь настолько ясна и проста и проникнута страстностью и искренностью, что слушатель совершенно забывает, где он находится, и позови его не только на демонстрацию, а на баррикады, он пойдет. Но Брагин уже ни на минуту не забывает, что он сеятель. Как только он подмечает под'ем массы, он переходит к политической пропаганде. Он в ясной для рабочего форме рисует вред существующего строя, необходимость политической борьбы для рабочего класса и его речи вызывают уже не ропот, а взрыв восторга, взрыв злобы по адресу самодержавия. В этот день т. е. среду, он вполне подчинил себе массу. Он чувствовал теперь себя ее сыном, выразителем и защитником ее интересов. И, тронь его кто-нибудь из полиции, она бы, эта масса, разорвала такого смельчака на куски. Когда Брагин кончил говорить, к сходке подошел жандармский ротмистр Иванов с намерением вступить в переговоры с рабочими. Едва только жандарм заговорил, как Брагин громовым голосом крикнул: „молчать, кто вас уполномочил говорить". „Администрация железной дороги", отвечает опешивший жандарм. „Товарищи", обращается Брагин к толпе, „желаем мы или нет выслушивать жандармов". Нет, нет, не желаем, кричит тысяча голосов. Тогда Иванов сообразив, что у него, наконец, нашелся способ уронить значение Брагина в глазах толпы—спрашивает: „А вас кто уполномочил". „Толпа" отвечает Брагин. „Товарищи, кто меня уполномочил" обращается Брагин к толпе, „Мы, мы" кричит толпа, „говорите, говорите". „Товарищи" начал Брагин „взгляните, вот стоит свора жандармов, жандармов, которыми полны все русские города, жандармов, на содержание которых государство, чтобы поддержать „порядок", тратит более 100 миллионов в год—кровных денег. Что же делают эти жандармы. Они ночью врываются в дома мирных граждан производят обыски и забирают в тюрьмы лучшую часть интеллигентной молодежи и сознательных рабочих. Чьим интересам они служат. Они служат интересам самодержавного правительства и капиталистов. Они пьют вашу кровь и говорят, что защищают вас... От кого они вас защищают. Они защищают вас от света, от сознания своих прав и интересов. Они защищают самодержавие, которое давит вас всей своей тяжестью; вот кто эти жандармы, вот чьим интересам они служат. Долой, товарищи, жандармов, долой самодержавие. Да здравствует свобода.

Громкое единодушное ура покрыло слова оратора. Тогда Иванов *) памятуя, очевидно, что „у него в груди бьется человеческое

*) Этот жандарм Иванов, в частной беседе с одним моим хорошим знакомым за бутылкой доброго вина, ударяя себя в грудь, восклицал: „Поймите, под этим мундиром, в этой груди, бьется не жандармское сердце, а сердце человека"...



Плугатыревская балка (между Гниловской и Темерником)

) Прим. редакции сборника. До этого дня сходки происходили у стен мастерских, между электрической станцией и под'емом к столовой.

*) Этот жандарм Иванов, в частной беседе с одним моим хорошим знакомым за бутылкой доброго вина, ударяя себя в грудь, восклицал: „Поймите, под этим мундиром, в этой груди, бьется не жандармское сердце, а сердце человека“...

сердце", обращаясь к Брагину говорит, что не следует ему, Брагину, пользоваться рабочими, как пушечным мясом, что он принужден будет позвать казаков. „Вы, очевидно, крови хотите", говорит он Брагину. „Это вы, вы хотите крови, а не мы" отвечал Брагин. И дав яркую характеристику поведения властей, он распускает сходку.

Весть о стачке и политических речах разнеслась по всему городу, только глухо-немой мог относиться спокойно; впрочем, я лично знаю трех глухо-немых, которые были в воскресенье на сходке. К обществу комитет выпустил прокламацию с призывом к материальной помощи стачечникам. В среду же, т. е. 6-го числа, были выпущены прокламации к заводу Панина, петельной фабрике Токарева и табачным фабрикам Асмолова, Кушнарева и еще двум с призывом к стачке.

Считаю очень важным заметить, что оратор Брагин и вожак рабочий Ставский распределили между собою роли. Первый ведет политическую агитацию и пропаганду, второй только следит за порядком стачки и его роль только убеждать рабочих стоять на своем до тех пор, пока начальство не пойдет на уступки и т. д. В четверг, 7 ноября забастовали завод Панина и фабрика Токарева, человек 350. Все явились на сходку. В этот день на сходке было более 10-ти тысяч человек. Брагин вел только пропаганду, не стараясь без надобности электризовать толпу. Мирно расхаживающие жандармы, казаки и полиция, слушали оратора с неменьшим интересом, чем и сами рабочие. Железнодорожная администрация, ввиду того, что стачка приняла характер политических митингов, отказалась вести переговоры со стачечниками и передала их в ведение атамана. и в ответ депутатам об'явила что их требования отправлены в министерство путей сообщения и ответ будет только через два месяца. Из частных же источников комитет узнал, что управлению дороги было предписано из министерства „не уступать ни одному требованию рабочих, хотя бы для этого пришлось остановить мастерские месяца на два". Чтобы понудить железно-дорожную администрацию на уступки и дискредитировать министерское распоряжение, Донской комитет принимает все меры к тому, чтобы организовать стачку по всей линии дороги. С этой целью в субботу, 9 ноября, отправляется в Тихорецкую и Новороссийск 10 организованных рабочих с 3000 экземпляров прокламаций, с призывом к стачке. Рабочие Тихорецкой и Новороссийска откликаются на этот призыв. Сходка была перенесена в балку за поселением Темерника, которая „самой природой предназначалась для народных митингов" [1]). Сходки достигали 15000 человек. Энергии Брагина не было конца (смеясь, он говорил: „Я теперь пропагандист в кружке в 15000 человек"). Он понимал все значение той работы, которую он совершал своей прокламацией. И по мере роста движения спорный вопрос о демонстрации, как для Брагина так и для комитета совершенно утратил свой острый характер. Толпа в 15000 чел. в присутствии полиции, в продолжение пяти дней слушает политические речи агитатора и в драку разбирает прокламации, да разве в истории революционного движения России было что-нибудь подобное. А выдержка в пору европейскому рабочему. Вот яркий пример, характеризующий поведение рабочих. Один из товарищей подслушал между шпионами следующий диалог; „Сейчас войдем в толпу и подеремся, как только кинутся разнимать, станем их бить, к нам на помощь бросится полиция, а затем казаки; в это время произойдет смятение и можно будет

[1]) Прим. редакции сборника До этого дня сходки происходили у стен мастерских, между электрической станцией и под'емом к столовой.

арестовать ораторов". Как толькосмелые заговорщики вошли в толпу, их замысел был громогласно оповещен и указали на их рожи. Рабочие расступились, предоставив арену для ратоборцев. И так замеченный шпион постепенно выводился из круга толпы с советом не заниматься „вредными" делами.

Город охвачен каким-то психозом. Торговля прекратилась. Монополии, ренсковые погреба, трактиры закрыты. Большинство лавок закрыты. Большинство лавок закрыто, покупатель как будто провалился, все свободное население спешит на сходку, „на стачку", послушать смелые речи. В домах перестали варить обеды, и все население в час дня уже на сходке. Женщины, дети, конторщики, прикащики, даже дамы ком-иль-фо в ландо отправлялись на это невиданное зрелище, Не пойти на сходку считалось преступлением. Психоз до такой степени сильно влиял, что от'явленные рутинеры заговаривали о политической свободе. В пятницу прибыл наказный атаман со всей канцелярией и полк донских казаков. На сходке народу еще больше. Распространяется слух, что из Новороссийска идут пешком все рабочие, что из Шахтной двигается армия шахтеров, что тихорецкие рабочие тоже идут, и в Таганроге тоже не спокойно. Все чувствуют приближение чего то невероятно бурного, все чувствуют, что будет что то такое, чего еще никогда не видала и не слыхала Россия. Возбуждение распространилось на целые сотни верст кругом. О стачке уже перестали толковать, идут толки о восстании, о революции. Областная канцелярия шлет приказ за приказом станицам о вооружении казаков, [1]) готовятся патроны, пушки... Донской комитет ограничился выпуском бюллетеней, остальную работу взяли на себя вожаки Брагин и Ставский. Типография за недостатком шрифта и при примитивном техническом устройстве, при самой энергичной работе может дать только 2500—3000 экз. листков, тогда как запросы на 20000. Литературы хоть бы одна брошюра. В пятницу купечество города отправило депутацию к атаману с просьбой принять меры к подавлению стачки; „Торговля стоит, платежи прекратились и многим грозит разорение"... Фабриканты в свою очередь молят: „На фабриках полное непослушание, рабочие приходят, те же, которые находятся на фабрике или заводе, совсем не работают, а только заняты разговорами; мы терпим громадные убытки".

В пятницу оратор Брагин опоздал на сходку и до прихода его сходкой руководил Ставский. Последнего страшно обезкураживало отсутствие Брагина, так как прилив толпы все увеличивается. С другой стороны, толпа, так приподнятая вчера оратором Х., что возьми его при них, она грудью пошла бы на штыки, сегодня совершенно индифферентно относится к его отсутствию [2]). Только некоторые высказывали сожаление: „жаль. Очень жаль, плохо ему будет, если попадется". Только организованные рабочие чувствовали себя страшно подавленными. Криков: „мы пойдем в город, мы разгромим тюрьму" не было в этот день. Они были в воскресенье и совсем по другому поводу и автор корреспонденции в „Рев. России", по просту сказать, пересолил.

Ставский говорил только в области стачечных и экономических интересов рабочего класса и призывал к забастовке рабочих других фабрик. Гарцующие кругом казаки наводят Ставского на мысль поиронизировать по адресу полиции. „Вы, товарищи, не бойтесь каза-

---

[1]) Точныя сообщения из областной канцелярии в г. Новочеркасске.

[2]) Это свойственно не только ростовским рабочим, пока это свойство всей российской массы. Автор.

ков, наш полицмейстер очень умен [1]), ведь, мы не „бунтуем", и он только тогда станет нас разгонять, когда увидит бунт". Но вот является Брагин, все оживляются и радостно его приветствуют. И опять полилась страстная, полная логики и захватывающего интереса речь о политической свободе, о гнете и эксплуатации рабочего класса. К толпе не надо уже подходить с освещения экономических, местных интересов (Эта роль Ставского, и последний блестяще ее выполнил). Толпа жаждала только политических речей и на них только откликалась. Полиция и жандармы бездействуют; казаки мирно разъезжают вокруг стачечников, с некоторыми заговаривают, отыскались земляки, выражают свое удивление: зачем их вытребовали из станиц, и „кого усмирять, когда нет бунта".

Вожаков со сходки уводят организованные рабочие к себе в дома и последние, переодевшись и загримировавшись, отправляются в город. В субботу, сходка еще многолюднее. Власти думают принимать „меры". Поведение их угрожающее, но это ничуть не смущает рабочих. На сходку явился жандарм. ротмистр Иванов и прочел телеграмму министра путей сообщения, в которой говорится, что требования стачечников незаконны и что рабочие должны стать на работу и пред'являть свои требования каждый отдельно в судебном порядке. Содержание телеграммы вызвало смех со стороны рабочих. Оратор ответил речью. После всего этого, Иванов предложил толпе разойтись в противном случае он употребит военную силу. Для выразительности он крикнул: „разойтись". Толпа ни с места. Тогда оратор., обращаясь к Иванову, говорит: „У вас, господин полковник, слишком слабый голос, чтобы заставить толпу разойтись". В это время Иванов дал знак казакам и последние галопом понеслись к рабочим. В одно мгновение, Ставский, как бы осененный идеей свыше, обращается к рабочим и громко кричит: „садись на землю". Такой неожиданный маневр со стороны рабочих ошеломил казаков и они были поставлены в затруднительное положение. Их послали усмирять, а „тут такое дело, что сам чорт не разберет".

Казаки призадумались, призадумался и командир; артикулы такого обстоятельства не предусматривают. В это время Брагин обращается к казакам с страстной речью: „Казаки, Вы,—мирные сыны донских степей. Неужели Вы станете убивать своих братьев—рабочих. Неужели Вы станете нападать на безоружных людей. Неужели у Вас в груди не сердце, а камень. Ведь Вы сами такие же рабочие, Вы сами, окончив службу, пойдете на фабрики и заводы или будете обрабатывать поля. Вы сами на своей шкуре почувствуете весь гнет, всю несправедливость существующего порядка, против которого мы, рабочие, боремся и который Вы хотите защищать. Нет, Вы не сделаете этого, Вы не должны этого сделать. Ура казакам! Да здравствуют мирные казаки". Положение казаков трагическое; офицеры от злости только шпорят лошадей, да натягивают поводья и готовы провалиться сквозь землю. Иванов снова обращается к толпе с просьбой

---

[1]) Чтобы показать, что Ставский только иронически мог говорить „об уме" полицмейстера, я приведу яркий пример практической его деятельности, свидетельствующий об его „уме". В понедельник 18-го, полицмейстер издал поетановление, чтобы жители „Нахаловки" убрали со двора все камни, в противном случае они будут привлечены к ответственности". Представьте себе, читатель, положение обывателя, ведущего постройку дома. Я помню, что одна женщина явилась к одному присяжному поверенному прося совета, чуть не плача: что ей делать с камнем, который она купила для постройки дома. Таких случаев, надо думать, был не один. Это ли не рекомендует полицеймейстера, как „умного" малого?!

уже разойтись. Тогда оратор Брагин говорит ему: „уберите казаков, мы разойдемся". Казаки были убраны и сходка начала расходиться. В этот день, субботу, атаман передал через пристава, чтобы рабочие прислали ему депутатов, так как желает познакомиться с их требованиями. Желание атамана было исполнено и депутация была отправлена. Никаких поручений и просьб рабочие не передавали депутатам. Когда явились депутаты, тут только атаман сообразил, что он унизился и, чтобы поправить ошибку, обращаясь к депутатам, он заявляет им, что он их вовсе не звал. „Но", сказал атаман, „если рабочие просят (?) его совета, он не прочь им помочь". „Прежде всего", говорил атаман, „передайте вашим товарищам, что ни одно их требование не будет уважено и в особенности 9-ти часовой рабочий день, требования их незаконны, а такое, как 9-ти часовый рабочий день, это еще. . . несвоевременно". Предложив им выдать ораторов, он сказал: „и собираться больше я не разрешаю, так и передайте". Депутаты ответили атаману что они не могут ходить по домам и таким образом передавать ответ, что для этого рабочим необходимо собраться. „А, ну тогда на завтра я разрешу одну сходку".

Воскресенье 10 ноября. Несмотря на осень, в воздухе тепло и прозрачно и солнце льет живительные лучи, окрыляющие надеждой... Только шум города, грохот, стук и толпы куда то спешащего народа заставляют отвлечься от созерцания на диво удавшагося, почти весеннего дня. Но поспешим и мы туда за этими толпами мужчин, женщин и детей; за этими колясками и вереницей извозчиков. Все это движется, спешит на сходку, на „стачку". И те, которые за каторжным и подневольным трудом не могли побывать там, и те, которые понаслышались о стачке в гостинных и салонах—все это население спешило, забывая об обеде, о своих нужных делах, визитах и т. д. Одни затем, чтобы посмотреть, другие—чтобы услышать свободное слово, говорящее об их нужде, об их горе, клеймящее их притеснителей, хозяев и царское правительство. Идут туда, где на виду у полиции, не боясь, раздаются прокламации. Насколько сходка сделалась популярной в окрестности, можно судить из следующего. В этот день были люди из Екатеринодара (300 верст), из Ставрополя (320 верст), из Тихорецкой (171 вер.), Батайска (10 верст), Таганрога (65 верст) и Новочеркасска (34 версты), и из смежного с Ростовом города Нахичевани, в котором до 60-ти тысяч жителей. Пойдем же и мы, читатель, на сходку.

Картина... Картина, достойная пера и кисти великого художника. Балка, шириной саженей 350—400, начинается долиной со степи. Плоское дно с полукрутыми под'емами по сторонам. Долина балки кончается обрывами к сторонам, где находятся песчанные и каменные карьеры. Здесь же навалено несколько кубов камня, как будто нарочно приготовленного для отстреливания от неприятеля. Балку, как я раньше сказал, самою природою предназначенную для народных митингов, прилегающую степь, версты четыре в квадрате,—все это пространство сплошь залил народ, плотно, как спресованная масса; протолкнуться сквозь нее нет никакой возможности, надо обходить кругом.

Только для ораторов эта масса расступалась, как Чермное море перед Моисеем. Целое море... десятки тысяч голов. Глаз отказывается определить количество. Говорили о 30 тыс., оставим эту цифру (я уверен, что больше). Митинг в 30000 человек. Бинокли, подзорные трубы, фотографические аппараты. Женщины, дети, дамы comme il faut с моноклями в глазах. Сановники с лентами через плечо, с крас-

ными лацканами, полковники, полицмейстер, пристава, сотни казаков в полной военной аммуниции, казачьи офицеры, весь штать полиции, жандармов и шпионов—все это обращено и приковано взором к одному месту... А далеко, на противоположной стороне балки, на склоне горы, забыв все на свете, стоит интеллигент-оратор Брагин. Мощно, как удар молота по наковальне, среди абсолютной тишины, раздается и несется по волнам человеческого моря смелая и свободная политическая речь оратора. Ярко и талантливо рисуются перед слушателем картины крестьянских „беспорядков". В доступной для слушателя форме излагается негодность русских законов, порядков и своеволие чиновников. Приводятся примеры из „тихорецкой истории", примеры нарушения самых элементарных прав из области практики жандармов. Каждая речь оратора заканчивается возгласом „долой самодержавные законы, долой самодержавие". И этот крик подхватывался десятками тысяч голосов.

И солнце, этот вечный свидетель человеческого горя на земле, как бы ликуя воскресению попранной правды, щедро льет свои лучи, вливая с ними бодрость и надежду в сердца униженных и оскорбленных, пробуждая в них то стремление, которым их наделила природа и которое так безжалостно и беззастенчиво отняли их мучители—правители и попы... Оратор так умело коснулся чувствуемых, но несознаваемых массою явлений, так талантливо сумел нарисовать слушателям картину русского бесправия, что гнет этого бесправия чувствовался почти всеми...

Одна старуха, лет 65, из рабочего класса плакала, говоря: „Слава богу, хоть на старости лет, перед смертью, привел бог услыхать истинную правду,—дай бог ему, моей деточке, здоровья".

Выступивший другой оратор—интеллигент особого успеха не имел. Говорил о необходимости и преимуществе 8-ми часового рабочего дня. [1]) Тема речи далеко не соответствовала настроению массы. Масса жаждала только политических речей и на них только откликалась. Неделя, затраченная на политическую агитацию и пропаганду, уже начинала давать надежду на обильную жатву.

В самый разгар сходки явился пристав и заявил, что „просимая рабочими на сегодня сходка атаманом разрешена". Нелепее этого со стороны полиции быть ничего не могло. Первый раз атаман, приглашением к себе депутатов, сам посадил себя в лужу—второй раз его также удачно посадил пристав. Оратор Брагин страшно протестует против всяких „разрешений": „Товарищи" говорит он, обращаясь к рабочим, „просили мы разрешения у атамана"—„Нет, нет" гремит толпа. „Мы сила" говорит Брагин атаман боится, чтобы мы не пошли в город. По русским законам сходки воспрещаются, и разрешение в России такой огромной сходки есть небывалое, неслыханное явление. Это, товарищи, дань боязни перед стойкостью и твердостью рабочих масс; это как бы то ни было, какие бы цели за этим ни крылись—победа, с которою рабочие могут себя поздравить".

Вожак стачки, рабочий Ставский, говорил, между прочим, следующее: „Товарищи, вчера атаман просил к себе депутацию, он предлагал, чтобы вы выдали нас—ораторов и тогда все ваши требования будут удовлетворены. Товарищи наше счастье в том, чтобы ваши требования были удовлетворены, чтобы вы выиграли и не страдали бы через нас. Если вся причина упрямства со стороны начальства в нас, мы отдадим себя в руки атамана. Нас, ведь, все равно арестуют

[1]) Прим. редакции. Этим интеллигентом был С. Гурвич.

и посадят в тюрьму. Вся наша жизнь, все наше счастье только в вас, только в вашей победе, и мы отдадим себя, товарищи, в руки атамана для вашего счастья, для вашей победы"... Как удар грома, раскатился крик: „Не выдадим. Мы пойдем в город и разобьем тюрьму". Многие плакали... „Товарищи" говорит Брагин, „атаман предлагал итти на работу. Пойдете вы на работу, не добившись своего? Как вы будет называть тех, которые изменят рабочему делу".— „Не пойдем. Не пойдем. Изменниками, изменниками мы их будем называть". Закончив речь призывом к борьбе за политическую свободу, за справедливые законы, Брагин распустил сходку в 3 часа дня. В этот же день—воскресенье—был сделан сбор денег на стачечников, который дал 342 руб. 80 коп. Сходка в воскресенье имела колоссальное значение для всего населения. На улицах смело говорили о политической свободе, о борьбе и росте рабочего класса... Критиковали русское правительство, не стесняясь формой выражения. Чувствовалось, как будто в России уже конституция и свобода слова. Да, ведь, говорят об этом не в одном Ростове, говорят на целые сотни верст Все эти сходки—митинги имели огромное политическое значение, и никакие демонстрации ничего подобного не давали. Тысячу раз прав Комитет, отклонивший демонстрацию с первых дней и никогда Брагин, не станет раскаиваться в том, что ему не удалось повести рабочих на демонстрацию.

Идем далее. Понедельник 11 ноября, 11 час. утра. В балке то место, где собирались рабочие, было занято казаками. Рабочие стали сосредоточивать сходку близ строений „Темерника". Человек 200 уже собралось и все продолжали прибывать. Казаки, затрубив наступление, с гиком понеслись на рабочих. Рабочие сели. Но этот маневр уже не остановил казаков, и он поехали на сидячих. Первые, с кем им пришлось встретиться, были женщины. Эти первые вступили с ними в рукопашный бой. Было отнято несколько пик и избито на казаках. Рабочие тоже не дремали. Сломав заборы и вооружившись камнями, они отбили натиск казаков. Последние ускакали. Тяжело были изранены женщины и легко—несколько казаков. Камнем в голову был ранен жандармский подполковник Артемьев и помят околоточный надзиратель Ротов. Рабочие все прибывали. Ожидавшийся с нетерпением Брагин на сходку не явился. За ним страшно следили, и он не мог пробраться. Сходка вследствие поведения казаков прошло очень возбужденно. Говорили Ставский и две девицы, призывая всех рабочих города к забастовке. Когда сходка была уже распущена, и на местах оставалось человек 200—300 (всего было тысяч 8), если не меньше,—явившиеся откуда то казаки опять сделали попытку разогнать. Рабочие уже знали, что с ними делать. Вооружившись камнями и заборами, они стали обороняться, при этом ранили несколько казаков и лошадей. Дружный отпор со стороны рабочих растроил казачью команду, и казаки от'ехали, снова выстроились и вторично понеслись на толпу. Их встретили градом камней, при этом был ранен в голову офицер колонна опять строилась. Потеряв надежду взять рабочих в полатки, раненый в голову офицер отдал распоряжение—без всякого установленного предупреждения—стрелять Казаки дав залп, сейчас же ускакали, чувствуя, очевидно, всю незаконность своего поступка. Следствием этого залпа было 6 убитых и 12 раненых. Выстрелы вызвали возбужденное состояние во всем населении. Вторника ждали, как чего то решающего, говорили о бунте, о терроризировании города, о баррикадах... В понедельник вечером, после выстрелов, столбы и тумбы были покрыты об'явлениями

о воспрещении сходок. Также было расклеено „задушевное слово к рабочему народу" авантюриста Богдановича. Рабочие, не читая, со злобою срывали на виду у полиции.

Читатель интересуется, как ко всему этому отнесся Комитет. Вот мнение Комитета: „В виду того, что сходки принесли колоссальный результат (об убийстве рабочих еще положительно не было известно), в виду того, что рабочие не бежали от казаков, а обратили последних в бегство, в виду того, что на сходку приходит народу в 4 раза больше чем стачечников, и далее, в виду того, что стачка принимает массовый характер, и сочувствие всего населения на нашей стороне, в виду всего этого нужно продолжать сходки и на место Брагина должен итти заместитель. Но, если завтра казаки будут делать попытку разогнать толпу—использовать раздраженное настроение рабочих, вести их в город на демонстрацию. Если же казаков не будет,—вести только пропаганду и призывать к стачке рабочих других фабрик". Так резюмировал свое заседание Донской Комитет вечером в понедельник.

На вторник же была составлена прокламация к обществу с предупреждением, „что, если завтра будут разбиты и разграблены дома и магазины, и улицы будут обагрены кровью граждан, то он, Комитет, за могущее произойти слагает с себя ответственность, и пусть все это падает на голову атамана".

Вторник 12 ноября. Сходка собирается, народу еще больше, чем в понедельник. Забастовали завод „Аксай" (400 чел. туда в понедельник утром было отправлено 4 человека с прокламациями), табачная фабрика „Работник" (150 чел.), часть фабрики Кушнарева и фабрики Асмолова (1800 чел.). Ожидали забастовки на трамвае и писчебумажной фабрике Панченко. Город наводнен казаками, на них никто не обращает внимания, все спешат на сходку. Забастовщикам петельной фабрики Токарева были уважены их требования, но они все таки явились на сходку. Солидарность между рабочими до такой степени выросла, что они чувствуют себя, как родные братья. В этот же день была попытка забастовать на фабрике Панченко (400 чел.), но полиция сумела предупредить, и вся фабрика была оцеплена казаками. С этой фабрики нет ни одного рабочего в организации, и агитация ведется путем подмета прокламаций. Фабрика Асмолова забастовала в понедельник из-за плохой вентиляции, и несмотря на то, что вентиляция была быстро введена, все рабочие явились на сходку, чтобы там формулировать свои дальнейшие требования. Одно из главных требований, которое выставили работницы, было уменьшение на половину числа машин. Это требование на сходке было переделано в требование 9-ти часового рабочего дня, при чем рабочим была выяснена нелепость такого требования, значение машин и кому они должны принадлежать. На Комитет рабочие смотрят, как на новое государственное учреждение. В комитет подаются прошения с приложением медицинских свидетельств об увечьи, требования к своим хозяевам, и все это, по их мнению, должно пройти через Комитет, чтобы получить законную силу. Доверие к прокламациям небывалое, и все считают, что это их, это им принадлежит. О типографии говорят: „типография нашего Донского Комитета". Эта десятидневная сходка, это поведение казаков с достаточной степенью убедили их, что им надеяться не на кого, что их победа зависит только от них самих. Кто-то сообщил, что рабочие Панина прекратили стачку, вступив в полюбовную сделку с хозяином; по-просту хозяин купил им водки и просил „помириться". Это известие вызвало остроты со стороны рабочих.

„Пропили свою свободу", раздаются голоса,—„раскаиваться будут" и проч.

Эти прошения, записки, требования, сборы здесь же на месте денег—прямо таки вызывали на мысль устроить каоцелярию и казначейство, а для дел судебных устроить юрисконсультат.

Стачечное движение охватывает весь город, все промышленные заведения. Торговцев и промышленников обуял ужас, творится нечто новообразимое. Оратор Брагин, уставший за неделю, услышав о выстрелах в понедельник сдался в руки жандармов. Ставский до такой степени устал, что уже ничего не мог говорить. Оба они всю неделю провели почти без сна и обедов, укрываясь в чужих квартирах в страшно напряженном состоянии, боясь попасть в руки полиции. Вместо версты, им приходилось делать 10, чтобы попасть на место сходки. Эта напряженная работа нервов совершенно ослабляла их энергию. Строго говоря, поступок Брагина противоречит понятию о долге революционера. Но Брагин и не был еще сложившимся революционером. Это один из тех людей, которые всегда отзываются на живое дело, но через несколько времени оно уже перестает их интересовать, и они ищут другого[1]). Причина коренится в том, что нет места, нет возможности развернуться их идее, их мечте. И эта невозможность их гнетет, вызывая подчас страшное недовольственность собой.

Как только он узнал, что в стачечников стреляли, и горячее воображение дорисовало эту картину в самом ужасном виде, он сейчас, вскочил на извозчика, поехал в жандармское управление с тем, „чтобы не проливалась кровь, что он пойдет на сходку, распустить ее и прекратить стачку". Только очень уставший или несколько странный человек способен на то, чтобы разрушать созданное им самим. Если жандармы ограничились только арестом, то трудно предсказать, что сделала бы толпа, если бы Брагин пришел ее звать к прекращению стачки... Ведь толпа устраивала стачку против воли хозяев и полиции...

Добровольцев на место оратора Брагина не нашлось, и Комитет должен был озаботиться послать руководителей сходкой вместо Брагина. Каждый из комитетских считал за самое великое счастье, чтобы на него пал жребий руководить сходкой, так как Комитет был убежден, что, хотя причины стачки коренятся в глубине рабочих масс, но данный характер движения есть продукт его целесообразной деятельности и он должен его довести до конца.

Сходку во вторник открыл оратор, явившийся от Комитета [2]). Явился он же в 12 час. когда рабочие уже были в сборе и стоявший тут же „товарищ, принимавший участие в движении", делал тоже, что и остальные 10 тысяч, т. е. просто стоял. Ему, ведь нужна была демонстрация, а Комитет не выпускает прокламации с призывом на демонстрацию. „Попытка" некоторых неудалась, естественно ему оставалось одно: „принимать участие в движении".

Обращаясь к рабочим, оратор обрисовал им ту роль, которую стачка играет в данное время в Ростове. Что волнения рабочих есть протест против существующего строя, существующего порядка. Что крики „долой самодержавие" есть протест против насилия, к которому прибегают правители. чтобы угнетать рабочих. Что сходки их куплены кровью их братьев-рабочих, и они никогда этого не должны за-

[1]) Прим. ред. сборника: Эти слова сказанные вскоре после стачки, оказакись пророческими. Впоследствии Брагин далеко ушел от рабочего дела.

[2]) Пр. ред. сборника. Это был автор брошюры, т. Амвроский (Афанасий Мочалов). Вторым оратором в этот день был Вл. Азеф.

бывать, что их экономическое освобождение возможно только при политической свободе и т. д.

Саженях в ста от места сходки лежал труп убитого накануне старика рабочего. Неубран он был потому, что находился за чертой владения города Ростова,— требовались судебные власти. Узнав об этом обстоятельстве, я все забыл. Забыл, какое огромное значение принесли и приносят сходки. Забыл, что моя роль вести политическую пропаганду и агитацию. Забыл о том, что в городе ждут тысячи босяков, и несмотря на то, что я член комитета,—забыл, при каких условиях нужно итти в город. Забыл о письмах Качура, проклинающего демонстрации, забыл о том, что при входе в город стоят 3000 казаков и что вместо одного трупа будут десятки и, быть может, сотни. Отдаваясь личному настроению, я в то же время быстро создал свою собственную тактику. Я нашел в то же время, что импозантнее случая для демонстрации трудно ждать. Да и самый факт требует наиболее яркого выражения. И обращаясь к рабочим, я начал: „Товарищи! Посмотрим кругом, ни одного казака, ни одного полицейского нет. Атаман продолжает „разрешать" сходки. Это не разрешение, нет. Это трусость перед стойкостью, перед силой рабочих. Ваша стойкость была вами вчера доказана, эту свободу сходок вы купили собственною кровью Кровью же вы должны будете завоевать себе и политическую свободу... Товарищи, вчера на этом самом месте, когда наши товарищи, покончив свои дела, мирно расходились домой, шайка казаков, по приказанию атамана, этого царского опричника и холопа, расправлялась с кучкой мирных невооруженных рабочих. Труп лежащего здесь старика громко требует мести, беспощадной мести царским холопам.

В то время, как здесь раздавались стоны раненых и убитых, в то время, как земля обагрялась кровью рабочих и воздух наполнялся воплями,—душу раздирающими воплями жертв атамана,—осиротевших жен и детей рабочих, в то самое время атаман, слыша выстрелы, сидел за столом, за сытным обедом, нагло хвастаясь перед капиталистами, что он „нагайками и пулями заставит вас итти на работу", что он сумеет вас проучить, что у него на это есть приказ от царя. Мы должны ему показать, товарищи, что он ошибается. Мы должны еще раз показать ему, что мы не боимся казаков. Кровь наших убитых товарищей требует, чтобы мы доказали это; берем, товарищи, труп и идем в город". „Идем. Идем". раздаются голоса. „Но, товарищи, на мосту, при входе в город, вас ждут нагайки и штыки 3000 казаков. Боитесь вы казаков"?.—„Нет, не боимся, мы не боимся" кричать некоторые.—„Ну, тогда ид...". В это время на „трибуну" вскакивает Ставский и громко кричит: „Товарищи, мы не должны этого делать. Босяки в городе только и ждут, чтобы мы пошли в город и наша демонстрация окончится бунтом и грабежом и если вчера было убито 6 чел., сегодня будет сотня... Мы не должны итти на верную бойню. Пусть казаки придут сюда и мы сумеем с ними справиться. Отказываюсь определить, что имело большее значение, слова ли Ставского или настроение самой массы, не ожидавшей существенной для себя пользы от путешествия в город с трупом. Для меня же слова Ставского были, как обухом по голове. Ничего, кроме жгучего стыда за то, что я поддался личному впечатлению, что это личное впечатление я хотел сообщить массе, не считаясь с тем, что впереди нас сотни жертв и проклятия, и письма, вроде писем Качуры. Присутствовавшая на сходке интеллигенция и мой товарищ, говоривший со мною приблизительно в одинаковом духе, не смотря на различия во фракци-

онных оттенках и воззрения", были благоразумнее меня и не принимали никаких мер для осуществления моего предложения.

Слова Ставского были для них как бы выражением того, что они боялись громко высказывать сами. Сознание своей опрометчивости еще более усугубило мой стыд, так как явился не выразителем стремления массы, а выразителем только своего настроения. Ставский, подмечая настроение массы, продолжает говорить;" также, как и мы, собирается каждый день комитет, и если комитет решил итти на демонстрацию, а мы здесь на месте найдем, что этого делать нельзя, мы не будем выполнять постановлений комитета. Мы не захотим увеличивать жертв, потому что на мосту более 3-х тысячи казаков". После того как я сказал еще несколько слов, чтобы изгладить впечатление тактических разногласий, происшедших на сходке по вопросу о демонстрации между мною и Ставским, сходка была распущена и назначена на среду.

Несмотря на военную силу, власти уже имеют дело не с одними рабочими, им приходится иметь дело с гражданами. Власти не „выжидают", власти боятся. Испробовав крутые меры, власти увидели, что шутки плохи. Дело оказалось не в одних рабочих. Стачечников 5000, а на сходки приходят 15—30 тысяч. Рабочие не боятся выстрелов—в этом власти убедились. Нужна „политика". Власть потеряв надежду сломить рабочих силою с одной стороны, с другой—в виду симпатий граждан, боясь вызвать на открытое восстание весь город принимают другую тактику—изловить ораторов и передовых рабочих. Извощикам было предписано ездить шагом, при чем каждого извозчика с подозрительным седоком останавливали и присматривались. Было арестовано по подозрению около 20 чел., и после выпущено. Арестовывали прямо на улице днем тех, кто попался под руку. Очевидно, на показ шпионам.

Принимая во внимание поведение и тактику полиции с одной стороны и все разгорающееся движение с другой, комитет поручает вожакам вести пропаганду и призывать к всеобщей стачке, чтобы в воскресенье разрядить все это демонстрацией. Так приблизительно рассуждал комитет во вторник вечером. Еще дня три и все рабочие Ростова и Нахичевани забастуют и мы можем себя поздравить с грандиозным явлением. Доверие комитету со стороны рабочих небывалое. И так как полиция не умеет или скорее боится разгонять сходку, надо продолжать вести политическую пропаганду и агитацию. В этом, только в этом должна быть наша цель. Наши митинги стоят сотни демонстраций. Но, в виду того, что движение переросло наши ожидания и не укладывается в рамки стачки, город охватила паника, а мы бессильны охватить, привлечь, и руководить окрестностями, ввиду этого, продержавшись до воскресенья, разрядить это грандиозное событие грандиозной демонстрацией в городе. Но это будет лишь крайняя мера, так как каждая наша сходка уже есть демонстрация.

В среду 13 ноября, я не мог быть на сходке и руководить митингом был уполномочен второй оратор на сходке 12-го ноября, который и прочел в этот день речь Петра Алексеева.

Четверг 14-го ноября. Сходка собирается и рабочие все прибывают. Препятствий со стороны казаков и полиции—никаких. На Темернике нет ни одного полицейского. Все войска сосредоточены в городе и охраняют проход в город на случай, если рабочие двинутся туда. На сходке около 8-ми тысяч рабочих и публика. Работницы табачных фабрик выставили своих ораторов (девиц). Эти простые ораторы так просто и понятно для своих же товарищей разоблачали

действия фабричных инспекторов, их сделки с хозяевами и „попечение“ о рабочих, что невольно у меня проскальзывала мысль, что еще два-три митинга, и рабочие не будут уже нуждаться ни в каких руководителях. К стачке присоединились пекаря и один из них выступил оратором. Он так живо и ясно обрисовал непосильный труд своих товарищей и ту эксплоатацию, которой подвергаются эти труженики. Трамвайщики прислали делегата за советом, когда и как им начать стачку. Как далеки трамвайщики от классового самосознания, можно судить по следующему. Делегат подал мне писанное стихотворение Шевченко. „На апостольском престоле чернец годованный сидит“, настаивая, чтобы я прочел его вслух, говоря, что это стихотворение имело у них „очень большую силу“. Делегат взял на себя устроить стачку к воскресенью. На заводе Токарева удовлетворили требования рабочих и это так приятно отразилось на стачечниках и на других рабочих, что еще дня три и стачечный пожар охватил бы весь город. Трамвайщики у нас считаются самым отсталым элементом и если уже они сами заговорили о стачке, то сомнений не было: наши ожидания сбудутся и второе воскресенье будет еще грандиознее. Оратор говорит о роли духовенства, как оплота русского самодержавия, о церковно-приходских школах, и целях русского правительства, вводившего эти школы; о брошюрах генерала Богдановича и субсидии правительства на издание этих брошюр, и о том влиянии, которое они могут иметь; о судах с сословными представителями: о саратовской демонстрации и т. д., о 6-ти месячной стачке углекопов в Англии в 1884 году и о генеральной стачке в Бельгии, в 1885 г. Указав на необходимость организации под Флагом социал-демократии, он распускает сходку. Настроение рабочих очень бодрое.

Попытка перенести сходку в город не удалась. Это предложение было отвергнуто рабочими на том основании, что здесь, на Темернике, есть чем защищаться.

Пятница 15 ноября. С 7 часов утра Темерник запружен войсками. На том месте, где собирались рабочие, расположились лагерем казаки. В этот же день прибыло 200 кубанцев. Город от Темерника отрезан цепью казаков. Трамвай ходит только до моста. Ни один человек из города на Темерник не пропускается.

Донской комитет ошибся в своих расчетах. С одной стороны, волной разлившееся стачечное движение, с другой стороны, сочувствие и под'ем духа граждан,—безусловно все это готовило сюрприз полиции на воскресенье. Сходки же больше некому „разрешать“; атаман уехал еще во вторник из Ростова. И полиция приняла все меры к тому, чтобы парализовать сходки. Действия ее были только пассивны: рабочие приглашались расходиться по домам. К репрессивным мерам полиция, уже наученная опытом, не прибегала. Проникнуть на Темерник не представлялось никакой возможности и, просидев до воскресенья, я утром покинул Ростов с твердой верой, что эта стачка даст в будущем хороший результат. В этот же день, вечером, я, сидя в Новочеркасске, узнал, что рабочим удалось устроить сходку на Нахаловке в 500 чел., что рабочие опять вступали в рукопашную с казаками и отстреливались камнями. В этот же день из Новочеркасска было отправлено 25000 патронов и приказы по станицам вооружаться.

Итак, борьба ростовских рабочих ознаменовалась двумя сражениями. Вооруженная сила сломила стойкость рабочих, но она же их воочию убедила, с кем им приходится иметь дело. Рабочая масса, в борьбе за свои интересы, узнала, где ее настоящий враг.

Исход стачки безрезультатный, но этот исход создал не „реакцию", а наоборот, высокий под'ем духа. Рабочие выросли на целую голову и почва для политической и социалистической пропаганды расчищена до самой глубины. В движении принимали участие женщины, женщины дрались с казаками, женщины говорили речи, а участие женщин в движении является достаточно ярким показателем политического барометра рабочей массы. Ростовские события потому именно и являются такими поучительными, что с достаточной яркостью подчеркивают сравнительную мизерность роста революционной партии и ее энергии и показывают, что революционер рискует остаться в хвосте движения. Призывая рабочих к организации, организуйтесь сами. Не выносить комитетам обвинительных актов и указывать, что они должны делать вот так или этак, а помогать им больше делать, чем они могут сами своими средствами. Три года комитет работает без агитационной литературы, а ведь, это не шутка...

Женева. 5-го февраля 1903 года.

Член Донского Комитета Росс. С. Д. Р. П. **Амвросий**.

„ИСКРА" [1]).
15-го января 1903 г. № 32

Значение Ростовской стачки [2]).

Великий новый шаг, сделанный русским пролетариатом на пути своего политического развития, вызывает в нашей революционной среде новые споры по тактическим вопросам. Это вполне естественно и очень хорошо. Естественно потому, что новые шаги рабочего движения служат для нас новыми уроками жизни, а уроки жизни настоятельно требуют своего истолкования. Хорошо потому, что тактические споры содействуют этому истолкованию и тем избавляют нас, по крайней мере от некоторых практических ошибок и от тяжелых разочарований, неизбежно следующих за практическими ошибками „Практика" великая и ничем незаменимая вещь. Но сама по себе она еще ровно ничему не учит. Чтобы пользоваться ее указаниями надо уметь замечать и понимать их.

О недавних ростовских событиях много и горячо спорят теперь русские революционеры. Мы от души радуемся этим спорам, но позволим себе заметить, что иное дело судить о каком—нибудь общественном явлении, а иное дело судачить по его поводу. Судачение бесплодно по самой природе своей. Оно не только ничего не выясняет, но напротив, затемняет даже и то, что было ясно с самого начала. К сожалению о ростовских событиях многие, именно, не судят, а судачат. И это очень, очень жаль, ибо эти события заслуживают самого серьезного внимания.

Результатом судачения являются, между прочим, те обвинения, которые выдвигаются против нашего Донского Комитета. Эти обвинения подчас поистине комичны. Так, например, один „Интеллигент" (как видно весьма неинтеллигентный) публично (т. е. на большом собрании революционеров) упрекал названный Комитет в том, что тот не поддержал группы молодых людей, явившихся с революционными песь-

[1]) Пр. ред. сборника: Социал-демократическая газета. Начала выходить в декабре 1900 года в Женеве.

[2]) Статья принадлежит перу Г. В. Плеханова. „Искра" поместила эту, как и следующую статью, без подписи автора.

ниями на одно из первых собраний стачечников. Перед такими упреками можно не останавливаться. Всякий дельный революционер без труда поймет, что бывают положения, когда агитаторам совсем не до песен. Но есть обвинения, имеющие более серьезную видимость.

Некоторые сторонники политической агитации находят, что Донской Комитет дурно поступил, не воспользовавшись волнением ростовской рабочей массы для устройства демонстрации. А иные идут так далеко, что приписывают ему, на этом основании, склонность к печальной памяти „экономизму". Перед этим обвинением нельзя не остановиться, так как оно не только не справедливо, но и способно посеять ряд самых опасных тактических недоразумений.

Несправедливость его состоит в том, что оно совершенно неверно изображает дело. Демонстрация в Ростове была и притом очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась в четверг, 7-го ноября, и окончилась только в следующий четверг (т. е. в тот день, когда состоялось последнее массовое собрание под открытым небом. Число участников этой величественной и необычайно продолжительной демонстрации, разумеется не оставалось неизменным, но, несмотря на все колебания, оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысяч. Таких демонстраций у нас еще никогда не бывало, и вот почему ростовские события составляют эпоху в истории нашего рабочего движения. Не понимать этого могут только те, которым вообще неясны значение и задачи нашей агитации в рабочей массе.

Обвинителей ввели в ошибку внешность явления. Они привыкли думать, что уличное шествие составляет необходимый признак демонстрации, и потому услыхав, что в Ростове уличного шествия не было, они умозаключили, что не было и демонстрации, но названное шествие вовсе не составляет необходимого признака демонстрации. Его не было во время демонстрации перед Казанским собором в 1901 году; его не было и во время демонстрации перед тем-же собором в декабре 1876 года. Скажут-ли нам, что тогда не было и демонстрации? наконец, если-бы Ростовские народные собрания под открытым небом и не были демонстрациями в собственном смысле этого слова; если-бы нам доказали, что их правильнее назвать, например, митингами, для выражения народного неудовольствия, то мы и в этом не видим беды. Шекспир говорит где-то, что, как-бы мы ни назвали розу, она не утратит своего запаха. О Ростовских собраниях мы скажем, что какое-бы имя мы им не дали, мы все-таки должны будем признать, что они имели колоссальное влияние на развитие классового самосознания ростовских рабочих. В развитии классового самосознания в рабочем классе и есть та великая цель, которую мы преследуем в своей агитации, и если Донской Комитет достиг этого, не прибегая к демонстрации, то от этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорят, что Донской Комитет должен был вести, собравшихся „в Балке" рабочих, в город. Но мы не понимаем, почему это было обязательно. Зачем было идти из „Балки" в город, когда весь город шел в „Балку"? Почему Магомет непременно должен идти к горе, даже в том случае, когда гора сама идет к Магомету? Агитация агитации рознь. Есть агитация плодотворная с точки зрения социал.-демократов, и есть агитация полезная с точки зрения других партий, например, анархистов, или так-называющих себя социалистов-революционеров. Агитацией занимались люди, говорившие политические речи собравшимся „в Балке" ростовским рабочим. И агитацией занимались-бы люди, которые воспользовались бы первым загородным собранием ра-

бочих для того, чтобы вести их в город. Но между тем как огромные собрания „в Балке" послужили превосходнейшей школой политического воспитания Ростовского пролетариата, демонстративное движение в город могло-бы закончиться таким столкновением с военной силой, на которое потратилась бы вся энергия совершавшегося тогда массового движения и которое не только не подвинуло бы вперед самосознание массы, но надолго задержало бы его развитие. С точки зрения социал-демократии такое столкновение было-бы вредно. Мы должны не бояться жертв, когда они полезны для дела. Но мы обязаны избегать их, когда они не приносят пользы делу или даже, как было бы в разбираемом случае,—отодвагают их далеко назад. Но если бы мы не были социал-демократами, если-бы неизменным критерием в наших суждениях нам не служил вопрос о том, как повлияет данный шаг революционеров на развитие классового самосознания рабочего класса, то мы рассуждали-бы иначе. Мы твердили-бы: „Надо идти в город". А если-бы шествие в город закончилос кровавой неудачей, мы сказали бы: „вот новое доказательство того, что демонстрация ни к чему хорошему не ведет. Да здравствует террор." Да здравствует „Боевая организация", которая завоюет рабочему классу политическую свободу. (Ср. опубликованные „Рев. Рос." письма Кочура). По своему мы были-бы очень логичны, но наша логика не имела бы ничего общего с логикой освободительного движения пролетариата.

Колоссальные Ростовские собрания „в балке" не только представляют в своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацию, но и свидетельствуют о том, что наша политическая агитация может и должна войти в новую необходимую и плодотворную фазу.

До сих пор у нас и в демонстрациях обыкновенно обнаруживалось то разделение и отчужденность „героев" от „толпы", которые были в одно и то же время и следствием, и причиной слабости нашего революционного движения. „Герои" прохаживались перед толпой, крича „Долой самодержавие", махая красными флагами и, по мере возможности, отбиваясь от полицейских бандитов. „Толпа" прислушивалась к „возмутительным" возгласам „героев", читала надписи на красных флагах, более или менее сильно возмущалась полицейскими зверствами и более или менее громко выражала свое сочувствие демонстрантам. Но дальше этого дело не шло или шло очень редко. Чаще всего „толпа" оставалась сама по себе, а „герои" сами по себе, и именно потому, что эти последние оставались сами по себе им приходилось со стыдом уступать первому серьезному натиску со стороны полиции. А это приводило их к сомнению в целесообразности демонстраций, как агитационного средства. Они—или, по крайней мере, некоторые из них—говорили себе и другим: „Стоит-ли выходить на улицу для того, чтобы после самого непродолжительного сопротивления улепетывать от полицейских кулаков и казацких нагаек? Не лучше-ли, не целесообразнее-ли давать единоличный отпор наиболее зарвавшимся царским опричникам?" И многим начало казаться, что поступать так будет действительно лучше и целесообразней. А раз они приходили к этому убеждению,—они начинали смотреть на так называемый (на самом деле никого не пугающий) террор, как на самое действительное средство революционной борьбы, приписывая демонстрациям лишь второстепенное подчиненное значение. А террор роковым образом привел бы к еще большему отчуждению „героев" от „толпы" и еще к большему ослаблению сил „героев". Таким образом, весь ход нашей политической агитации неизбежно приводит нас к следующему противоречию: в интересах раз-

вития политического самосознания в массе мы должны были прибегать к демонстрациям, а прибегая к демонстрациям, мы против всякого ожидания, укрепляли то настроение в революционной среде, в результате которого явился бы фактический отказ от непосредственного воздействия на массу. Разрешить это противоречие можно было только одним путем: путем устранения той причины, которая вызывала слабость сил демонстрантов, а так как эта причина заключалась в том, что демонстрации были делом не „толпы", а одних только „героев", то нужно было, чтобы „герои" перестали существовать в качестве отдельного от „толпы" элемента. Другими словами необходимо было придать демонстрациям массовый характер, на эту необходимость мы указывали в № 14 нашего органа.

И вот ростовские события показали, что мысль о слиянии „героев" с „толпой" не имеют в себе ничего несбыточного. В ноябре прошлого года в Ростове на Дону не было ни „героев", ни „толпы", а была огромная многотысячная масса рабочих, неудержимо рвавшаяся в новую сознательную жизнь и готовая самоотверженно бороться со своими угнетателями и усыпителями. „Герои" исчезли в „толпе", „толпа" слилась с „героями". Она сама прониклась героическим самосознанием и потому перестала быть „толпою", превратившись в сознательный отряд сознательной армии международного пролетариата.

И как только состоялось это превращение, сейчас же всем стало ясно, что теперь полицейские бандиты совсем не так сильны и страшны, как были прежде. „Боимся-ли мы атамана?" спросил один из ораторов у рабочих собравшихся на балке. —„Нет, не боимся", дружно отвечали рабочие. —„Стало-быть мы будем продолжать наше собрание?" спросил он опять.

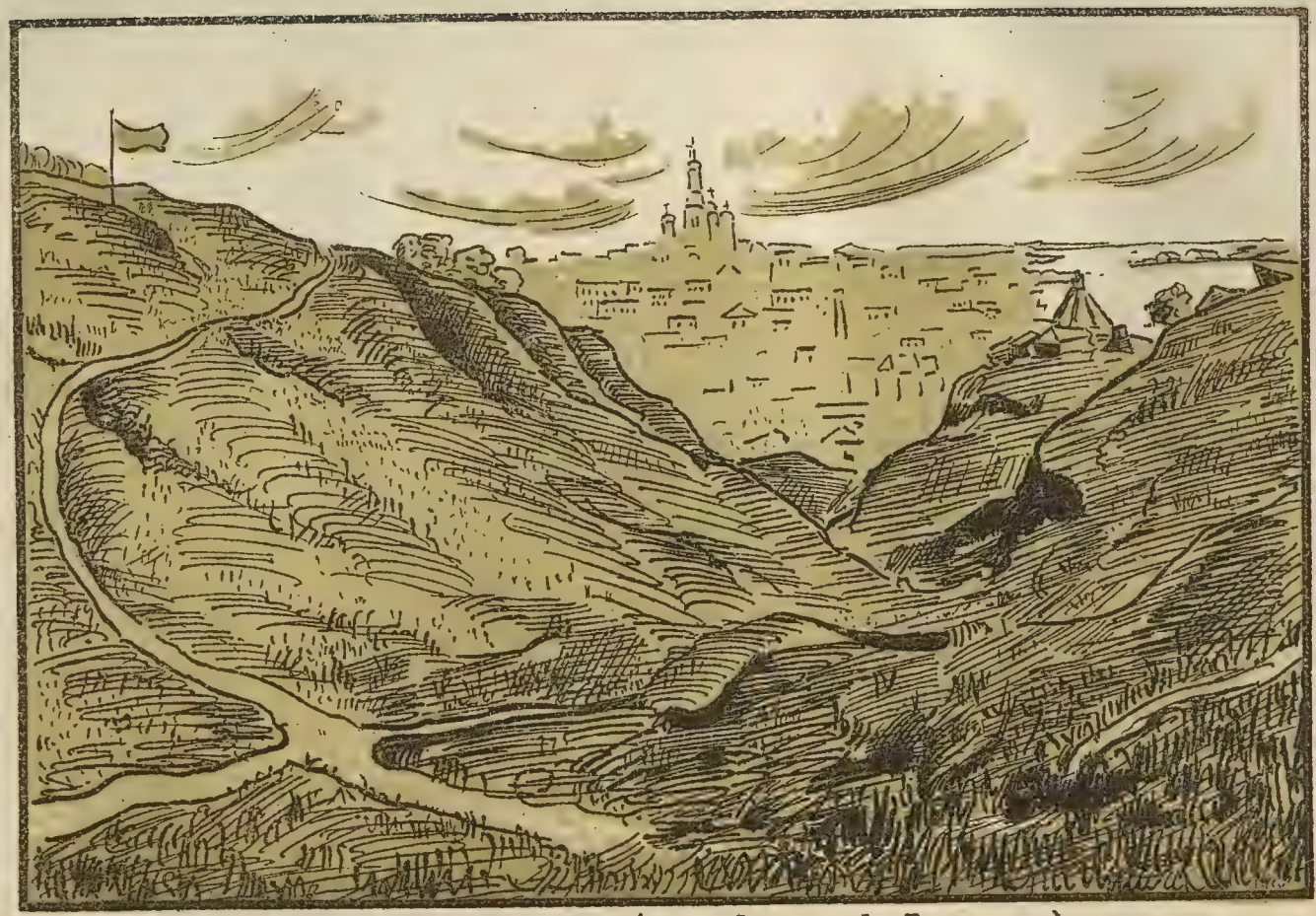
— „Да, будем продолжать", как один человек отвечала вся огромная масса. И собрание продолжалось на глазах у удивленных и испуганных бандитов полицейского „порядка", которые должны были понять тогда,—если они еще не совсем утратили способность понимания,—что на общественную сцену России выступает новая, могучая сила.

Если дело приняло такой счастливый и многознаменательный оборот, то этим мы в значительной степени обязаны находчивости, благоразумию и такту нашего Донского Комитета, который сумел избежать тактических односторонностей и извлечь из событий наибольшую долю того, что можно было извлечь из них для политического воспитания рабочих. Этим он оказал нашему движению большую услугу. И чем скорее распространится в русской соц.-демократической среде сознание важности этой услуги, тем более очевидно станет для каждого из нас до какой степени неосновательны нападки, сыплящиеся на Донской Комитет со стороны тех людей или даже целых направлений, у которых очень слаба сила суждения, но зато очень сильна потребность судачить.

Да, Ростовские события открыли собою новую этоху, эпоху массовых демонстраций. Демонстрации „героев", прохаживающихся перед „толпою", отжили свое время и утратили свое значение. Теперь демонстрации должны быть массовыми или их вовсе не должно быть. Говоря это, мы ни на минуту не позабываем о том, что массовые движения не могут быть вызываемы по произволу той или другой революционной организации. Они подготовляются общим ходом социального развития, но люди понимающие ход этого развития, могут способствовать его ускорению. В том и состоит отличие социальной

демократии от других социалистических партий, что ее деятельность является сознательным выражением безсознательного общественного процесса, который делает из пролетариата передовую общественную силу. Раз мы убедились в том, что теперь начинается эпоха массовых демонстраций, мы должны сообразно с этим убеждением направить всю свою подготовительную агитационную работу. „Искра“ уже указывала на агитацию в студенческой среде, как на такую, которая в известной мере может служить образцом для агитации в среде пролетариата. Студенческим „волнениям“ последних лет предшествовала обыкновенно-систематическая подготовительная работа, выяснявшая смысл начинавшейся борьбы и значение выставляемых требований. Известно, что даже и такая систематическая работа не приводила к полному единодушию между студентами. В их среде всегда находились элементы, относившиеся к движению не сочувственно или просто равнодушно. Это не удивительно; такие элементы найдутся всегда и везде. Но важно то, что благодаря систематической подготовке движения, к нему присоединились все студенты по своему умственному развитию и по своим нравственным свойствам способные к нему присоединиться. Студенческое движение располагало, вследствие этого, наибольшим числом тех сил, которыми оно могло располагать. И потому с ним так трудно было справиться. А то политическое движение, которое должно увлечь за собою все живые элементы пролетариата до сих пор увлекало только незначительный его слой, между тем, как другие его слои оставались неподвижны, несмотря на то, что и в них накопился немалый уже запас революционной энергии. До них не достигали политические призывы социальной демократии, и потому они не давали на них никакого отклика. А этим неизбежно обуславливалась слабость нашего политического движения. Чтобы устранить ее, нам нужно подготовить свои демонстрации также старательно, как подготовляет передовое студенчество свои „волнения“ в среде учащейся молодежи. Нам нужно звать на борьбу все те элементы рабочей массы, которые уже способны примкнуть к ней. В этом случае нам помогут „возмутительные воззвания“, если только мы сумеем—а мы обязаны суметь — придать им действительно массовое расспространение. Наконец нам необходимо способствовать развитию тех элементов пролетариата, которые еще не пробудились от своей политической дремоты. Это наши товарищи будущего времени. Сегодня они еще боятся „политики“ и потому неохотно слушают политических агитаторов. Но скоро,—может быть не далее, как завтра,—они поймут, что „политика“ соц.-демократии есть политика их собственных насущных и осязательных классовых интересов, и тогда они будут отвечать восторженным „ура“ на наши политические речи. А что бы им стал понятен смысл нашей „политики“, мы, принимаясь за агитацию в их среде, должны исходить именно из насущных и осязательных интересов, всеми силами стараясь, в то же время, обнаружить противоречия этих интересов с интересами существующего порядка. Ростовские события показали, между прочим, что при умелом ведении дела нас ждет здесь верный и скорый успех. А успех означает в этом случае ни более ни менее, как то, что к революционной армии постоянно будут примыкать свежие, все более и более густые, все более и более многочисленные колонны, и политическая борьба начатая „революционной бациллой“, все более и более будет становиться массовым движением, борьбой целого класса.

Много тяжелой работы предстоит нам впереди. Но это-то и хорошо: даром ни что не дается, а наша тяжелая работа быстро приближает нас к нашей великой цели. Весело жить в такое время.



Плугатыревская балка (между Гниловской и Темерником)

„ИСКРА"
1-го февраля 1903 г. № 33.

Еще о Ростовской стачке.[1])

„Революционная Россия", которая находит, что непозволительно пользоваться ростовскими событиями, как предлогом для сведения счетов между разными фракциями нашей революционной партии, не устояла однако перед искушением кинуть, по поводу этих событий, несколько камешков в огород русской социал.-демократии. Она поместила корреспонденцию, изображающую действия нашего Донского Комитета в совершенно ложном свете, а в передовой статье преподнесла читателям длинное рассуждение о том, как не следует поступать во время движений, подобно Ростовскому. Из этих рассуждений, „безо всяких счетов" как бы само собою выходит, что не следует поступать именно так, как поступал наш Донской Комитет..., если верить г. корреспонденту.

Вот посмотрите сами. Корреспондент „Р. Р." утверждает, что Донской Комитет в своей агитации не выходил из рамок чисто экономических вопросов; со своей стороны, автор передовой статьи, совершенно позабыв все минутные расчеты между—фракционной политики", а просто желая об'яснить, какую тактику рекомендовали бы его единомышленники, пишет: „для тысячных толп рабочих изверженная колея мирной, „чисто экономической" стачки теперь слишком узка, и если ее не покидают сами рабочие, является полиция, являются войска и выгоняют ее силой из этой колеи". Корреспондент повествует о том, что на одной из сходок Комитет старался „сдерживать рабочих, водворить полное спокойствие и хладнокровие", между тем, как настроение участников сходки сильно подымалось, искало выходов в чем-нибудь активном"; автор передовой статьи, отнюдь не желая намекать на кого-бы то ни было, а так себе вообще, подпевает: „говорить рабочей массе: веди себя смирно и спокойно, но стойко, бастуй, пока не уважены твои требования,—сим победишь,—теперь не приходится". Корреспондент очень недоволен тем, что наш Комитет не повел рабочих в город на демонстрации. Автор передовой статьи „Революционной России" очень кстати высказывает такую общую мысль: „положение вовсе не таково, чтобы нам представлялось на выбор—или мирная, спокойная стачка, или бурная, сопровождаемая столкновением демонстрация. Видите, как удивительно тонко выходит. Автор передовой статьи не порицает никого из действовавших в Ростове. Он просто высказывает свое мнение о том, как нужно пользоваться событиями вроде ростовских, и как воспользовались бы ими соц.-рев... А корреспондент описывает, как повели дело ростовские соц.-дем. и каждую вообще высказанную мысль передовой статьи подтверждает примером того или другого тактического промаха Донского Комитета и подтверждает совершенно неумышленно. Помилуйте, он тоже чужд „минутных расчетов между—фракционной распри". Тут не более, как совпадение, полная гармония между тем, что описывает один, и тем, что думает вслух другой. И эта гармония так поражает читателя, так настраивает его против соц.-демократов и в пользу их противников, что он восклицает: „жаль, очень жаль, что влияние Донского К-та на рабочих было так сильно, досадно, очень досадно, что социалисты-революционеры блистали своим отсутствием

[1]) Прим. редакц. сборника: Статья Г. В. Плеханова.

именно там, где они были так нужны". И растроенный читатель отдыхает душой только тогда, когда прочитает следующие успокоительные строки: „придавая весьма важное значение экономческой борьбе пролетариата и принимая на себя руководство этой борьбой, мы нравственно обязаны не раскрывать перед рабочими обманчивых, слишком радужно окрашенных перспектив". „Р. Р." не только придает важное значение экономической борьбе пролетариата, но и принимает на себя „руководство" ею. Какое счастье. Теперь все пойдет хорошо.

Плохо только то, что описание ростовских событий, сделанное корреспондентом „Р. Р." Не соответствует истине, а потому указанная нами отрадная и поучительная гармония приобретает такой вид, как будто она была предустановлена — и предустановлена не при сотворении мира, а совсем, совсем недавно, почти на днях, и не в силу тех общих метафизических причин, которым обязана своим происхождением гармония, открытая Лейбницем, а именно ради „минутных расчетов между фракционной политики". А потому и впечатление, производимое ею, получает совсем другой и вовсе не радужный характер. Кто знает, как в самом деле агитировал наш Донской Комитет, тот ясно видит, что публицисты „Рев. Рос." больше руководствуются „минутными расчетами между—фракционной политики" именно тогда, когда они закатывают глаза вверх, бьют в перси и кричат, что они не думают ни о чем, кроме истины. „Рев, Рос.", выразила однажды резкое отвращение к полемике Буренина. Мы понимаем ее. Она предпочитает полемизировать в духе одного из славных представителей славного рода Головлевых...

Правдолюбивый и хорошо осведомленный корреспондент „Рев. Рос.", сообщает, что Донской Комитет поспешил „вмешаться" в стачку, когда она уже началась без его ведома. Это неверно, не говоря уже о том, что стачке предшествовали многочисленные прокламации Комитета, призывавшие рабочих к борьбе с их эксплуататорами. Надо заметить, что едва заволновались рабочие Котельного цеха, Комитет тотчас же был извещен об этом своим человеком и немедленно принялся агитировать в пользу забастовки во всех мастерских. Если его агитация не осталась безуспешной, то этим он обязан был организованным рабочим, которые находились с ним в беспрерывном сношении. Так ли ведут себя люди „идущие в хвосте событий"? Совсем не так, но какое дело до всего этого корреспонденту „Революц. Рос."? Какое дело до всего этого ее редакции? Как бы ни вел себя наш Донской Комитет; как бы ни были трудны те условия, при котдрых происходила его многолетняя, упорная и плодотворная работа; в глазах товарища из лагеря так называющих себя, социалистов-революционеров, он всегда будет виновен уже одним тем, что носит название социал-демократического комитета. „Социал-демократы всегда идут во хвосте событий"; они всегда преисполнены „квиетизма". Это известно всем беззубым старушкам русской легальной и нелегальной литературы.

„Правда, в Ростове не было Комитета нашей Партии,—рассказывает автор передовой статьи;—но были там, как и везде, элементы, тяготеющие ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присваивается имя „социал-революционных". Там даже образовался было небольшой кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться в стачку, и выпустивший прокламацию за подписью группы социалистов-революционеров. Как ве была мимолетна эта попытка, но и в ней обнаружилась одна характерная особенность всех людей и кружков,

тяготеющих, несмотря на те или иные индивидуальные оттенки к социально-революционным течением".

Во всей этой тираде несомненно только то, что „элементы", симпатичные „Революционной России", не имели никаких связей в ростовской рабочей среде, ничего в ней не делали и никакого влияния на нее не имели. Стало-быть, знать о том, когда, что и как делалось и делается в этой среде, они в лучшем случае могли только „с пятого на десятое". А отсюда следует, что если редакция „Рев. России" хотела дать своим читателям достоверные сведения о событиях в Ростове, то ей надо было внимательно относиться к показаниям существовавшей там серьезной революционной организации, т. е. организации все тех-же социал-демократов. Это представляется тем более обязательным, что,—по собственному признанию собственного корреспондента „Революционной России" все ораторы, выступавшие перед стачечниками по крайней мере со вторника, пятого ноября, должны были заручиться полномочием от нашего комитета. Так велико было его влияние. Но уже знакомая нам, предустановленная гармония и не терпеливая, хотя и великодушная готовность „принять на себя" руководство экономической и всякой другой борьбой пролетариата, заставляет Рев. Россию поступить иначе. Вот яркий пример. О прокламации Соц.-революционеров, в приведенной нами тираде, говорится, очевидно, со слов корреспондента, который пишет, что на сходке стачечников пятого ноября была разбросана среди рабочих гектографированная прокламация за подписью группы социалистов-революционеров, но на сходке пятого ноября не было разорвано никакой прокламации, кроме той, которую написал от имени нашего комитета, но без его согласия, лицо, обозначенное в корреспонденции буквой Х... Эту прокламацию стачечники разорвали, даже не дав себе труда прочесть ее, потому что на ней не было так хорошо известной им печати Донского Комитета. Именно этот факт и убедил лицо, обозначенное буквой Х, в том, что ему следует выступить не иначе, как по соглашению с Комитетом. Очевидец-корреспондент „Рев. России" изобразил все это дело совершенно неверно, грех тысячи раз случавшийся с тысячью других корреспондентов—очевидцев. Желая поправить ошибку корреспондента, один из членов Комитета, написал в „Рев. Россию" письмо, изображавшее инцидент с прокламацией в его истинном свете. Но эта поправка разрушала предустановленную гармонию, и-потому явилась незванным гостем, который, как известно хуже татарина. Редакция напечатала по ее поводу,—на последней странице, мелким шрифтом, лишь следующую двусмысленную заметку: „нами получено письмо за подписью: член Донского Комитета Амвросий. Г. Амвросий заявляет, что гектографированная прокламация, носившая по словам нашего корреспондента „Подпись группы социалистов-революционеров" была подписана „Донской комитет". Наш корреспондент настаивает на правильности своего сообщения." Очень хорошо, „Корреспондент настаивает", но желательно было бы знать, что думает об его настойчивости сама редакция и настаивает ли она в свою очередь, „на правильности" того места передовой статьи № 15, где о небывалой прокламации группы соц.-революционеров говорится как раз то, что сообщил о ней настойчивый корреспондент. К сожалению, о сем редакция умалчивает. Обычно крайне многоречивая, она вдруг стала чрезвычайно скупа на слова. Оно и понятно. Письмо товарища Амвросия противоречило „минутным расчетам междуфракционной политики" так что смущенной редакции осталось только умыть руки подобно Понтию Пилату. И она

совершила этот обряд с большим искусством, в одной из самих задних комнат своего обширного помещения. а на переднем фоне на глазах у большой публики осталось все то же показание корреспондента. И все также предустановленная гармония, заставляющая читателя терпеливо ждать того счастливого времени, когда „Революционная Россия“ и ее единомышленники в самом деле, а не только в бессильной мечте—примут на себя руководство борьбой пролетариата.

Очень хорошо, но это очень хорошая история имеет свою мораль, на которой не мешает остановиться.

Редакция „Рев. Россия“ не сочла себя обязанной во всеуслышание повторить вслед за нашим Комитетом, что прокламация распространенная пятого ноября была подписана его именем, хотя и без его согласия. Это ее дело,—дело ее логики, ее здравого смысла. Ее недоверчивое отношение к свидетельству Донского Комитета может наводить на некоторые невыгодные для нее мысли, но собственно вины оно не составляет, и однако...однако...

Какой-бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я,

Когда мы не сочли себя обязанными повторить, вслед за так называемой „Боевой Организацией“, что Балмашев стрелял в Сипягина по ее поручению, то с „Революционной Россией“ сделалась жесточайшая литературная истерика, а симпатизирующие ей „элементы“ стали на все голоса и на „все Европы“ жалобно кричать о том, что мы совершили какую-то неслыханную провинность, неслыханным образом погрешив против какого-то обычного революционного права. Так возмущались они, когда дело каснулось свидетельства их товарищей. А теперь все они находят, повидимому, что в поведении „Революционной России“ нет ничего возмутительного. Где-же справедливость?

Корреспондент „Революционной России“ очень сожалеет о том, что Донской Комитет не организовал демонстрации. Ему и в голову не приходит, что в Ростове в продолжение нескольких дней и при том именно, благодаря умелости и такту социал-демократ. вожаков рабочих, происходила колоссальная еще небывалая в России демонстрация. Корреспондент „Революционной России“ подобен крыловскому чудаку, слона-то и не заметившему. Но чудачество, доводящее людей до того, что они не замечают самых величественных явлений, имеет, как и все на свете, свою причину. В политике оно „обычно“ вызывается детской слабостью силы суждения. Человек запоминает какой-нибудь внешний, вовсе не необходимый признак явления, и воображает, что дело именно в этом признаке. Там, где он его не видит, он не замечает и явления, хотя бы оно было и настоящим „слоном“ между другими явлениями. Жертвой такого... „промаха незрелой мысли“ сделался и корреспондент „Рев. России.“ Он запомнил один из внешних признаков демонстрации—шествие по улицам, сопровождаемое противоправительственными возгласами и пением революционных песен. Решил, что демонстрации не было, так как стачечники по улицам не ходили и песен не пели (отсутствие песен огорчило его, повидимому, особенно сильно). Кроме того, он слыхал, что ведущие политическую борьбу прибегают к демонстрациям и решил, что так как демонстрации в Ростове не было, то Донской Комитет склонен к экономизму. А редакция „Рев. России“ охотно поверила этой удивительной цепи силлогизмов, так как ей давно уже хочется „принять на себя руководство“ борьбой русского пролетариата.

Как именно вел себя наш Донской Комитет, это отчасти уже знают наши читатели из опубликованных нами известий, а еще больше выяснится им это из „Известий," которые будут опубликованы нами в самом непродолжительном времени. А теперь мы спешим успокоить „Рев. Россию," на счет характера нашей агитационной деятельности в среде рабочих. Не беспокойтесь, господа, и не торопитесь, „принять на себя руководство" освободительным движением этого класса. Беспокоиться Вам совершенно нечего, а в руководители пролетариата вы решительно не годитесь. Вы охотно и часто повторяете, что мы идем в хвосте событий, и что мы задерживаем движение, вместо того, чтобы содействовать его ускорению. Вы ссылаетесь при этом на наши собственные признания. И в этом последнем случае, вы отчасти говорите правду. Очень нередко, критикуя свою собственную деятельность, мы говорим: „События опередили нас; мы идем в их хвосте" и т. п. Но эти самообличения—к слову сказать, свидетельствующие о том, что мы вовсе не такие самодовольные доктринеры, какими вы нас изображаете—не только не говорят против наших возрений, а наоборот представляют собою, блестящее, хотя и косвенное подтверждение их неоспоримой правильности. В самом деле, о каких событиях здесь говорится, и в каком смысле они нас обгоняют? Здесь говорится о тех событиях, совокупность которых обусловливается быстрым ростом классового сознания русского пролетариата. Число и значение этих событий увеличиваются так быстро, что часто мы оказываемся не в состоянии использовать их во всей их полноте. И мы, разумеется, очень жалеем об этом обстоятельстве; мы указываем на него, чтобы побудить себя и других к новой работе, к новым усилиям, но самый факт этого быстрого роста классового самосознания в среде русских пролетариев показывает, что правда на нашей стороне, а не на стороне тех стародумов русской революции, которые еще так недавно с упорством закоренелых старообрядцев твердили, что так как капитализму не суждено у нас развиться, то нелепо видеть в пролетариате главного и самого надежного носителя идеи освобождения в России. Когда мы говорили нашим революционерам: „идите к рабочим", над нами смеялись, на нас смотрели почти как на безумцев. На деле в 1889 году издававшаяся в Женеве „Свободная Россия", оспаривая нас, писала: „если даже в Германии, где социал-демократы представляют уже известную политическую силу, результаты, достигнутые ими, далеко не блестящи, то у нас, конечно, нельзя даже думать серьезно о том, что наши рабочие будут служить активными и сознательными борцами за добывание политической свободы". И затем, развивая свою мысль, она прибавляла, что даже успешная пропаганда среди отдельных даровитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует". В редактировании „Свободной России" принимал участие г. Вл. Бурцев, отчаянный террорист и, если не ошибаемся, единомышленник нынешних соц.-революционеров. Конечно, в настоящее время г. Вл. Бурцев уже не согласился бы напечатать цетированные нами строки, но не согласился бы только потому, что теперь уже слишком очевидна нелепость высказанной в ней мысли и слишком уже ясно теперь, что мы были правы. Теперь нас уже не смеют уверять, что русский пролетариат не способен на борьбу за политическую свободу; но теперь нас пытаются поймать на слове, когда мы говорим, что силы пролетариата растут быстрее, чем могли—ожидать даже очень многие из нас. Жалкая попытка. Наши противники не понимают, что чем более события опереживают социал-демократов, тем злее и беспощаднее насмехаются они, эти события над ними, нашими противниками. Да,

события опереживают нас. Но какие события? Те самые, которые мы давно уже считали неизбежными, и которые вам и вашим духовным предкам представлялись несоответствующими „судьбам русского капитализма". Вы не замечаете, как жестоко насмеялась над вами та самая жизнь, которую вы об'являете единственной учительницей. Вы до такой степени не сознаете глубочайшего комизма своего положения, что выражаете благосклонную готовность стать руководителями того самого общественного класса, исторического значения которого вы не понимали прежде и не поняли до сих пор, как это доказывается вашими усилиями отождествить понятие пролетарий с понятием крестьянин. Нечего сказать, хорошие вышли бы из вас руководители. Письма Кочура, подпавшего под ваше влияние ясно показывают, как отразилось-бы ваше руководство на самосознании рабочих. Благодаря вам, он совершенно позабыл ту истину,—составляющую основное положение сей политики современных социалистов, что освобождение пролетариата должно быть делом самого пролетариата. Вместо сознания этой истины, вы сообщили ему детскую веру в чудотворную силу вашей „Боевой организации". Чем так влиять на рабочих, лучше по евангельскому выражению навязать себе жернов на шею и броситься в воду. Такое влияние не принесет ничего, кроме непоправимого вреда для русского пролетариата и для всей вообще русской революции. И вот почему глубоко прав был наш товарищ, сказавший в „Заре," что ваша партия носит двойное название социалистов-революционеров по двум причинам: по тому, что ваш социализм не революционен и еще потому, что ваша революционность не имеет ничего общего с социализмом. И поэтому же вы напрасно думаете, что вы и мы составляем лишь две фракции одной и той же революционной партии: нет, господа, нам нельзя с вами „родными счесться"; социал-демократы не могут принадлежать к одной партии с „социалистами революционерами". Первые представляют в революционном движении пролетариат, вторые мелкую буржуазию.

Ноябрьская стачка и учащиеся.

Осенью 1902 года среди учащихся Ростова на Дону, как и почти во всех крупных городах России замечалось известное политическое брожение.

Студенческие волнения в 1899—1900 и в 1900—1901 годах, охватившие целый ряд университетов, демонстрация у Казанского собора, с последующими за ней избиениями и арестами, сдача студентов в солдаты и, наконец, выстрелы Карповича в министра просвещения Боголепова и Балмашева в министра внутренних дел Сипягина оказывали ни них сильное влияние.

Огромное число студентов исключенных за беспорядки из университетов и разосланных под надзор полиции по месту своего жительства являлись живым примером, как самодержавие расправляется с теми, кто заявляет протест против совершавшихся тогда безобразий. Бывшие студенты в значительной степени являлись инициаторами собрания революционных кружков даже в самой глухой провинции и почти везде они находили себе благодатную почву. Правда, их мировоззрение обычно не выходило из пределов неоформленного революционного брожения; называя себя часто социалистами, они по большей части ничего общего не имели

с революционным рабочим движением и сами они являлись по существу провозвестниками радикального движения буржуазии против зашевших форм крепостническо-помещичьего строя.

Однако, самим фактом борьбы против самодержавия, они склонялись к союзу с пролетариатом, тем классом, который является противником всякого гнета, насилия и эксплоатации. Находили в нем сразу же большую поддержку и, развивая там свою работу, молодые люди—выходцы из буржуазного лагеря, по большей части с весьма туманной идеологией, все же приносили, подчас, большую пользу рабочему движению. Впрочем, часть из них сроднившись с пролетарскими массами и отточив на практике революционного движения, имевшиеся кое у кого из них теоретические марксистские познания, перерождались и становились впоследствии активными борцами за рабочее движение.

Это предисловие будет не лишним, если перейти к расмотрению того, что переживалось учащимися Ростова н Дону осенью 1902 года, так как основная масса последователей бывших студентов выходила из учащихся, которые в общем и целом воспринимали дух и настроение своих учителей". В Ростове не было ни одного высшего учебного заведения. Только что организованное так называемое „среднетехническое училище" было по существу чем то средним между гимназией и университетом. По составу оно было довольно демократично, так как в него принимались окончившие городское училище.

Это учебное заведение и было, собственно говоря, центром, откуда пошло революционное брожение, перекинувшееся затем в старшие классы мужской гимназии и реального училища и отчасти в женскую гимназию.

Начало, как почти во всей России, велось из так называемых кружков самообразования. Проклятой памяти классицизм, усугубленный деляновскими приемами и нашествием в учебные заведения чехов преподавателей, чтение в душах, сыск и полицейский надзор в школах и т. д. и, т. д. Все это хорошо описано в очерках о гимназической жизни Яблоновского и было ненавистно всем и невыносимо для тех, у кого хватало сил противостоять мертвящему духу школы того времени. В кружках искали отдыха от тяжелой атмосферы учебных заведений, шли просто для того, чтобы набраться знаний, которых не давала школа, освежить мозги, засорявшиеся на уроках всякой шелухой.

Но дух времени сразу же сказывался и здесь. Не было ни одного кружка, где уж по той простой причине, что он является не разрешенным начальством, не начинали бы читать запрещенные для учащихся произведения Писарева, Добролюбова, Белинского и других авторов, не обсуждали бы произведения (часто нелегальные) Льва Толстого и не касались бы в той или другой степени обще-политических вопросов. Отсюда, уже один шаг к вхождению в свою ученическую политическую организацию, отрицающую право на существование тогдашней власти, требующую всяких свобод, а потом и социализма (это тоже было „духом времени") и, наконец, к тому, чтобы войти в состав общей политической организации, ведущей революционную работу. Правда, члены кружков частенько отсеивались по дороге. Оставались, в конце концов, в кружках лишь лица с кой-каким характером и с выработавшимися взглядами, но за то и приток новых с избытком покрывал число уходящих.

Процесс революционизирования кружков учащихся в Ростове происходил весьма быстро, чему способствовала особая организация,

носившая длинное название „Центральный Комитет Южно-Русской группы учащихся средних школ". Этот Ц. К. опирался на группы учащихся в Ростове, Таганроге, Мариуполе, Бердянске, Киеве, кажется в Харькове и в кое-каких других городах, причем главную роль играли ростовцы. В Ростове находился сам Ц. К., печатались его бюллетени и велась довольно большая работа посредством образования кружков среди учащихся. Наибольшее количество кружков было в среднетехническом училище (от 5 до 6), кружка 3—4 было в гимназии, по одному или по два в реальном училище и в женской гимназии, да еще два три сборных из учащихся разных учебных заведений. Если в среднем брать по 6—7 человек на кружок, то всего в них состояло в Ростове в конце 1902 года приблизительно около 100 человек.

Два раза устраивались общие собрания всех членов группы, причем последнее было захвачено полицией.

Вся эта организация по существу была вспомогательным органом Донского комитета Р. С. Д. Р. П., нечто в роде Союза коммунистической молодежи при комитетах РКП нашего времени.

Формально члены группы были беспартийными, но, выполняя кое когда партийные поручения, они тем самим постепенно втягивались в партийную работу. Были такие из наиболее развитых членов группы, которые брали на себя обязанности пропагандистов в рабочих кружках, другие несли организаторские обязанности, третьи, наконец, помогали при печатании (на гектографе) прокламаций и распространяли их, точно так же как и получавшуюся из заграницы нелегальную литературу (главным образом „Искру") Насколько мне помнится представитель группы учащихся в Ростове входил в состав Донского комитета.

Наступили бурные времена знаменитой ростовской стачки.

Весть о ней всколыхнула самые широкие круги учашихся и пробудила интерес даже у таких, которые раньше были далеки от политики. Когда на Камышевахинской балке на собраниях стачечников стали произноситься речи явно антиправительственного содержания, члены группы учащихся, приходившие туда послушать, потом в восторге, как последнюю новость, передавали об этом своим одноклассникам. Агитация была крайне облегчена. Не приходилось уже прибегать к наводящим вопросам, подходить издалека—стоило только рассказать, что происходит на собраниях рабочих. И это делалось вполне открыто, чуть ли не перед всем классом.

Поднялось уважение к рабочим, так решительно выступившим в борьбу за свои права, а лозунги „долой самодержавие" „да здравствует политическая свобода", так близкие сердцу этой массы, в общем выходцев из буржуазной среды, принимали действенное значение и глубоко западали в душу. Одно время не было никого, кто бы имел мужество выступать против революционных лозунгов.

Даже сынки крупных буржуа и ярых монархистов не высказывались против охватившего всех чувства симпатии к рабочим и революционному движению. Помнится один разговор с одноклассником Асмоловым, сыном крупнейшего табачного фабриканта. Он зная меня за красного, попросил дать ему прокламацию.

„Да ведь там ругают правительство и капиталистов", заметил я ему.

„Ничего", сказал он „есть за что ругать их."

„Позвольте", продолжал я „вот у вашего отца фабрика, рабочие там забастовали, требуют улучшения положения, а ваш отец ради своей наживы отказывает им, да еще зовет на помощь полицию.

Вам самому должны быть дороги интересы отца, как же вы будете читать то, что против него пишется?—А я думаю иначе,—возражал мне сын фабриканта. „Рабочие правы, когда хотят улучшения своего положения и, в частности, мой отец готов был бы пойти им навстречу, но полиция запрещает ему это делать, чтобы не давать рабочим потачку. Я считаю, что с таким правительством следует бороться. Оно только портит отношения между фабрикантами и рабочими . . . Этот разговор характерен для отношения в то время кой-кого из представителей буржуазии к рабочему движению, потому что сынок, очевидно, говорил со слов своего папаши.

Противоречия между развивающимся капиталом и бюрократическим правительством были на лицо, противоречия же между капиталом и трудом не везде еще достигли значительного развития. Это иногда вносило путаницу в понятия и те, кто были явно пропитаны буржуазной идеологией, подчас, искренне считали себя не только революционерами, но и социалистами.

Они входили иной раз в гущу рабочего движения, пропагандировали, агитировали, звали к бою против правительства, продолжая в общем и целом оставаться на точке зрения лишь буржуазных радикалов и демократов и часто рабочим трудно было разобраться, кто же именно из выходцев из буржуазного лагеря является его настоящими друзьями, кто же только попутчики, стремящиеся к своим целям и желающие рабочий класс сделать орудием в своих руках.

На балке пролилась кровь.

Слуги старого режима стреляли в толпу безоружных рабочих.

Известие об этом с быстротой молнии разнеслось по городу и проникло в учебные заведения. Для многих это событие стало поворотным пунктом в их мировоззрении. Все почувствовали, что борьба —вещь не шуточная. Были такие, которые сразу же охладели к таким опасным вещам, но значительная часть приняла твердое решение и дальше идти по этому пути, чтобы отомстить за невинно погибших.

Я не помню ни одного голоса, который бы поднялся в то время за царское правительство. . . .

Забастовка была сломлена. Начались аресты. В числе арестованных были средне-техники и гимназисты.

Чувство товарищества было вообще сильно у учащихся и тот факт, что некоторые из их числа сидят в участках и в тюрьме, являясь по тогдашнему выражению „страдальцами за народ," еще увеличивал негодование против власти и усиливал симпатию ко всем борцам против нее.

Таковы были уроки ноябрьской стачки в Ростове на Дону для учащихся.

Г. Крамаров.

Выдержки о Ростовской стачке из трудов по истории рабочего движения в России.

Л. Мартов.
ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА В РОССИИ.

Революционная волна, поднятая участием рабочих в политических демонстрациях, поднялась до неслыханной еще высоты в ноябре 1902 года.

Стачка железнодорожных мастерских в городе Ростове стала историческим событием для всей России, так как вызвала грандиозное политическое движение, в котором принял участие весь город. Дело в том, что рабочие, под руководством Донского Комитета Рос. С. Д. Р. Партии, перешли к новой форме борьбы. Место прежних демонстраций заняли митинги под открытым небом; место революционных песен и возгласов-речи на политические и социальные темы. Митинги стачечников привлекли к себе внимание всего города. Под их влиянием, рабочие всех промышленных заведений Ростова бросили работу исключительно для того, чтобы выразить свою солидарность с забастовавшими железнодорожниками. Громадные, десятитысячные толпы, среди которых, рядом с босяками, стояли нарядно одетые буржуа, с напряженным вниманием слушали речи И. Брагина, Ставского и других ораторов Донского Комитета раз'яснявших необходимость борьбы с самодержавием и задачи рабочего движения.

Местные власти растерялись; они привыкли иметь дело с шествиями тысяч людей и не знали как „разогнать" десятки тысяч, собиравшиеся на одной площади. Только через неделю после начала митингов решено было действовать „со всей строгостью", и начали работать солдатские ружья, а затем властям удалссь не допускать новых собраний и выловить некоторых руководителей. Но „ростовские ноябрьские дни" успели уже оказать свое могучее влияние, показав воочию, что к политическому движению можно уже привлечь не сравнительно небольшие кучки, обычно выступавшие на демонстрациях, но громадные массы городского населения.

К ростовской стачке тотчас же присоединились рабочие ст. Тихорецкой и г. Новороссийска. На ст. Тихорецкой опять произошла бойня со многими убитыми и ранеными.

После ростовских дней, демонстрации в прежней форме становятся реже. Полиция уже достаточно приспособилась к ним и умела расстраивать их предварительно принятыми военными мерами. А после ростовских событий и в глазах народных масс прежние, сравнительно немногочисленные демонстрации, в которых активную роль играла лишь более сознательная часть рабочих, а масса обыкновенно лишь сочувственно смотрела на шествие, после ростовских дней эти прежние демонстрации казались уже устарелыми. Для активного же участия широких масс в таких демонстрациях нужны были особые

заводы. Зима 1902—1903 годов прошла с этой стороны спокойнее предыдущей. Только в Ростове же 2 марта 1903 г. Донскому Комитету удалось организовать очень внушительную и довольно продолжительную демонстрацию, ловко обойдя бдительность полиции. Во время демонстрации несколько полицейских было избито толпой, а один пристав убит. Правительство приняло уже новую „устрашающую" меру—предало военному суду заподозренных в участии в демонстрации, но не посмело еще исполнить смертного приговора, который угодливым судом был вынесен трем обвиняемым (Браиловскому, Колоскову и Куксину). Взамен они получили многолетние каторжные работы.

„Из истории рабочего движения и социалдемократии в России 1900—1904 г.г
Очерк Ф. Дана.
Стр. 97.

1902—1903 г. в Тихорецкой и Ростове на Дону.

В начале мая 1902 года на станции Тихорецкой Владикавказской железной дороги, где имеются железнодорожные мастерские, произошла история, наглядно показавшая, с какою напряженною нервностью относится рабочая масса ко всем проявлениям политического и общественного гнета, и с какою силою готова она протестовать против насилия и произвола. Молодая, красивая девушка Золотова—по официальным уверениям будто-бы проститутка,—приглянулась ехавшему с ней в одном вагоне судебному следователю. Так как она не уступала его настояниям, следователь велел ее арестовать, будто-бы по подозрению в краже у него зонтика.

И вот, в сторожке при станции Тихорецкой несчастная подверглась ряду изнасилований, сначала, как говорят, со стороны следователя, потом, что несомненно доказано, всех станичных властей до часовых казаков включительно, наконец, всех желающих, плативших по 20 к. ея стражникам. Несчастная, не выдержав этих мучений, отравилась или—это так и осталось не раз'ясненным—была отравлена. Когда узнали об этом рабочие Тихорецких железнодорожных мастерских, они толпою бросились, разнесли в щепы сторожку, разрушили станичное правление, жел. дор. станцию, избили полицию и казаков. Их энергичный протест не дал замять эту историю, как обыкновенно в России в подобных случаях. Правительство несколько раз производило следствие, опубликовало целый том материалов, но, несмотря на все его старания обелить высшее начальство и свалить всю вину на рядовых казаков, у всех осталось ясное впечатление, что тут дело не чисто. Это впечатление получило огромное подкрепление в той обстановке, при которой происходил суд над пролетариями, самоотверженно протестовавшими против гнустностей застенка и—нужно ли прибавлять это?—оказавшимися единственными „обвиняемыми" по этому делу. Коронный суд не только происходил при закрытых дверях, но защитникам было запрещено вообще касаться обстоятельств смерти Золотовой. Адвокаты удалились из залы, заявив протест против такого способа мешать раскрытию истины. И, однако, вся возмутительность этого дела была так очевидна, что все обвиняемые отделались непродолжительным—на русский масштаб—арестом.

Эпоху в развитии русского рабочего движения составила стачка, вспыхнувшая 4 ноября 1902 г. в железно-дорожных мастерских Владикавказской ж. д., в Ростове на Дону. Стачка была подготовлена и организо-

вана Донским комитетом Р.С.Д.Р. Партии, формулировавшим в своей прокламации требования стачечников. Требования эти не выходили за пределы чисто профессиональных интересов. Но с первых же дней забастовщики в количестве 4000 человек начали собираться во дворе мастерских для совместного обсуждения положения дел. К стачке начали присоединяться и другие рабочие жел. дор. депо, железоделательного завода Пастухова (400 чел.), пекаря, железоделательных заводов Токарева и Дутикова, плугостроительных—Аксай и Григорьева, цементного—Союз, табачных фабрик Асмолова и Работник. Социалдемократический Комитет решил воспользоваться массовыми собраниями стачечников и послал на сходку своих ораторов. Так как двор мастерских, и по своей величине, и по своему местонахождению, не удовлетворял потребностям сходки, то собрания были перенесены на окраину города. Сюда в течение целой недели стекались тысячи (иногда сборища доходили до 30.000 человек) народа слушать речи, произносившиеся агитаторами комитета. Сначала речи на политические темы с призывом к борьбе против самодержавия встречали некоторое неудовольствие со стороны рабочих, особенно пожилых, но затем народ стал сам требовать речей именно на эти темы. Происходило нечто, до тех пор невиданное и неслыханное в России: ежедневные многолюдные митинги под открытым небом, многотысячная толпа с замиранием сердца внимающая смелым речам о самодержавии, о чиновничьем произволе и насилии, о пристрастии судов, о капиталистической эксплоатации, толпа, громкими криками отвечающая „Да“ на вопрос оратора: „Нужна ли нам политическая свобода?“ Тут же самая разнообразная публика, сбегавшаяся со всего Ростова на невиданное зрелище: рабочие, оставлявшие мастерские, чтобы пойти „послушать“ на сходку, мещане, купцы, чиновники, дамы в экипажах с лорнетками в руках. И тут же растерянное начальство, не знающее, что предпринять, полиция и казаки, слушающие речи социалдемократического оратора.

Целую неделю продолжались такие митинги (толпа заботливо укрывала ораторов, давая им возможность незаметно пробираться на сходку и возвращаться с нея), пока начальство решилось пустить казаков в атаку на толпу; но атаки несколько раз были отбиты камнями, кольями, досками. И только 11 ноября, когда уже сходка была распущена и почти все рабочие разошлись, в ответ на несколько камней, брошенных детьми, казаки вдруг произвели залп и, положив на месте 6 убитых и 12 тяжело раненых, сейчас же ускакали. Эти убийства не только не напугали толпу, но еще больше озлобили ее, и долго еще после того продолжались такие же ежедневные митинги, такие же речи, такие же протесты. Начальство уже не решалось больше вмешиваться, ибо весь город был в волнении, симпатии огромного большинства были на стороне стачечников, ждали восстания, революции.

Тайная типография социал-демократического комитета работала неутомимо, сколько позволяли ея крайне скромные размеры. Прокламации выходили ежедневно, Всего их было распространено 17 в количестве более 30.000 экземпляров. Следует отметить поразительную выдержку и дисциплинированность, проявленную тысячами „серых“ рабочих. Попытки шпионов вызвать драку и замешательство систематически кончались неудачею. Толпа понимала, что это полицейские затеи, и молча выпроваживала из своих рядов шпионов. Жандармского офицера, явившегося на сходку, рабочие слушать не пожелали. Точно также отказались они читать все прокламации, на которых не стояла красная печать Донского Комитета Р. С. Д. Р. П.

Только 23 ноября стали рабочие Владикавказской жел. дороги на работу, и правительство могло массовыми арестами и высылками удовлетворить свою жажду мщения.

Благодаря агитации социал-демократического комитета, ростовские события нашли отклик и в других пунктах Влад. жел. дороги, где имеются мастерские: в Новороссийске, где забастовало 600 чел. и, особенно в Тихорецкой, рабочие которой уже обнаружили столько мужества в своем протесте по поводу смерти Золотовой. Здесь тоже происходили митинги, тоже говорились речи и—увы.—тоже 5 убитых и 17 тяжело раненых были жертвой, принесенной пролетариатом на алтарь борьбы за свободу, О легко раненых, а также о тех зверствах, грабежах, изнасилованиях женщин и проч., которыми слуги правительства, озлобленные вмешательством рабочих в дело Золотовой, праздновали в Тихорецкой свою победу над пролетариями, мы уже не говорим. Грабежи и изнасилования—непременный спутник всякого „усмирения", производимого правительством над рабочими и крестьянами, и всякого „нападения" его на российских граждан, как это мы видели в Кишиневе.

Ростовская стачка открыла новые методы для социал-демократической агитации, по своей интенсивности далеко превосходившие все то, что казалось доступным раньше, когда агитация велась почти исключительно прокламациями или—в редких случаях—устно на небольших собраниях с несколькими десятками участников. И хотя этой стачкой рабочие не добились немедленного осуществления своих требований, влияние ея глубоко врезалось в душу ростовских рабочих.

Это наглядно выяснилось очень скоро—в марте следующего года, когда социал-демократическому комитету с организованными рабочими достаточно было явиться на поле, где происходила—остаток средневековых обычаев—кулачная борьба, чтобы немедленно отвлечь всю многотысячную толпу (5—6.000) зрителей от этого варварского зрелища и повести ее за собой в город на демонстрацию. Снова весь Ростов высыпал на улицу, и полтора часа красовались над десятками тысяч голов два красных знамени с надписями: „Да здравствует 8-ми часовой рабочий день" и „Да здравствует политическая свобода". Полиция, не ожидавшая ничего подобного, потратила очень много времени, чтоб собраться с силами. Толпа неоднократно отбивала ее, бросала ей под ноги проволоку. Все организованное ядро и знамена остались невредимы, большинство арестованных пришлось скоро выпустить. Но в свалке полицейский пристав получил удар палкой по голове, от которого умер. Эта смерть стоила многих лет каторжных работ нескольким товарищам, о чем мы еще скажем в другом месте.

А. Ельницкий.

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Весной 1902 года рабочее население прилегающих к Ростову на Дону станиц и станции Тихорецкой было взволновано нашумевшим тогда на всю Россию делом Золотовой,—молодой девушки, которая подверглась, как утверждала всеобщая молва, изнасилованию казаками в сторожке при станции Тихорецкой и покончила там жизнь самоубийством. Начальство стремилось замять это дело, но рабочие Тихорецких железнодорожных мастерских поднялись на защиту поруганной чести девушки; к ним примкнули рабочие соседних станиц, и движе-

ние закончилось разгромом станичного правления, железнодорожной станции, избиением полиции и казаков.

Это выступление рабочих заставило правительство произвести специальное расследование о причинах смерти Золотовой, и результаты обследования были опубликованы министерством юстиции.

Ростовская стачка, к описанию которой мы теперь перейдем, началась по следующему незначительному поводу.

2-го ноября в субботу забастовали котельщики железнодорожных мастерских, стачка была вызвана обсчитыванием со стороны мастера. Через два дня к стачке примкнули рабочие остальных цехов в количестве около 4.000 человек и выставили требования сокращения рабочего дня до 9 часов, повышения заработной платы на 20% отмены штрафов за неявки на работу, вежливого отношения со стороны мастеров, устройства школы для детей рабочих и ряд других.

На следующий день, после об'явления забастовки в железнодорожных мастерских состоялась сходка, в которой приняли участие и посторонние рабочие; выступавшие на сходке ораторы призывали рабочих устроить демонстрацию, произносили речи на политические темы, но большинство собрания от устройства демонстрации уклонилось, а стачку решили продолжать. Более пожилые рабочие вначале протестовали даже против политических речей. Местная социал.-демократическая организация выпустила листки ко всему населению гор. Ростова с призывом поддержать железнодорожных рабочих и присоединиться к стачке.

Рабочие самого г. Ростова вначале примыкали к стачке туго, но за то охотно посещали собрания в железнодорожном депо. К 8-му ноября число посетителей на этих собраниях возросло настолько, что депо уже не могло вместить всех желающих. Тогда решено было перенести сходки за город, в Балку, расположенную за поселком Темерник. Там под открытым небом в течение 5 дней продолжались собрания, привлекавшие десятки тысяч слушателей не только рабочих, но из всех слоев городского населения. Такие огромные собрания с откровенными речами на политические темы в то время были до того необычны не только для г. Ростова, но и для всей России, что на них стало стекаться все окрестное население. В самом Ростове в эти дни почти совершенно прекратилась торговля, закрылись ренсковые погреба, трактиры; весь город стремился принять участие в народных собраниях и жадно выслушивал политические речи.

Против движения были только фабриканты, да купцы, но все их обращения к администрации с просьбами положить конец движению ни к чему не приводили, так как полиция чувствовала себя бессильной бороться с быстро разросшимся движением.

К 9-му ноября в Ростов прибыл наказной атаман с полком донских казаков, но и он не решился сразу принять строгие меры, и выразил желание принять делегацию рабочих для выяснения их требований. Когда же такая делегация, избранная на общем собрании, в балке, была к нему направлена, он ей ответил, что требования рабочих „незаконны", а введение девятичасового рабочего дня—„несвоевременно".

На следующий день собрание в балке было специально разрешено, чтобы делегация могла передать рабочим ответ атамана. Как—раз это пришлось на воскресный день, и за Темерником собралось до 30.000 народа; кроме населения гор. Ростова присутствовали делегаты от рабочих из Батайска, Екатеринодара, Ставрополя, Таганрога, Тихорецкой и других окрестных городов, куда успели распространить-

ся известия о ростовских событиях. На собрании было вынесено решение на работу не идти и забастовку продолжать до полного удовлетворения требований.

На слудующий день, по распоряжению атамана, балка с утра была занята казаками, но явившиеся на собрание рабочие оттеснили их, и сходка состоялась и в этот день.

Несмотря на вмешательство полиции и казаков, собрания рабочих продолжались и в следующие дни, но не такие уже многочисленные. Стачка также продолжала разростаться; к бастовавшим примкнули работницы табачных фабрик, присоединились пекаря и другие ремесленники.

Тогда, наконец, по распоряжднию атамана, были приняты самые решительные меры. С утра 15-го ноября Темерник был наводнен войсками и отрезан от города цепью казаков, никого туда не пропускавших. Затянувшаяся стачка стала затихать, и 25-го ноября, когда принялись за работу рабочие железнодорожных мастерских, совершенно прекратилась.

Рабочие не добились выполнения выставленных ими требований, так как делать уступки стачечникам было строжайше запрещено администрацией, но тем не менее ростовские события имели огромное значение как для самого рабочего класса, так и для всей демократии России. В Ростове впервые широкие демократические массы примкнули к движению и убедились, что вместе с рабочим классом они являются грозной силой, с которой не может не считаться и всевластная администрация. В рабочем же классе эти демократические слои увидели наиболее преданного и самоотверженного борца за политическую свободу.

Сами рабочие, в особенности на юге России, быть может и смутно, но стали с этого момента сознавать, что вопросы экономического улучшения их положения тесно сплетены с вопросом политическим.

Корреспонденции „Искры“ и „Красного Знамени“. [1])

„ИСКРА“.
1 декабря 1902 г. № 29.

Борьба Ростовских рабочих.

Грандиозная борьба вспыхнула в Ростове н-Дону 2 — 4 ноября, обнаружив еще — и еще раз, в назидание всем маловерным какая громадная революционная энергия накоплена рабочим классом и как глубоко проникли семена соц.-дем. пропаганды.

Приведем прежде всего сообщение наших донских товарищей.

„4-го ноября в 10 час. утра, в главных мастерских Влк. ж. д, в которых работает около 4000 чел., вспыхнула стачка, в которой приняли участие все рабочие, почти без исключения. Стачка была подготовлена. В этот день появилась прокламация местного Комитета с призывом к стачке, которая произвела сильное впечатление. С утра началось сильное брожение, но рабочие не могли начать. В 10 час. утра в мастерские ворвалось несколько человек, не работающих в мастерских, с криком: „Бросай работу“. Рабочие нескольких цехов с криком „стачка“ высыпали на двор. Заранее подготовленный отряд организованных рабочих бросился в машинное отделение и дал тревожный свисток. Инженер Голоцуцкий и кочегар, пытавшиеся воспротивиться этому, были избиты. Высыпавшим во двор после гудка рабочим была прочтена прокламация. Произнесено несколько кратких речей. Рабочие приняли все требования, выставленные в прокламации, именно: 1) 9-часовой рабочий день; 2) прекращение работ по субботам и накануне праздников в 2 часа дня; 3) повышение жалованья на 20 %; 4) повышение расценков, чтобы они составляли не менее 50 % жалованья; 5) полная отмена штрафов за неявку на работу; 6) удаление мерзавцев мастеров Вицкевича и Чернявского; 7) вежливое обращение мастеров; 8) устройство школы для детей рабочих; 9) вывешивание табели расценков во всех цехах. К этим основным требованиям потом была прибавлена масса требований второстепенных, всего 25 пунктов. В виду того, что рабочие являются сторонниками сдельных работ, Комитет должен был отказаться от агитации против сдельных работ. Стачкой предполагается воспользоваться для широкой политической агитации. Настроение среди рабочих хорошее; все говорят, что будут держаться до конца. Власти поражены умелым поведением рабочих: не слышно ни одного ругательства, не разбито ни одного окна“.

На присланной нам печатной прокламации от 4 ноября Донской Комитет добавляет следующее:

„5 ноября к стачке присоединились рабочие депо, 6 ноября рабочие завода Пастухова (400 чел.) бросили работу и присоединились к стачке. Возле мастерских собирается толпа в несколько тысяч чело-

[1]) Прим. ред. сборника: „Красное Знамя“ — издание Союза Русских социал-демократов в Женеве.

ДВОР МАСТЕРСКИХ ВЛК. Ж. Д.

век. Произносятся речи интеллигентами и рабочими. Ораторов выносят на руках. На сходки рабочие приходят всем семейством — с женами и детьми. До сих пор (7-XI) ни одного ареста. Полиция и жандармы боятся дразнить голодающую толпу. На всех заводах страшное брожение. Ожидаем всеобщей стачки. Прокламации выходят по две в день".

6 ноября Донской Комитет обратился со следующей прокламацией ко всем гражданам:

„Первый снег, — и вместе с ним первый отдаленный раскат надвигающейся революции. Рабочие Владикавказских мастерских бросили работу и выставили свои требования. В них нет ничего политического, но самый факт такой крупной стачки своим могучим напором рвет старые заржавленные средневековые цепи самодержавия. И не дождемся мы, быть может, будущего „первого снега", как те же рабочие стройной тысячной толпой пройдут под красным знаменем соц.-демократии с громким криком: „Долой самодержавие. Да здравствует свобода", пройдут по улицам Ростова, которые еще никогда не слышали вольных криков свободы. Они — и только они — в силах разрушить смрадное здание, они — и только они — в силах дать свободу задушенной, голодной Руси.

„Придите же к ним на помощь в их первых трудных шагах борьбы. Придите вы, втайне ненавидящие запятнанное кровью гнуснейших преступлений самодержавие, придите вы, втайне болеющие за вымирающий от голода народ; придите вы, втайне робко мечтающие о свободе. Придите на помощь, чем можете. Окажите борющимся хоть материальную поддержку".

„Проснитесь же, граждане".

Приводим те из многочисленных сообщений о событии, которые наиболее полно рисуют картину борьбы и впечатление, производимое ею:

„Ростов переживает теперь тревожные дни. Он вышел, наконец, из своей спячки: 2 ноября началась стачка в мастерских Владикавказских жел. дор. Бросили котельщики; предполагалось это дело замять, но в понедельник 4-го бросили и остальные цехи, 5-го вышли прокламации от Донского Комитета с программой действий и требованиями (требований до 25 параграфов). Полиция пока бездействует, и 6-го происходит грандиозный митинг. На дворе мастерских (Влк. ж. д.) сошлось более трех тысяч одних рабочих, не считая пришлых. Не взирая на присутствие переодетых и непереодетых жандармов и пр. и пр., произносятся громовые речи, поддерживаемые громкими криками собравшихся. На 7-е назначается новая сходка. В 12 час. на том же дворе, на прилегающих к нему пустырях собирается еще большее количество народу, т. к. накануне были разбросаны и расклеены к обществу прокламации. И в тот же день неизвестно по каким причинам вспыхнул пожар на заводе Пастухова. Зрелище было еще более сильное. Речи не умолкли, крики свободные тоже. Пока еще не предпринимают ничего. На завтра назначена опять сходка, на которую ожидаются рабочие других заводов. Донской комитет открыл свою типографию и выпустил к новобранцам массу прокламаций. В тоже время обнаружилось странное и еще небывалое явление: в учебные заведения были присланы прокламации от Южно-русской группы учащихся средних школ. Одна из таких прокламаций попала в руки инспектора гимназии, но он еще ничего не предпринял"...

„К рабочим Влк. ж. д. присоединились рабочие завода Панина (жел. зав.); забастовали пекарни. На ст. Тихорецкой Влк. ж. д, тоже побросали работу. В продолжение пяти дней, рабочие в количестве

3—4 и более тысяч собираются за городом, разбрасывают прокламации, которые тотчас же прочитываются, затем говорят речи, прежде всего убеждающие рабочих продолжать стачку и не сдаваться. Сегодня за городом, кроме рабочих Влк. ж. д. в числе 4 тысяч, пришли с других фабрик и заводов, толпа собралась не менее 10 тысяч. Собрались в предместьи Темерника на возвышении. Начал говорить один бывший рабочий: говорил, что унизительно уступить капиталистам, толпа прокричала, что не пойдет на уступки, потом он говорил, что рабочие в отдельности не должны вести переговоры с хозяевами, потому что рабочий обыкновенно не сможет ясно формулировать свои требования, его убеждения не настолько ясно сложились, чтобы он мог выложить все, что желает, для этого необходимо действовать целой массой, посредством печатно выраженных требований, потом сообщил, какие рабочие на других заводах забастовали, и сказал, что администрация очень трусит, потому что забастовка Влк. ж. д, мастерских грозит раздвинуться дальше и весь Ростов будет охвачен стачечным движением; он передал, что наказный атаман сказал, что если стачка еще продолжится 2 дня, то рабочие будут удовлетворены. Это он узнал из достоверных источников. Во все продолжение этой речи ему не мешали ни полиция, ни жандармы. Вот уже 5 дней, как у нас свободно говорят обо всем, ободряют стачечников и убеждают их держаться стойко, и жандармерия дает собираться народу и обсуждать его интересы. Когда говорил другой оратор, понемногу стали наезжать казаки с нагайками пиками. Оратор, увидя, что начальство все больше приближается к народу и тем пугает людей, собравшихся не для каких-либо преступных целей, а мирно обсуждающих свои дела, спросил, зачем здесь жандармерия. В толпу выехал полковник и стал читать рабочим ответ министра путей сообщения Хилкова: требования рабочих не могут быть удовлетворены, и если рабочему не нравятся условия найма и и заработной платы, пусть берет расчет, и если чем-нибудь недоволен—обращается в суд. Оратор спросил, соглашаются-ли на это рабочие, те закричали: „нет".

Полковник велел разойтись. Толпа, подстрекаемая оратором, осталась на месте. Тогда прискакали казаки и стали об'езжать толпу, для запугивания. Народ вел себя очень сдержанно, спокойно и слушал оратора, который говорил, что толпу не имеют права трогать, потому что это мирная стачка, рабочие не буйствуют и никого не оскорбляют. Начальство все больше убеждало разойтись, но толпа не двигалась, а казаки все больше приближались к ней. Оратор обратился к казакам, говоря, что разве под их мундирами не бьется человеческое сердце? что они сами вышли из тех же крестьян и, окончив службу, попадут на фабрики и заводы, они не посмеют избивать ни в чем не повинных людей, добивающихся только сносных условий труда. Потом оратор закричал: пока казаки не удалятся, народ не разойдется. Казакам велено было удалиться, и народ понемногу разошелся. Назначена сходка на завтра, на том же месте...

По улицам встречаются кучки рабочих, которые горячо толкуют о стачке. Пройдя Темерницкие ворота, поднимаемся на гору, со всех сторон идут рабочие. Все пространство площади было разделено рвом. На одном краю его стояла масса рабочих, там и сям читали прокламации с-р. Рабочие, слушая их, все более возбуждались. Вдруг все закричали: „товарищ идет", и зашевелились; пришел вожак, все очищали перед ним дорогу и оживились. Он остановился на другой стороне на площадке, масса двинулась за ним и заняла собою оба откоса и громадное пространство на дне рва. Народ все прибывал.

Было около 8 тысяч рабочих и около полуторы тысячи женщин, наконец пришли ораторы и начали говорить речи. Толпа слушала очень внимательно и единодушно отвечала на вопросы оратора. Они решили продолжать стачку и 13 числа взять получку за прошлый месяц.

„Во время речей толпа: рабочие, учащиеся, публика, сидели на земле. Многие женщины сели на краю рва и невозмутимо сидели, несмотря на то, что на них почти наезжали казаки. Оказалось, что казаки не уехали совсем, а только скрылись в стороне. На завтра назначена сходка в 12 час. дня"...

Ростов на Дону 13 ноября..... Сообщаю новые подробности ростовских „ноябрьских дней". Здесь творится нечто небывалое еще в России. Как только вспыхнула стачка в мастерских Вл. ж. д., на всех фабриках и заводах началось невиданное брожение. Во многих местах рабочие бросали работу и опять ее начинали, уходили с работы смотреть, что делается на „стачке", и потом опять приходили обратно. Забастовала и пред'явила требования по настоящему только фабрика Токарева (свыше 300 чел.). Требования эти удовлетворены и 11 ноября на фабрике началась работа. Теперь, кроме мастерских жел. дор. бастуют: плугостроительный завод „Аксай", цементный „Союз" и табачная фабрика Асмолова; пред'явленные требования, в общем, сходны с требованиями железнодорожников. Не работают на табачной фабрике „Работник", на плугостроительном Григорьева и К., на железоделательном и чугунолитейном зав. Дутикова. Не работает много мелких мастерских и отдельных рабочих всевозможных производств. Все забастовавшие и масса любопытных стекаются к одному центру—железнодорожникам. С первого дня стачки начались сходки, на которых говорят два постоянных оратора—интеллигент и рабочий. Речи эти исключительно ярко политического характера. 4, 5 и 6 ноября сходки, вернее митинги, происходили во дворе ж. д. мастерских, но когда количество участников этих сборищ превысило 10 тысяч человек и двор мастерских не мог вместить всех интересующихся, митинги были перенесены на „балку"—в огромный овраг, находящийся между Ростовом и ст. Гниловской. В четверг, 7-го, было уже тысяч 15 слушателей, и ораторы говорили с горы к народу, не смущаясь присутствием войск. В четверг же в Ростов прибыли еще войска, вместе с атаманом и всей областной администрацией. Вообще административная жизнь области как-то замерла: в полиции целую неделю почта не вскрывается и не рассматривается. Срочные бумаги лежат без исполнения, тогда как все чины полиции усердно посещают митинги. В пятницу, 8-го, рабочим была прочитана телеграмма министра путей сообщения, который признал все требования рабочих не заслуживающими удовлетворения. Прочитав эту телеграмму, жандармский полковник Артемьев приказал толпе разойтись и больше не собираться скопом. Тот же самый приказ повторил и войсковой наказный атаман и пригрозил рабочим всякими бедами за непослушание. Поднимается тогда оратор, и, не смущаясь присутствием грозного начальника области, спрашивает: „Господа, боимся мы атамана?"—Нет, не боимся, отвечает толпа.—„Станем мы слушаться его приказаний"?—Нет, не станем, ревут в ответ тысячи голосов. Ну, тогда оставайтесь на месте и будем продолжать наши разговоры.

Само собою разумеется, казакам дан был приказ разогнать толпу нагайками. Но избиение на этот раз не состоялось, благодаря замечательному маневру оратора. Он приказал всем сесть, и не-

сколько тысяч человек, мужчин, женщин и детей, уселись на землю и смиренно дожидали своей участи. Казаки опешили и остановились в недоумении. Бить сидячего с седла крайне неудобно, и казаки, погарцовав немного, прекратили это глупое занятие. В средине толпы встало несколько человек и подняли на плечи оратора, который обратился с речью к казакам. Тогда толпе об'явили, что дальнейшие сходки запрещаются и с участниками их будут поступать по всем строгостям закона. Казаков убрали, и толпа разошлась.

В субботу казаки заняли балку, но стачечники собрались недалеко от нея. Видя, что толпа велика, и что с нею трудно справиться, стачечникам об'явили, что атаман разрешает им на этот раз сходку для того, чтобы они выбрали депутацию к нему. Депутация была избрана, и политический митинг продолжался своим чередом. Характерно, что когда депутация явилась к атаману, этот глупый бурбон заявил, что он не желает с ними разговаривать и соглашается их выслушать в виде особой милости. Депутаты держались солидно и с большим достоинством ответили на эту нелепую выходку.

„В воскресенье атаман разрешил собраться только для выслушания ответа депутатов. Тем не менее, митинг продолжался от 11 до 3 час. дня. Народу собралось видимо-невидимо; мы определяем толпу в 25—30 тыс. чел. Торжественное, неслыханное еще в России зрелище представлял этот митинг. Стояла прекрасная погода и солнце освещало многотысячную толпу, в которой, тесно прижавшись друг к другу, стояли представители буквально всех слоев общества. Даже крупные буржуа на собственных рысаках приезжали взглянуть на своего пробуждающегося врага. Как и в предыдущие дни, речи носили ярко политический характер. В одной из них сопоставлялось развитие христианства с развитием социализма. Одна речь была посвящена армии, ея роли и значению в капиталистическом государстве вообще и в России в частности. Иллюстрировалось это примерами из китайской войны. В виду того, что значительная часть рабочих относится все еще крайне враждебно к политической агитации, а часть стачечников угрожала даже стать на работу, если их будут „запутывать в политику“,—было произнесено несколько речей на тему: „Почему мы произносим политические речи“. Речи эти произвели очень сильное впечатление на толпу. Дисциплина и порядок на митингах—образцовые, толпа повинуется каждому слову оратора. Митинг сопровождается возгласами массы: „Да здравствует политическая свобода, свобода стачек, сходок и собраний, слова и печати. Мы требуем справедливых законов и равенства всех перед законом“. Несмотря на категорическое запрещение атамана, толпа решила собраться на следующий день. В этот же день было расклеено по городу обязательное постановление о воспрещении носить оружие, останавливаться на улице и т. д Кроме того, было издано напечатанное крупным шрифтом новое постановление, по которому всякие сходки безусловно воспрещаются, зачинщики будут немедленно арестованы, а войска будут без всяких церемоний действовать оружием. В тот же день состоялось, под председательством атамана, экстренное совещание чинов администрации и представителей ж.-д. Управляющий дороги готов был сделать все уступки, за исключением 9-ти часового рабочего дня и отмены штрафов, но атаман восстал против этого, говоря, „тогда другие рабочие не успокоятся, пока не получат того же“. Совещание решило, во что бы то ни стало арестовать ораторов и не допустить новой сходки, не останавливаясь даже перед самыми крутыми мерами.

„В понедельник с утра казачьи нагайки стали дружно действовать. Казаки напали на толпу женщин, шедших на сходку, и начали их колотить. Женщины героически защищались, отняли у казаков 4 пики, и все-таки явились на сходку. В самой балке, едва только успела собраться небольшая толпа рабочих, как на нее напали казаки. Стачечники сели на землю, но и этот маневр не удался: казаки скакали прямо на сидящих. Тогда рабочие поднялись и оказали сопротивление. Камнями им удалось отбить казаков (во время свалки три казака с лошадьми были сброшены в овраг и казачий офицер поранен) и перейти на Темерник, где на перекрестке двух наиболее широких улиц собралась по прежнему громадная толпа рабочих и кучка интеллигенции. Решили не расходиться. Вскоре сюда явились солдаты и казаки, и началось сражение. Толпа разобрала несколько заборов, выдергивала колья во дворах, ломала деревья, крыши и „слеги" (для вывешивания флагов), и вооружалась всем этим. В несколько минут были наворочены целые груды камней. Рабочие взбирались на крыши домов, накладывали там груды камней и обстреливали ими казаков. Толпа вырывала у казаков пики и ломала их. Всадников стаскивали с лошадей, отбирали у них сабли и ружья, отнимали пики и нагайки. Шесть раз войска нападали на толпу и отступали с большим уроном. Град камней обращал в бегство казачьих лошадей. А толпа все прибывала и становилась свирепее. Наконец, казаки окончательно отступили, и началась сходка. С обеих сторон много раненых; одну женщину страшно искололи пиками. Сходка продолжалась до двух час. дня, и толпа решила разойтись с тем, чтобы завтра сойтись на том же месте. В половине четвертого, когда уже осталось совсем мало народа, мальчишки насмешками разозлили солдат, и те бросились избивать их.. За мальчиков вступились взрослые и очень скоро обратили солдат в бегство. Тогда в толпу по команде был дан залп, без предупреждения. На месте осталось 6 человек убитых наповал, 12 чел. тяжело раненых: есть еще раненые, но число их не установлено. Слух о выстрелах страшно наэлектризовал весь город. На улицах заметно было значительное оживление. Толпы людей ходили и громко выражали свое возмущение. Можно было ожидать какого-нибудь взрыва. По улицам везде были расставлены усиленные наряды городовых и патрули казаков (в понедельник же был ранен жандармский полковник Артемьев и еще несколько офицеров). Казаки с песнями и гиканьем раз'езжали по всем направлениям—на страх врагам. Перепуганная администрация ночью экстренно отпечатала и облепила весь город брошюрою Богдановича: „Русским рабочим душевное слово". Но русские рабочие срывают „душевное слово", не дочитав даже первого столбца.

„Во вторник на сходку толпа шла вооруженная; все ожидали страшного кровопролития. Ночью прибыло из Екатеринослава 2000 солдат и масса кубанских казаков. Комитет, как и в первые дни, находил, что если администрация не допустит митинга, то стремиться прорвать цепь войск и итти в город на демонстрацию. Войска преградили доступ на Темерницкую сторону ростовским и нахичеванским рабочим. По Доломановскому пер. и Темерницкому проспекту много дворов было запружено войсками. Особенно много их было во дворах фабрики Панченко и мельницы Филонова. Все переезды через Темерник были заняты войсками, но рабочие все-таки умудрились перебраться через замерзшую речку. На месте сходки народу собралось больше прежнего. Толпу выстрелы только озлобили, администрацию они испугали. После торжественных обещаний, письменных и устных, ни за что не

допустить сборища,—на месте сходки не было ни одного городового. Произносили по прежнему политические речи. В толпе лежал труп одного из расстреляных, которого не выдали полиции. Хотели было итти с этим трупом демонстративно в город, но потом отказались.

„14-го была новая сходка, на которой по прежнему не было полиции. Войска со всех сторон стягиваются в город. Среди казаков растет недовольство атаманом; прокламаций к войскам не удается распространить. Несколько дней уже закрыты все винные лавки, виноторговли, ренсковые погреба, даже увеселительное заведение „Палермо". Торговые операции города страшно сократились. Торговцы просят атамана успокоить рабочих, фабриканты настаивают на укрощении и подавлении.

„Ежедневно выходят прокламации (печатные) в количестве 1500—2500 штук. Больше не успевает изготовлять типография за ночь. Количества этого не хватает, так как толпа набрасывается на прокламации с большей жадностью, чем голодные на хлеб. Распространяются они на виду у полиции и жандармов. В начале, прокламации бросались в толпу, но это вызывало слишком большую суматоху. Тогда решили их раздавать, но и тут результаты не вполне удачны. Одного распространителя чуть не задушили, на другом разодрали пальто. Из-за прокламаций происходят целые свалки.

„На сходке и вообще на Темернике не осмеливаются никого арестовать, за то на улицах прямо-таки хватают заподозренных лиц. Производится масса обысков. В понедельник исчез один из главных ораторов. Вероятно арестован на улице и увезен в какую-то тюрьму. Во вторник в двух случаях толпа отбивала у полиции арестованных. В пользу стачечников собрано уже 1300 руб.

„Повторяю, события наши изобилуют массою любопытнейших подробностей, но теперь, буквально, не в состоянии описать их. События на меня сильно повлияли, и я все время страдаю безсонницей, так что едва вожу пером по бумаге".

„Как бы ни кончилась стачка, воспитательное значение ее колосально, и уж сейчас явился огромный спрос на нелегальную литературу. Нужны буквально десятки пудов литературы, и заграничные организации нравственно обязаны теперь же посылать сюда транспорты".

Приводим еще одно письмо от 13 ноября в несколько сокращенном виде и пропуская фамилии ораторов: „На другой день (4 ноября) все рабочие (ж. д. мастерских) не работали и собрались на дворе для совещания. Один рабочий сказал речь на тему о силе единодушия. Он пробовал указать и на политическую сторону стачки, но старики отнеслись неодобрительно. К этому дню вышла уже вторая прокламация, которая замечательно быстро расходилась. Город наводнен жандармами и шпионами, атаман с 4 сотнями казаков там-же. Недавно прибыли кубанские и терские казаки числом до 1000. Рабочие хотели пройти по городу с красным знаменем, но старики протестовали. На следующий день было уже до 8000 человек, масса рабочих с других фабрик и заводов, а также много интеллигентов и учащихся (несмотря на строгие запрещения посещать сходки). На этой сходке нашелся новый оратор-интеллигент. Ясностью и пылкостью речи он приковал внимание всех, так что ему удалось указать на политическую сторону, и его последние слова „долой самодержавие" были приняты дружными одобрительными возгласами толпы. С каждым днем бастуют все новые и новые рабочие, даже булочники и переплетчики мелких мастерских. Сходки ежедневно от 11 утра до 5 вечера

с речами указанных ораторов. Полиция боится трогать ораторов на сходках, но так рыщет по всем углам, а сыскать их не может.

„Следующая сходка, которая была еще многолюдней, состоялась в балке за Темерником, ибо во дворе было мало места. Пристав заявил, что атаман просит к себе депутатов. На следующий день количество народу на сходке достигло до 20.000 человек. Оратор-рабочий об'явил результаты переговоров с атаманом: оказывается, что атаман не просил депутатов, он был груб и предложил выдать ораторов: тогда-де он сделает уступки. При этом оратор заявил, что если народ верит обещаниям атамана, то он и товарищи его сейчас на глазах рабочих отдадутся в руки полиции, эти слова были заглушены единодушным криком: „не выдадим", (некоторые из рабочих плакали). Уже 20-ти тысячная толпа подхватывала крик: „долой самодержавие". Ораторы указывали на крестьянские голодовки, истязания и на Тихорецкую драму. После речи был устроен сбор денег и было собрано 342 руб. 80 коп., но многие не ожидали сбора и пришли без денег; на днях в обществе собрано свыше тысячи рублей; во время сходки разбрасывались прокламации. Черпь со времени Нерона не бросалась так на хлеб, как присутствующие на прокламации. Происходила ужасная давка. Один рабочий чуть не плача кричал: „хоть одну прокламашку"... Описав следующую сходку, речь к казакам, отражение их атаки и выстрелы в толпу, автор заключает: „полицией были вывешаны об'явления о наказании за присутствие на сходках, но публика и рабочие срывали их, так что городовые не подпускали к ним никого.

„9-го хотели устроить демонстрацию в театре: шли „Мещане", но атаман велел эту пьесу снять".

„Ожидают товарища министра внутренних дел Мясоедова-Иванова. На днях было совещание атамана, жандармов, фабрикантов и заводчиков. Последние хотели уступить, но атаман протестует особенно против 9-ти часового рабочего дня. Он говорит: „Я их нагайками заставлю работать". Хозяева предлагают деньги на выписку войск. Общество возмущено избиением рабочих и всецело сочуствует им. Настроение стойкое и бодрое. Было получено сообщение, что в Ростов идут шахтеры из Таганрога.

Вот еще выдержка из письма.

„Уже 8-й день нас треплет нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходят собрания на Темернике. Вчера было шесть конных атак в толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками—масса раненых. Однако толпа держалась стойко. Все атаки были встречены градом камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пехотинцы и дан был залп без всяких предостережений. Семь человек остались на месте убитые, пятнадцать сильно ранены и отвезены в больницу. Убитых толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа опять собралась. Полиция не препятствовала, только устроила кардон вокруг реки „Темерник", желая воспрепятствовать толпе, если она двинется в город. Обысков еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодетого гимназиста. По улицам раз'езжают и расхаживают целые отряды казаков. Приехал атаман, кто-то из министерства Путей Сообщения и многие другие".

„ИСКРА".
15 декабря 1902 г. № 30.

Хроника рабочего движения, и письма с фабрик и заводов.

Ростов н-Дону. Мы можем теперь сообщить опущенные в номере 29 имена ораторов на Ростовских рабочих сходках: интеллигент Брагин (арестован) и рабочий Ставский. Последний, вместе с некоторыми своими товарищами, счастливо спасся от полиции и находится теперь заграницей. Он прислал нам подробное описание всей стачки, которое мы, в виду его размеров, намерены издать отдельной брошюрой (вместе с собираемыми дополнительными материалами о стачке).

Приводим корреспонденции об окончании стачки, о впечатлении, производимой ею, и о событиях в Тихорецкой и Новороссийске.

„Ростов н-Дону, 20-го ноября 1902-го года. Последние пять—шесть дней очень трудно было получить какие-нибудь сведения с поля действия". Полиция творила нечто невозможное. Прибыло много войск, в это же время некоторые фабрики удовлетворили незначительные требования, выставленные рабочими, и последние пошли на работу; осталось забастовавших рабочих около трех тысяч, которые, конечно ничего не могли сделать с ордой полиции; поэтому, несмотря на все старания, общие сходки не могли состояться. Переносили их в разные места, но полиция находила и разгоняла. Город имел вид завоеванного какими-нибудь дикарями. По главным улицам целыми днями ходили огромные патрули казаков, у разных учреждений стояли конные казаки, город был оцеплен казаками, равно как и таможенные входы и выходы. На вокзал публику не пускали без вещей и лишь из дрожек. Несколько рабочих Владикавказской ж. д. взялись за работу, но были избиты товарищами; вмешалась, конечно, полиция и было опять много раненых. На улицах казаки хватали подмастерьев не причастных к делу, если они вели громко разговор о событиях, и арестовывали их. Пишущий эти строки видел третьего дня перед вечером, как несколько сильно выпивших (а монополькы закрыты) конных казаков выехали на тротуар и ударили нагайками несколько девочек работниц за то, что они будто-бы их дразнили. На улице буквально невозможно стало ходить, чтобы не наткнуться на какую нибудь гадость. Полицмейстер расклеил очень „Разумные" прокламации, гласящие, что если у кого-либо найдены будут на дворе или в доме камни, то он строго будет наказан. Третьего дня полицмейстер об'явил рабочим, что велит гудеть к работе; если они за работу не встанут, то он их моментально вышлет на родину. Гудки третьяго дня гудели и вчера тоже; рабочие явились и спросили: удовлетворены ли их требования, и получив отрицательный ответ, ушли во свояси. Вчера арестовано масса рабочих, и уже началась их высылка; вчера по главной улице видна была масса женщин, стоявших кучками. Это жены арестованных.

Сборы в последнее время идут лучше, дают почти все, ходят собирать по домам, в учреждениях, служащие дают проценты с жалования. Сочувствие необыкновенное, все только о стачке и говорят. Получаются вести из Тихорецкой; там происходило нечто ужасное насчитывают более 30 (?)*) убитых и 100 раненых. Говорят полиция вры-

*) В прокламации „суд над Тихорецкими рабочими" говорится, „несколько убитых и около сотни раненых".

взлась в дома зажиточных людей, грабила (нашли у полиции массу краденых вещей), колотила нагайками женщин и детей. Говорят полиция предана суду. Отсюда отправлено туда много войск. В среде Ростовских рабочих, особенно Владикавказских заметно желание бороться до последней капли крови.

„Весь город проклинает полицию, которая своим поведением многих разозлила. Магазины пустеют, приезжих купцов совершенно нет, в театрах пусто. Запретили пока ставить" „Мещане": боятся демонстрации. Собирают деньги, даже среди маленьких гимназисток, в разговоре которых слышатся слова: забастовка, сходка, требования и т. п. Праздно гуляющих на улицах очень мало.

„24-го ноября. Вчера уже и рабочие Владиказ. ж. д. принялись за работу. Атаман, бывший вчера несколько часов, сказал одному знакомому: „да если бы не сочувствие публики, давно все кончилось бы. Вот если бы поймать тех, кто деньги давал, оштрафовал-бы во сто раз больше".

24-го ноября вечером. Сейчас уже точно известно, что рабочие начали работать. Главный управляющий сказал, что почти все требования будут удовлетворены. Он им ручается (своею жизнью), если они немедленно примутся за работу. Говорят будто Хилков хочет, чтобы они первые взялись за работу, а потом требования будут удовлетворены.

Вот также в дополнение некоторые выдержки из частного письма одной „Мирной Ростовской дамы".

„Ростов на/Дону, 12 ноября... сочувствие к рабочим в городе необыкновенное среди всех классов; несколько приказчиков вчера говорили": „молодцы ребята, что отстаивают свое, не хорошо только сицилисты чересчур много болтают неприличного". Сегодня один извозчик сказал так": мы не допустим, чтобы резали, как в Петербурге"...

„... говорят в банках, театре, дома только лишь об этом. Горячо сочувствуют рабочим, хотя сочувствие у всех только пока в душе. До чего теперь говорят об этом, можно судить по тому, что одна маленькая девочка сказала своей матери, которая собиралась уходить: „не ходи к голодным, и тебя засекут"...

„14-го ноября. Сегодня удалось говорить с женой забастовавшего рабочего, живущей на Темернике, женщина 17 лет поразила своим сознательным отношением к событиям": какое право имеют в нас стрелять, ведь мы собрались, чтобы потолковать о наших нуждах, ведь каждый сам за себя не в силах постоять"... В восторге они все, по ее словам, от речей: „Кажется и сама это думаешь, а не выскажешь так"...

„... Много раненых в железнодорожной больнице, говорят врачам: „скорей подымайте нас, нас ждут товарищи"...

„... Целыми днями заметно сильное движение к Темернику кучками, горнорабочие, босяки и т. п. Извозчик сегодня, обернув спину, сказал: „Знаешь куда идут все?" и засмеялся. Сбор денег теперь идет гораздо лучше, несколько богачей русских (это особенно интересно) дали по 100 и по 50 рублей. Воспитательное значение этих событий в Ростове несбыкновенное. Они создают ни одного революционера, пробуждают мысль и готовность хоть чем-нибудь служить— это не выстрел, который действует на чувство, который быстро забывается. Люди, которые совершенно ничем не интересовались, целыми днями об этом говорят, ни о чем другом невозможно думать.

Молодцы—комитетцы, их можно теперь смело поздравить и пожелать в дальнейшем успеха".

Интересно также следующее сообщение (из одного частного письма), „проверить которое мы еще не имели возможности". На первой сходке было постановлено: „не пить водки во время забастовки, и это постановление свято всеми исполнялось".

Последнее известие из Ростова гласит:

„Здесь происходит безпощадная высылка рабочих: рабочих отрывают от семей и отправляют поездом верст за сто, а потом выпускают на все четыре стороны—доходи сам до родины пешком. Брагин (оратор на сходках) сидит в тюрьме на ст. Каменской. Арестовано пока много рабочих. Около трехсот человек выслано. В пятницу 29 ноября взят по доносу родственник С. Мелешко, а 2 декабря выпущен после допроса, выяснившего всю лживость доноса. С 1-го по 19-е ноября Донской Комитет выпустил 17 разных прокламаций, числом 30 тысяч штук. Собрано денег 2.200 руб.".

„Сюда ожидается фон-Валь, а с ним новые обыски, аресты и высылки поднадзорных. По квартирам учащихся рыщут инспектора и директора и производят обыски. Гимназист 7-го класса Долженко, арестованный вместе с Брагиным, выпущен".

„В ж. д. мастерских удалили двух мастеров; остальные требования пока неудовлетворены. Доктор подал в отставку. Пришлые казаки уже уехали из города".

Тихорецкая.—Здесь вышло так: 15-го бросили работу; требования те-же, что и в Ростове. 16-го явились казаки с Маламою (атаман из Екатеринодара) во главе. 17-го созвали рабочих и приказали идти на работу. Когда те настаивали на своих требованиях, Малама приказал напасть на толпу. Рабочие сели и поснимали шапки, но казаки с обнаженными шашками и нагайками врезались в лежащую груду людей, давя их копытами и рубя направо и налево. Рабочие голыми руками пытались защищаться, но все было напрасно: на месте бойни осталось масса отрубленных частей тела, куча раненых. В бегущую толпу дано несколько залпов. Пять убито на месте, 17 тяжело ранены. Двое убиты так: один рабочий нес на коромысле два ведра воды домой, казак прицелился в несчастного и убил его наповал, а затем и жену, выбежавшую спасать мужа. Затем начался грабеж. Малама скомандовал очищать ж. д. казармы, в которых жили рабочие; казаки стали выкидывать на улицу все имущество рабочих; разбивать сундуки и грабить. „У вас недавно была получка, давайте деньги", кричали озверевшие башибузуки. Одна женщина пыталась оборонить свое добро. Ей разсекли шашкой живот. Что дальше творилось неизвестно.

Казаки неистовствовали, как звери, врывались в дома рабочих, били всех детей, женщин, стариков. Женщин и девушек насиловали, имущество грабели. В одной квартире найден на полу ребенок, пригвожденный кинжалом. В Новороссийск отправлено 18 человек, из которых 6 умерли в дороге. Так расправляются царские башибузуки с рабочими. Зверства дошли до того, что рабочие послали в Ростов телеграмму Управляющему дорогой: „защитите нас от казаков".

Новороссийск. Весть о Ростовской стачке сильно взволновала рабочих города Новороссийска. На приглашение принять участие и поддержать товарищей, они ответили полным согласием. 17-го ноября после завтрака, рабочие стали звонить в колокол, давать гудок и т. п. Бросили работать все, работающие в мастерских, (около 600 чело-

век), и пошли толпой по пристани и заводам. Работа приостановилась всюду: на мелких заводах, на элеваторах и на пристани, а на цементном заводе, администрация, испугавшись погрома сама выпустила рабочих и—„вмиг ворота на запор". К сожалению, между рабочими не было опытного человека, который руководил-бы толпой. Все, однако, держали себя тихо и спокойно. На следующий день приехал на сходку вице-губернатор, появилась полиция и жандармы. В ответ на глумление вице-губернатора из толпы выступил юноша лет шестнадцати, бывший гимназист Калинский и повел с ним беседу в таком духе: Вице-губернатор. „Что вы заступаетесь за рабочих и требуете увеличения платы. Ведь они, и так ее пропивают". Калинский: „Рабочий получает 25—30 руб. в месяц и, иногда, большую часть пропивает, а Вы получаете десятки тысяч и тоже пропиваете или проигрываете в карты и т. д. На рабочих его речь произвела наилучшее впечатление. Они предъявили властям писанные требования, однородные с Ростовскими, к которым были добавлены еще местные. Сперва их не хотели принять, но потом приняли и обещали ответ на завтра, 19-го ноября в 3 часа дня. В назначенный срок рабочие собрались около мастерских. Тут-же стояли казаки, числом около 500 человек, полиция, жандармерия. Администрация об'явила, что требований удовлетворить не может. Кто не желает работать получит расчет и будет выслан на родину. Жандармы пытались арестовать Калинского, но толпа не дала... Были и прокламации (гектографир.)... Но настроения рабочих хватило не надолго. Узнав, что в Ростове стали уже работать, в субботу 23-го ноября Новороссийские рабочие тоже пошли на работу. Все же маленькие уступки были сделаны. На цементном заводе немного увеличена плата за нагрузку, а в мастерских рабочим предоставлено вырабатывать неограниченное количество сдельной платы. По городу ездят казаки, которые не допускают новых собраний. Теперь производятся аресты, главным образом среди рабочих. Калинский скрылся...

Новочеркасск. В мае в здешних железнодорожных мастерских, на железоделательном заводе Отто и Миненкова, в слесарно-механической мастерской Фаслера Ф. Х. и немного по городу были разбросаны и расклеены майские листки (первый раз). Разговоров по их поводу было много. Приблизительно в тоже время листки (другие) были и в местной воинской команде, но там их скоро отдали начальству (уряднику). Переполоху было много. В местном юнкерском училище весной был обыск, но ничего не найдено. 28-го сентября начальник местного жандармского управления Тихонович вызывал начальника слесарно-механической мастерской Фаслера Ф. Х. и управляющего Ф. Ф. Неске для разговоров о майских листках. Приблизительно в тоже время вызывали туда-же и казаков местной команды, у которых нашли листки. И в том и в другом случае ничего не добились.

„ИСКРА".
1 января 1903 года. № 31.

Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов.

Ростов на Дону. В прошлом номере мы сообщили краткие сведения о конце стачки. Помещаем теперь более подробное описание событий, сопровождавших окончание „Борьбы Ростовских рабочих".

Начнем с 17-го ноября, чтобы дать место изложению одного важного эпизода, не отмеченного еще до сих пор в печати:

В воскресение, 17-го ноября, администрацией были приняты самые решительные меры, чтобы не допустить сходки „на балке". На Темерник повалило масса народу, но вся она не была пропущена. В одном месте, близь фабрики Панченко, толпа пыталась прорвать цепь, но моментально прилетели казаки исколотили и прогнали публику; на Темернике на каждом повороте были поставлены кардоны из казаков, солдат и полицейских. Стоило только сойтись пяти человекам, как христолюбивое воинство моментально обнажало шашки и рассекая ими воздух, устремлялась форсированным маршем на собравшихся. Поэтому на Темернике было чрезвычайное обилие одиноко расхаживающих рабочих. Только в одном месте удалось собраться человек 60—70, но и они были немедленно разогнаны. Тогда один из вожаков и решил перенести сходку в другое рабочее предместье—на Нахаловку (Новое поселение). Стоило только проронить несколько раз слова: „На Нахаловку", как немедленно они стали передаваться из уст в уста. Через час на Нахаловке собралась толпа человек в шестьсот. Но не успел оратор произнести речь, как туда же пожаловала сотня казаков и без предупреждения начала колотить толпу нагайками. К счастью, рабочие собрались недалеко от кирпичного завода, где вся площадь усеяна обломками кирпича. Град камней полетел в казаков и заставил их отступить. Оправившись от поражения казаки обнажили шашки и бросились рубить непокорных, но град камней снова остановил их воинственный натиск. Оттеснив казаков, рабочие, опасаясь залпов, бросились во дворы. Население выступило им на помощь. Женщины и дети выносили рабочим ухваты и рогачи, собирали камни. Рабочие из-за заборов очень удачно обстреливали казацкие ряды. Казаки послали за подмогой, и скоро на место побоища примчались еще 4 сотни казаков. Не дожидаясь их прибытия, рабочие поколотили еще казаков и разошлись. После этой битвы, полицмейстер Колпинов издал распоряжение, по которому жители Ростова обязаны были тщательно очистить свои дворы от камней и и других удобно-бросаемых предметов. Виновные в неисполнении будут подлежать строгой ответственности. Само собой разумеется, что постановления этого никто не исполнял. В городе распространился слух, что об'явление это выпустил Донской Комитет, желая дискредитировать полицмейстера в глазах населения. Слухи эти однако, ошибочны. Это был не злостный памфлет, а подлинное распоряжение начальства.

В тот-же день было издано об'явление, сообшавшее, что завтра, 18, в мастерских будет дан призывной гудок на работу, по которому все рабочие должны явиться в мастерские, с неявившимися будет поступлено по всей строгости закона.

Можно было опасаться, что рабочие станут на работу, но этого не произошло. С шести часов утра до двух часов дня 18-го ноября несколько раз были протяжные гудки. На работу встало всего человек 60. После двух часов по Темернику раз'езжали „герольды"—казаки, громко кричавшие: „Идите на работу". Горе вам будет. Вот увидите, как теперь с вами поступать будут и т. п.

19, на заре, казаки стучали в окна рабочим и звали их на работу, грозя разными ужасами. Как и в предыдущий день было дано несколько гудков и тем не менее на работу явилось всего 91 человек. У ворот мастерских стояло человек 500, которые решили не пускать на работу никого, но желающих идти на работу было очень

мало. Тут же рабочие исколотили несколько рабочих за старые грехи.

20-го на работу явилсь еще меньше рабочих, чем 19-го. В этот день началась административная высылка рабочих, обставленная варварскими подробностями. Громадные отряды полиции, жандармов и казаков врывались в квартиры рабочих и уводили кормильцев рабочих семей. Арестуемым не давали даже проститься с семьей и не говорили, куда их уводят. Их вытаскивали из квартир, не давая собрать необходимых пожитков. Окружали казаками, державшими сабли на-голо и уводили меж шпалерами конных казаков, расставленных от конца Темерницких улиц до вокзала. Между рабочими стали распространяться дикие слухи о судьбе арестуемых (ссылка в Сибирь, избиение и даже казнь стачечников); при чем слухи поддерживались и старательно раздувались чинами полиции. 21 и 22 ноября административные высылки и аресты продолжались—брали без всякого разбора. Высылки производили на рабочих удручающее впечатление. К тому же 22 ноября кем-то был пущен слух, что масса рабочих выдает расписку в том, что она желает стать на работу, но ей не дозволяют это сделать вожаки. Говорили, что уже „записалось" более 150 человек и что нежелающим работать дорога выдает расчет, а полиция немедленно выселяет из города. Несмотря на усилие организованных рабочих, разубедить массу в том, что все это неправда, не удалось. Вдобавок в этот день прибыли солдаты ж.-дор. батальона Закаспийской ж. д., в количестве 250 человек. Власти распространяли слухи, что сюда прибудут еще 1.500 солдат, при помощи которых работы будут продолжаться до тех пор, пока рабочие сдадуться. Тем не менее, была полная уверенность, что рабочие продержатся еще несколько дней. Вопреки этим заданиям, 23-го ноября в мастерские на работу явилось около тысячи человек. Тогда организованные и наиболее боевые рабочие явились в мастерские яко-бы на работу. Но работать они не стали, а стали расхаживать по цехам и отпускать по адресу работающих язвительные словечки: иуды, изменники, предатели, трусы и т. д. На работающих крики эти производили очень сильное впечатление и днем все рабочие, за исключением электромеханического цеха, бросили работу и собрались на сходку в сборный цех. После речи, сказанной одним из рабочих, большинство высказалось за то, чтобы продолжать стачку. В это время на сходку явился начальник мастерских Дзевонский и начал убеждать рабочих прекратить стачку, обещая удовлетворить главнейшие требования, за исключением 9-ти часового рабочего дня. До тех пор, пока рабочие не станут на работу, говорил Дзевонский, мы не имеем право, согласно распоряжению министра путей сообщения, вступать с вами в переговоры, так как закон признает вас мятежниками и бунтовщиками. Дзевонский тут-же поклялся, что часть требований будет удовлетворена; в противном случае, он отдает себя на суд рабочих. В конце концов, между Дзевонским и рабочими было достигнуто соглашение: рабочие должны стать на работу, а через неделю им будет об'явлено, какие требования удовлетворены. На воскресенье, 24 ноября, был назначен молебен, по случаю достигнутого соглашения. На молебне депутаты от рабочих требовали, чтобы была отслужена панихида „по невинно-убиенным" во время стачки. Священник отказался служить.

Несмотря на все это, 25-го ноября около тысячи рабочих не явились в мастерские, но продолжать дальнейшее сопротивление было невозможно; это значило-бы произвести раскол между рабочими, ко-

торый закончился-бы междуусобным побоищем. И Комитет, в вышедшей 26-го ноября прокламации не призывал к продолжению стачки, но предупреждал рабочих, что здесь может быть ловушка, и потому советовал, как только дорога начнет оттягивать ответ, немедленно вновь бросать работу. 26-го ноября, на 23-й день, все стачечники работали. В этот-же день Дзевонский заявил во всех цехах, что могут быть удовлетворены следующие требования: повышение платы на 20%; повышение платы чернорабочим на 67% (с 60-ти коп. до 1-го рубля), прекращение работ по субботам и накануне праздников в 2 часа дня. Выдача по 15 руб. в случае рождения ребенка или смерти кого-либо из членов семьи рабочего. Выдача шести проездных билетов в год; устройство новых проходных будок и еще пара мелких требований.

В субботу должны были об'явить окончательно, какие требования удовлетворены, но вместо об'явления один из мастеров Фокинетти, от имени Управления дороги заявил, что рабочие все еще волнуются, а потому дорога откладывает ответ до тех пор, пока рабочие не успокоятся. Комитет выпустил новую прокламацию и, указывая, что рабочих нагло надули, призывал их к новой стачке и к демонстрации. Но вызвать новой стачки не удалось: рабочие слишком изголодались и задолжались, к тому-же приближаются праздники, что настраивают умы совсем не на боевой лад. Особенно в виду того, что за все время в течение почти целого месяца, среди рабочих не видно было ни одного пьяного.

Требований до сих пор не удовлетворяют, не видя надлежащего успокоения. Пока что удалены мастера Вицкевич и Чернявский и врач Попов; в мастерских начинают строить проходные будки.

После такого конца стачки естественно было ожидать сильной реакции, но ее не замечается. Большинство рабочих говорит о новой стачке. Одни предлагают начать ее в январе, другие находят необходимым хорошо подготовиться и приурочивают ее к 1-му мая. Весной, говорят рабочие, мы сможем три месяца держаться.

Политическое недовольство замечается даже у самых отсталых религиозных стариков-рабочих.

Только среди некоторой части рабочих (преимущественно из электро-механического цеха) наступила реакция, сказавшаяся в том, что часть последних прокламаций была унесена в контору. Эти рабочие ругают Комитет за то, что он их „впутал в политику". Не будь политики и главным образом слов: „Долой самодержавие",—все было-бы хорошо, и все требования были-бы удовлетворены. Таких рабочих ничтожный процент; несколько больше таких, которые думают, что царь ничего о Ростовских событиях не знает; в противном случае, он сослал-бы атамана на каторгу.

Почва для работы теперь великолепная, к сожалению, сеятелей нет, или их слишком мало.

Вот еще выдержки из письма в „Искру", доставленного нам несколько окружным путем:

„Хочу поделиться с Вами впечатлением, какое произвел на меня Ростов после колоссальных митингов, происходивших там в течение восьми-девяти дней и преобразивших в известном смысле физиономию города. Население его иначе не понимало движения, как чего-то, что должно вылиться в погром. А тут, стекаясь ежедневно на сходки рабочих, оно увидело сознательную, благородную, дисциплинированную массу, с напряженным вниманием слушавшую речи вождей и повиновавшуюся их приказаниям. Население, услышало здесь свободное слово, вылившееся из глубины души. почувствовала, на чьей стороне

правда, и, что всего важнее, увидело силу, которую боится полиция. Оно увидело, что полиция далеко не так всесильна, как это раньше казалось, и подняло голову: перестало трусить, открыто давало деньги для стачечников и открыто выражало им свое сочувствие. С другой стороны, оно увидело защитников престола диких казаков, и врядли найдется кто-либо, кто не говорит с ненавистью о казаках. Был, например, такой случай. Вагоновожатый отказался вести вагон трамвая, пока не слезет севший казак, и тот принужден был слезть. Выстрелы не произвели угнетающего впечатления, а наоборот озлобили население. Вообще, населения не узнать. Очень важно то обстоятельство, что движение было вполне организованным. Комитет заранее распределил роли, кому дать свисток, кому позвать оратора, кому отбить мастеров и пропустить оратора. В тот же день, т. е. 4-го ноября и вышла первая печатная прокламация комитета с призывом к стачке и с выставленными требованиями. Комитет во время ноябрьских дней выпустил около 26.000 экз. прокламаций. Типография жива и здорова, хотя ходят слухи об аресте ее то в том, то в другом месте. С особенным удовольствием, рассказывают, что она найдена под той гостинницей, где останавливался атаман. Интересно, что все называют ее „типография Донского Комитета". Типография была устроена незадолго до стачки. Обошлась она недорого, благодаря активному участию в деле некоторых очень ловких рабочих. До стачки в Комитете шла усиленная организационная работа. Было кажется 13 кружков, в них представители разных фабрик и заводов. Всех организованных рабочих было, должно быть человек 120. Устав кружковой налагал известные обязательства, неисполнение которых наказывалось исключением и т. п. Человек 8 бежало из Ростова. Из них часть имела отношение к Комитету, который несколько ослаблен, но продолжает энергично действовать. Тяжелое впечатление производит массовая высылка рабочих на родину. Остаются семьи без хлеба, без топлива; высылают без особенного разбора. Выслано уже свыше 200 человек. В числе высланных есть и организационные работники.

Дальнейшие известия: Приехавший в Ростов фон-Вал (подробности его пребывания сообщаем) приказал принять обратно на службу уволенных мастеров Вицкевича и Чернявского. Появление их в мастерских вызвало целую бурю негодования. Чернявский забрался в контору и не высовывал оттуда носа. Вицкевич-же осмелился в сопровождении казаков пойти в котельный цех, которым он заведывал. Как только он переступил порог цеха, сейчас-же работа пошла значительно тише, а в воздухе начали циркулировать по всем направлениям гайки, заклепки и т. п. предметы, зловещим стуком ударявшиеся о стенки цехов. Вицкевич благоразумно поспешил ретироваться.

После этого, рабочие отправили к управляющему дорогой депутацию с категорическим требованием сообщить, какие именно требования дорога удовлетворит и когда-именно. В ответ на требование, управляющий вывесил об'явление следующего содержания:

„Об'явление. Сегодня, 12 декабря, мною лично об'явлено выборным от мастеровых и рабочих Ростовских мастерских, что настоящим подтверждаю: что в виду той формы, в какой были заявлены желания и претензии мастеровых и рабочих, я давать этим претензиям дальнейшего хода не имею права и не могу. Мастеровые и рабочие должны работать на основании добровольно-принятых ими существующих условий и требований рабочей книжки, с соблюдением полного порядка и дисциплины и что только убедившись в строгом, точном и спокойном исполнении мастеровыми и рабочими принятых ими

по рабочей книжке обязанностей, я получу право рассмотреть в законном порядке выраженные желания и претензии и дать дальнейший ход ходатайству мастеровых и рабочих.

„Декабря 12 дня 1902 г. Подлинное: Управляющий дорогой Иноземцев. С подлинным верно: Начальник Главных мастерских Дзевонский".

„ИСКРА".
15 января 1903 года. № 32.

Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов.

Ростов на Дону. Город наш в настоящее время принял уже свой обычный вид. Стачка окончилась, работы производятся повсюду. Из требований, выставленных рабочими во время забастовки, удовлетворены самые ничтожные. Сменили только двух мастеров Вицкевича и Чернявского, доктора Попова, расширили проходную будку в мастерские. Несмотря на это, а также на жестокие репрессии, которым подверглись забастовщики во время стачки и после нее (масса из них была выслана этапным порядком из Ростова), настроение среди рабочих в высшей степени приподнятое. Сознание победы, а также необходимость сильной политической организации окрыляет более передовую часть рабочих. Остальная часть массовых рабочих также разбужена стачечными событиями, которые воочию показали, что сила рабочих в их организованности. Последние события всколыхнули и наше обывательское болото. Администрация выбита из своей позиции и до сих пор не может оправиться. Хотя стачечные события и закончились, но администрация все ждет их осложнений: так, здесь и до сих пор живут солдаты железнодорожного баталиона в вагонах. Их пригнали сюда на работу, боясь полнейшего застоя. 6-го декабря здесь на параде присутствовали знаменитый фон-Валь со своей свитой. По окончании всей процедуры, он обратился с речью к присутствовавшим обывателям о том, что они не должны были принимать такого близкого участия в „бунте" и выражать свои симпатии „бунтовщикам". Этот царский сатрап выразил дальше свое удивление по поводу того известного факта, что жители Ростова „подданные царя", несмотря на то, что под каждым листком было напечатано „Долой самодержавие", давали деньги и оказывали всякую помощь бунтовщикам". „Этого мол, не следует больше делать", так как „мы, т. е. я (фон-Валь) и все верные царю, не в силах будем справиться с „крамолой", если только ее будет поддерживать сам-же обыватель". Так поучал фон-Валь на параде 6-го декабря своих „верноподданных", предлагая им, свой союз для борьбы с „бунтовщиками".

Вообще симпатии обывателей к стачечникам страшно обезкуражили администрацию как в Ростове, так и в Питере и фон-Валь, очевидно, был подослан фон-Плеве в Ростов со специальной целью выразить „высочайшее неудовольствие" жителям, осмелившимся поддерживать „внутренних врагов". „Высочайшие выговоры", как известно, теперь в моде...

Известно также, куда жандармы, туда и попы. Так, поп на Темернике, очевидно, чтобы подслужиться, подогреваемый свыше вздумал в церкви также обличать крамолу. Он стал всячески чернить и забрасывать грязью рабочих, осмелившихся требовать себе прав и лучшей доли в жизни.

ДВОР МАСТЕРСКИХ ВЛК. Ж. Д.

Речь его была встречена глухим ропотом и он сократился, не стал дальше пытаться „обличать". Во всяком случае, такие попы нам на-руку, они открывают глаза и посторонним людям на безправное положение русского народа.

Л—й.

„КРАСНОЕ ЗНАМЯ".
Январь 1903 г.
№ 3.

1. Письма из Ростова.

В субботу 2-го ноября бросили работу рабочие котельного цеха ВЛК мастерских. Поводом к этому послужило то, что расплата с ними производилась неправильно. Немедленно к ним явился начальник мастерских Дзевонский и обещал удовлетворить их требования. В общем котельщики не работали часа два. Некоторые из них тогда же предлагали пойти в другие цеха и пригласить всех рабочих примкнуть к стачке. Но это предложение не встретило сочувствия,—кажется, в силу какой-то странной амбиции: „мы сами бросили работу, так пускай и те сами бросают", говорило большинство котельщиков.

Этим случаем решил воспользоваться Донской Комитет соц.-дем. рабочей партии для того, чтобы призвать к стачке всех рабочих мастерских. На успех такого призыва позволяло надеяться благоприятное для стачки настроение рабочих. Уж с месяц среди них шли толки об ее необходимости. Дело в том, что с мая управление дороги постепенно, но значительно понизило расценку. Это, а также грубое обращение мастеров возбудило среди рабочих сильное недовольство. Оно усилилось после появления третьего октября прокламации Комитета, которая произвела хорошее впечатление и вызвала оживленные разговоры о стачке.

В воскресенье Комитет созвал сходку человек в 40 из представителей разных цехов. На ней были выработаны те требования, которые вошли в выпущенную на следующий день прокламацию, призывавшую к стачке.

В понедельник утром в мастерских были распространены эти прокламации. Около 10-ти часов несколько организованных рабочих ворвались в кочегарку и, отбросив после некоторой борьбы кочегара и мастера (инженера), дали тревожный гудок. В то-же время другие бросились по цехам с криком: „стачка, бросайте работу".

Через несколько минут все рабочие (около 3800) бросили работу и собрались на обширном дворе мастерских. Вскоре явились туда и жандармы (железнодорожные). Начальник мастерских не пришел, отговариваясь болезнью. Вместо него в качестве посредника выступил жандармский полковник, но его не стали слушать и забросали прокламациями: „Долой посредников". „Не надо посредников", кричала сходка. Полковнику пришлось удалиться под свист и насмешки рабочих.

Та-же участь постигла и других лиц из администрации. „Зачем вы здесь? Чего вам надо? Мы вас не звали",—кричали рабочие жандармам и полицмейстеру.

От Комитета выступил оратор и раз'яснил слушателям значение выставленных в прокламации требований. Список их был тут-же дополнен. Из новых требований можно отметить требование полной безответственности стачечников и их депутатов. Общее число пунктов дошло до 28.

В число требований попало, между прочим, требование о переходе сверлильщиков и электрического цеха с поденной платы на сдельную. Эти требования коренным образом противоречат одному из требований социал-демократии и сам комитет еще накануне стачки предлагал начать в мастерских самую широкую пропаганду против сдельных работ, осложненных здесь еще хищнической системой процентов. Включение в прокламацию упомянутых двух требований об'ясняется стечением несчастных случайностей, говорить о которых в силу конспиративных соображений неудобно.

5-го ноября во дворе мастерских собралась новая сходка, которая привлекла много посторонних лиц. Сходки продолжались и в следующие дни, и число слушателей увеличивалось с каждым днем. Со среды ораторы, действовавшие по указаниям Комитета, перешли к политическим речам. Содержание их было очень разнообразно, особенно если принять, что сходки продолжались 12 дней и длились по нескольку часов ежедневно.

В начале политические речи были встречены холодно и равнодушно. Точнее говоря, пока речь шла о политической свободе, о демократической конституции, о жандармах, полиции и правительстве, оратора слушали с интересом, соглашались с ним и поддерживали его. Но едва дело доходило до самодержавия, до царской власти, настроение менялось, и крик: „Долой самодержавие", подхватывался 3—4 сотнями из 10—15 тысяч. Впрочем такое отношение к самодержавию, помимо слабого развития политического сознания, об'ясняется еще тем, что многочисленные шпионы и переодетые городовые шныряли в толпе и фабриковали общественное мнение.

Но уже к концу первой недели отношение к политическим речам изменилось. Оно приняло более определенный, сознательный характер. Слушатели, явственно, разделились на несколько групп. Многие из них стали слушать эти речь с большей охотой и большим сочувствием; другие, наоборот, гораздо резче и определеннее высказывались против них. Из последних, впрочем, только часть была принципиально против них лишь из опасения, что они повредят стачке.

В виду такого положения вещей в воскресенье, 10-го, на громадной сходке перед 25—30 тысячной толпой был произнесен ряд речей на тему: „почему мы произносим политические речи?" Удачные речи имеют большой успех и окончательно рассеяли недоверие к политической пропаганде и противоправительственной агитации. Между тем совершенно растерявшееся начальство не знало, что предпринять. Опасаясь отпора со стороны толпы, и не имея под руками достаточно войск, оно не трогало сходок. Единственная предпринятая администрацией мера—воспрещение сходок во дворе (мастерских), имела неожиданные для него результаты. Сходки были перенесены за город, на темерницкую балку, и сделались более крупными и многолюдными.

Весть о стачке и сходках в первые же дни разнеслась по всему городу и всколыхнула застоявшееся болото ростовской жизни, лишь слегка затронутой обще-русскими революционными событиями и мелкими проявлениями местной революционной работы. Особенно заволновались рабочие и ремесленники. Всех охватила какая-то эпидемия стачек. Первые поднялись переплетчики, булочники, портные. За ними забастовала писче-бумажная фабрика Панченко (600 чел.); часть требований была немедленно удовлетворена. Плугостроительный завод „Аксай" (300 чел.) выставил ряд требований; акционеры завода охотно-бы их удовлетворили, если-бы не запрещение на это фабричной инспекции. Два дня стоял чугунно-литейный завод Дутикова (120 чел.)

Забастовка газовщиков (40 чел.) и трамвайщиков (120 чел.) были предупреждены немедленным удовлетворением их требований. Забастовали было рабочие гвоздильного завода Панина (200 чел.) но „продали стачку" за 15 руб. на брата, чем вызвали со стороны остальных рабочих град насмешек. Табачная фабрика Асмолова (3000 чел.) стояла 2—3 дня; некоторые мелкие требования были удовлетворены; точно также и на фабрике Токарева, после трехдневной остановки. Были стачки и на мыловаренном заводе Нестерова (50 чел.) плугостроительном Григорьева, на заводе Мартэна (из 120 баставали 40), на табачной фабрике Кушнарева (2000 чел.)—один день; с начала стачки в каждой мастерской стояло по два городовых) и т. д. Таким образом стачка захватила почти все фабрики и заводы в Ростове и соседней Нахичевани. Но отсутствие организованных рабочих на многих заводах, и вообще слабость рабочей организации и недостаточность собственных сил Комитета не позволили ему оформить и организовать все эти отдельные стачки. Формулировка для них требований, выпуск прокламации, постановка на все заводы опытных и умелых руководителей—все это требовало такой огромной работы, на которую не хватало ни наличных сил, ни технических средств. Типография Комитета все время была занята печатанием прокламаций к железнодорожным стачечникам; члены ее направили все силы на лучшую организацию сходок и поддержку стачки в мастерских. Кроме того, 12-го и 13-го числа часть сил была обращена на тихорецкие мастерские по просьбе, явившейся оттуда в Ростов на сходку, делегации.

События обнаружили важную и характерную черту: слабое развитие политического и в особенности революционно-социалистического сознания и на ряду с этим стихийную, революционную активность масс. Так—в тоже время тогда слышалось недовольство политическими речами, особенно направленными против самодержавия, таже самая масса, которая выражала это недовольство, фактически вела борьбу с самодержавным строем, сама этого не сознавая. В жандармов и полицию бросали камнями; приказы атамана встречались ядовитыми насмешками; телеграмма министра путей сообщения, воспрещавшая какие-бы то ни было уступки, вызвала общее негодование и возбудила ненависть к правительству, которую масса не стеснялась открыто и резко выражать.

Между тем администрация понемногу оправилась: в Ростов были стянуты войска, на столбах появились „обязательные постановления". Город очутился на военном положении. По улицам с песнями раз'езжали сотни казаков в полном вооружении. На вокзале целые дни высаживались из вогонов войска, а по дороге с вокзала в город тянулись целые обозы с фуражем и патронами. Привезено было даже две пушки и тем не менее администрация не приступала к решительным действиям.

Тем временем стачка начала уже оказывать влияние на городскую жизнь. Торговля совершенно прекратилась. Купцы разумеется не могли быть этим довольны и ругали кто стачечников, а кто втихомолку администрацию, кто социалистов, а кто самодержавие, а иные и тех и других сразу.

В понедельник, 11-го, администрация решилась, наконец, ограничить свободу слова и собраний. Сотня казаков спозаранку расположилась в балке, где в 11 часов была захвачена сходка. Часам к 10 там собралось достаточно народу, главным образом женщины. Казаки решили, что пора действовать и по приказу офицера в карьер бро-

сились на толпу. „Садись", раздалась команда в толпе. Все сели. Летевшие во весь опор с пиками на перевес остановились перед сидевшими. Вторая атака была решительней: казаки пустили в ход пики и нагайки и стали топтать первые ряды сидевших лошадьми. Толпа живо вскочила, и завязалась битва. Град камней полетел в казаков. Нескольких стащили с лошадей. Женщины хватались за пики, вырывали их, выхватывали из рук нагайки. После недолгой борьбы казаки отступили. Еще несколько раз пытались они повторить атаку, но толпа всякий раз отбивала их камнями, палками и досками из заборов и крыш. Казаки сочли за лучшее удалиться.

Сходка тянулась до 3-х часов. И вот, когда толпа расходилась, произошло то, чего меньше всего можно было ждать в этот день. Недалеко от места сходки собралась небольшая толпа человек в 500— женщины, дети, любопытные. Ничего они не думали предпринимать, а так, просто, стояли и, несмотря на требования казачьего офицера, не расходились. Мальчишки издевались над казаками, кувыркались, ходили на руках перед офицером. Не стерпело его казачье сердце, и он скомандовал в атаку. Один миг—и мальчишки уже очутились за заборами и на крышах и оттуда встретили славных Донцов такой кучей камней, что им пришлось отступить. 6 раз повторялась атака и с теми-же результатами. Конные казаки удалились; вместо них явилось полсотни пеших и без всякого предупреждения произвели залп в расходившуюся толпу. 6 или 7 чел. было убито, десятка два ранено. Это гнусное зверство вызвало в городе страшное возмущение. Говорили о необходимости устроить демонстрацию—пройтись с трупами убитых по городу...

Администрация сама струсила последствий своего зверского поступка и приняла меры для успокоения умов: расклеила на утро спешно отпечатанное „душевное слово" генерала от самодержавия Богдановича и рядом с ним об'явление о воспрещении рабочим под угрозой строгого наказания устраивать собрания. Но помешать сходке она побоялась. Настроение на сходке во вторник было крайне возбужденное. Рабочие явились вооруженные, готовые во что-бы то ни стало идти демонстративно в город. Но от мысли о демонстрации пришлось отказаться.

Надо заметить, что Затемерницкая часть, где происходили сходки, отделяется от расположенного на горе города глубокой долиной, по которой протекает речка Темерник. Долина занята вокзалом, станционными постройками, железнодорожными путями. Пробраться отсюда в город можно только двумя путями; оба они пролегают через шлагбаумы, тунутся узкими переулками между станционными постройками, и, наконец, около речки заканчиваются неширокими мостами. На этих мостах во вторник предусмотрительно были расположены усиленные казацкие наряды, а по всему берегу во дворах фабрик и мельниц была спрятана не одна сотня казаков. Это еще не все. На горе, по которой идет под'ем на главную улицу, были расположены три цепи казаков. Стратегическое положение было очень выгодное. Попытка демонстрантов проникнуть в город стоила бы им сотни жизней и кончилась бы, по всей вероятности, неудачей...

С другой стороны были основания предполагать возможность бунта и погромов. Крупный скандал с полицией, устроенный в городе новобранцами, колоссальная драка за Нахичеванью на салганах (скотобойни и салотопильные заводы, где осенью режутся миллионы овец. Там работают тысячи рабочих, в массе совершенно некультурных), масса оставшихся без работы вследствие неожиданного прекра-

щения навигации береговых рабочих, общая возбужденная атмосфера, повышенная еще вчерашним кровопролитием, – все это внушало серьезные опасения, как бы широкое народное политическое движение не вылилось в стихийную разрушительную бурю народного бунта.

В виду этого Комитет выпустил в этот день прокламацию, в которой, снимая с себя всякую ответственность за могущие произойти события и возлагая ее целиком на правительство, убеждал всех граждан Ростова не производить погрома.

В среду на смену атамана по высочайшему приказу явился в Ростов Плеве, двоюродный брат министра-вешателя, и сейсас же принял решительные меры против сходок. Город был оцеплен со стороны Темерника и проникнуть за реку и даже на вокзал не было возможности. Движение трамвая по вакзальной линии было приостановлено. На самом Темернике всюду были разставлены патрули. И тем не менее сходки продолжались еще два дня, но с каждым днем становились малочисленнее. Решено было их прекратить. По вечерам, впрочем, еще долго происходили в разных местах небольшие собрания по нескольку сот человек. При этом не раз происходили стычки с с казаками. После одной из них, в которой казаки дважды были отбиты камнями, появилось распоряжение полицмейстера, чтобы домовладельцы убрали со своих дворов камни, иначе они будут наказаны по всей строгости закона.

Так закончился период сходок, продолжавшийся 12 дней. Необходимо отметить, что все сходки, даже самые крупные, проходили в изумительном порядке. Толпа проявила замечательную дисциплинированность. Во время сходок царила мертвая тишина, несмотря на то, что в воскресенье, 10-го, народу было до 30.000 человек. Единственно, что моментами нарушало порядок, это—распространение прокламаций, появлявшихся ежедневно около полудня. Сначала их просто бросали в толпу, но это вело обычно к свалке: на листки набрасывались, как голодные на хлеб. Также неудачным оказался и другой способ распространения—их раздача. Одного распространителя стиснули в толпе до обморока, на другом разорвали пальто, так так количество прокламаций было недостаточно (1.500—2.500 на 10—15 тысяч), то каждая читалась вслух на сходке, там же производился сбор денег на стачечников. Общий же сбор достигал до 2.300 рублей; из них наиболее нуждающимся было роздано 1.700 руб. Вообще среди стачечников не только острой, но и вообще нужды не было, и они могли бы продержаться еще недели 2—3. Об'ясняется это сравнительной зажиточностью железнодорожных рабочих и тем, что стачка началась сейчас же после получки.

Обычный порядок сходок был таков: начиналась она с обсуждения текущих дел, сообщались последние известия о ходе стачки, о правительственных распоряжениях. Затем начинались речи. Они были разнообразны и часто прямого отношения к стачке не имели. Это была широкая массовая пропаганда политических идей: Вот, для примера, несколько тем, на которые происносились речи: о весенних крестьянских бунтах, о голодовках, что значит „долой самодержавие", о задачах женского рабочего движения в России и т. д.

Замечу еще, что кроме рабочих самыми усердными посетителями сходок были гимназисты, реалисты и гимназистки старших классов. Учебные заведения все эти дни пустовали. Педагоги неистовствовали и ревностно принялись за шпионство. Все было напрасно...

Между тем дорога несла крупные убытки; она вынуждена была прекратить сначало прием срочных, а на 4 дня и всяких вообще гру-

зов. Правление дороги удовлетворило бы все требования стачечников до 9 часового дня включительно, если бы не правительство: оно запретило дороге уступки стачечникам и взялось силой заставить их приняться за работу.

С 16 появилось об'явление полицмейстера, требовавшее немедленного прекращения стачки; крайний срок был назначен на вторник 19. Ослушникам об'явление грозило всякими карами.

В понедельник явилось ни работу из 3.800 только 60 чел., среди них было человек 40 городовых и жандармов, которые напялили на себя пальто и фуражки и с виду сошли бы, пожалуй, за рабочих, если бы из под пальто не торчали предательские шашки, которые они забыли снять второпях. Во вторник явилось столько же, в среду не больше. Об'явление не подействовало и полиция приняла другие меры.

Начались высылки и аресты. Выслано до 300 человек, арестовано 25. С другой стороны, в пятницу с Закаспийской военной железной дороги для замещения стачечников прибыл железнодор. батальон, т. е. те же жел. дор. рабочие, но в солдатских шинелях.

Появление этих казенных штрейкбрехеров оказало свое действие: в субботу, 25, стало на работу около 1.500 рабочих; тогда явился на сцену нач. мастерских Дзевонский и обещал рабочим удовлетворить часть их требований. В воскресенье в помещении мастерских состоялся благодарственный молебен. В понедельник, после 3-х недельной стачки возобновили работу все рабочие на условии, что управление дороги даст им окончательный ответ не позже субботы. Конечно, рабочие после такого громадного движения не могли сразу успокоиться и целую неделю не столько работали, сколько собирались в кучки и обсуждали последние события.

В субботу рабочим было об'явлено, что окончательный ответ будет им дан только тогда, когда они совершенно успокоятся. Такое наглое издевательство возмутило рабочих. Но сил для дальнейшей борьбы уже не было: попытка начать вновь стачку, окончилась неудачей.

Вот в общих чертах описание Ростовского движения. Оценить все его значение в настоящее время еще невозможно, но ближайшее будущее покажет его неизмеримо громадное влияние на рост политического и революционно-социалистического сознания Ростовских—да одних ли только Ростовских—рабочих. Если в прошлом году на первомайскую демонстрацию в Ростове явилось до 500 рабочих, то в этом году вполне возможно ждать, что в праздновании 1 мая примут самое живое участие все Ростовские рабочие.

„КРАСНОЕ ЗНАМЯ".
Январь 1903 г. № 3.

Из русской жизни.

РОСТОВ—на/ДОНУ. Вот как описывает в „Рабочем Слове" рабочий—очевидец большую сходку 10-го ноября. „Погода 10-го ноября, в воскресенье, была прекрасная, и общая сходка представляла грандиозное зрелище. Несмотря на порядочное расстояние, на сходку пришло до 15 тысяч рабочих и работниц, и до 10 тысяч посторонней публики, сочувствующей и любопытной до всяких зрелищ. Многие приехали из города на извозчиках. Настроение было приподнятое. У всех были праздничные, веселые лица; все чувствовали себя легко и свободно, словно с каждого из них сняли десятипудовую тяжесть.

Вся балка на всем своем громадном пространстве была покрыта волнующимся морем самых разнообразных голов. Рядом стояли дамы в богатом наряде и работница в простеньком платье и о чем-то горячо толковали. С литератором в золотых очках стоял блузник-рабочий и толково излагал ему о тяжелых порядках своей заводской жизни. В толпе сновали торговки с фруктами, разносчики, продавцы газет и проч. Все смешалось и перепуталось. И над ними стоял несмолкаемый гул оживления и общей радости. Вокруг толпы на свободном пространстве громадным кольцом расположились ожидающие извозчики, а вдалеке, на холме, словно перед неприятелем, безмолвствовала сотня казаков и рота солдат. Начались речи. Сначала говорили представители рабочих организаций на ростовских фабриках и заводах. Они описывали тяжелые порядки, при которых приходится жить и работать русскому рабочему, и указывали, какие размеры приняла забастовка на каждом заводе. Потом говорили агитаторы, они указывали на необходимость единодушия и советовали, как надо держаться. Некоторые горячие головы предлагали даже обрезать телефонные и телеграфные провода и задерживать поезда, чтобы прекратить сообщение Ростова с другими городами. Помешать доставке войск и этим добиться удовлетворения своих требований. Говорили дальше представители семи тысяч босяков. Они тоже указали на свое плохое житье, недовольство русскими порядками и ждут только приказаний от рабочих, чтобы поучить богатеев и их полицию. Назначили следующую сходку на завтра, и потом рабочие с пением революционных песен, волнами направились в город домой. Я живу в Ростове 15 лет и никогда не забуду этого дня и думаю, что его будут помнить все товарищи, бывшие на этой сходке; я слышал, как из тысяч грудей вырывался могучий революционный гимн, и думал, что все мы возвращаемся с народного праздника. Мне казалось, что прежнее царство гнета и насилия уже похоронено, и что мы бодрые и сильные вступаем в новое царство добра и правды.

ТИХОРЕЦКАЯ. 13-го ноября сюда приехали делегаты от ростовских стачечников с прокламациями и предложением примкнуть к стачке. Тихорецкие рабочие заявили, что сейчас они забастовать не могут. Ростовские делегаты не выяснили, в чем дело, и, обезкураженные первой неудачей, не поехали, как предполагали, в Новороссийск, а вернулись в Ростов. Между тем дело об'яснилось просто. 14-го была здесь получка и рабочие ждали ее, чтобы начать стачку с деньгами в кармане. 15-го началась забастовка. Требования те-же, что и в Ростове.

16-го масса рабочих двинулась к вокзалу, решив с первым поездом отправиться в Ростов на сходку. Но казаки их предупредили и загородили им дорогу на вокзал плотной стеной. Тогда рабочие двинулись вдоль по полотну, расчитывая вскочить на ходу. Но начальник станции по соглашению с жандармами распорядился сразу пустить поезд на всех парах и рабочим не удалось привести в исполнение свой план.

Не попав в Ростов, стачечники на следующий день устроили сходку у себя. Она закончилась там зверским побоищем.

„КРАСНОЕ ЗНАМЯ..
Январь 1903 года № 3.

Ростовские прокламации.

„На листки набрасывались, точно голодные на хлеб", сообщает автор Ростовского письма. И это неудивительно. Яркий образный язык, живое революционное чувство, простое и толковое раз'яснение смысла всего, что происходит, умение улавливать в каждый момент настроение рабочей массы и вести ее к намеченной цели — вот отличные свойства появлявшихся прокламаций Донского Комитета. Тесная нравственная связь с рабочей массой и строгая выдержанность в плане действия, сделали Донской Комитет, по общему признанию свидетелей, истинным хозяином во время стачки, и прокламации его лучше всего это иллюстрируют.

Недостаток места не позволяет нам поместить эти прокламации целиком. Мы приведем из них только наиболее характерные места. Первый листок к рабочим Влк. мастерских появился за месяц до стачки 3 октября. По поводу грубого обращения мастеров с рабочими. „Долгие годы, говорится в нем, изо дня в день, как каторжники, цепями прикованные к тачке, мы стоим у своих станков. Глухо гудят колеса, грохочут и стонут машины, звенят молоты, визжит напильник, жалобно жужжат приводные ремни, переплетаясь между собою. . . Солнце иной раз заглянет сквозь густые стекла в мрачные мастерские и чистый свет его слабеет от дыма и пыли . . . И зреет в этих серых, закоптелых стенах среди грохота машин и лязга железа, среди этого кипящего ада, — черная дума. Тяжелым камнем ложится она на сердце, сжимает его злобою и тоскою. . . Но среди этой серой, безпросветной жизни, товарищи, среди вечного каторжного труда, как звездочка мерцает перед нами надежда, что истина и правда восторжествуют, что настанет день, когда мы вздохнем свободною грудью и громко воскликнем: „Да здравствует свобода". Рабы труда — мы станем свободны. Но эта свобода не придет к нам сама, не спустится с небес. В жестоком бою должны мы завоевать ее. . . В каждом рабочем должно жить сознание, что он в рядах Великой армии рабочих, что он член рабочего класса, и каждый, видя гнусные издевательства и наглые оскорбления, наносимые его товарищу рабочему, должен стать на его зашиту. Все за одного, один за всех. Час последней борьбы еще не пробил, но и теперь, каждый день, каждый час мы должны вести борьбу против наших угнетателей и оскорбителей. Товарищи. Мы не должны долее сносить издевательства и насилия наших мастеров. Мы — рабы труда, но не холопы и лакеи наших мастеров. Не позорно ли, чтобы мы молчали, когда мастер Черняевский бил рабочего за то, что тот во время работы ел хлеб? Не позорно ли, что никто, ни один рабочий из 400 человек, не встал на

защиту своего товарища? Не забудьте, товарищи, что, оскорбляя одного рабочего, они оскорбляют вас всех. Мы боремся не против мастеров, наши враги выше; но каждый час, каждую минуту должны мы быть готовы выступить на защиту своей поруганной чести, своего человеческого достоинства. Товарищи, помните, что нам предстоит великая борьба за наше освобождение. Помните, что для этой борьбы нужны мужественные люди, умеющие смело и стойко защищать свои права, свою честь, свое достоинство.

Холопы и лакеи не нужны нам. Пусть холопы холопствуют, мы же будем вести постоянную борьбу, каждый день, каждый час будем стоять за наши права.

Листок этот произвел очень хорошее впечатление. После него в мастерских начались оживленные толки о необходимости стачки. Со дня ее начала прокламации появляются ежедневно. Первая из них от 4 ноября формулирует требования рабочих и призывает их к борьбе: „товарищи, довольно терпеть, начинайте борьбу. Пока мы молчим, мы сами куем себе цепи, мы сами усиливаем свое рабство, укорачиваем свою трудовую жизнь. Кто желает жить по человечески, кто ценит свой труд, кто создал свое рабское состояние,—тот должен начать сегодня борьбу. Кого ругательства мастеровых не превратили в лакея, у кого от тяжелой работы не помутился ум, кто не желает быть безсловесным животным,—тот пусть об'являет сегодня стачку".

6 ноября Комитет обратился ко всем гражданам с приглашением поддержать стачечников. „Первый снег говорится в этом обращении, и вместе с ним первый отдаленный раскат надвигающейся революции. Рабочие влк. мастерских бросили работу и выставили свои требования и т. д.

В листке от 9 числа Комитет сообщает стачечникам об успехах движения. „Товарищи. Радуйтесь. Борьба наша растет, движение разгорается и со всех сторон вспыхивает пожар восстания. На многих фабриках и заводах уже бросили работу, на других, не нынче-завтра, бросят. Отовсюду к стачечникам на помощь спешат толпы рабочих, со всех сторон слышны крики негодования против грабителей-капиталистов и их защитника-правительства. И несмотря на такое торжество нашего правого дела, среди железнодорожных рабочих нашлись изменники. Нашлось пол сотни холопов, которые тайком, точно воры, ночью пошли работать в мастерские, пошли выслуживаться перед нашими грабителями, пошли лизать, обагренные нашей кровью, руки тиранов. Товарищи. Кто пойдет на работу без согласия всех стачечников, кто не дождется конца борьбы и бросит товарище[illegible] мы будем считать подлецом и изменником. Мы—не дети, и когда начали борьбу, то мы знали, мы должны были знать, что это не игрушка и забава, что мы должны все дружно действовать и не отказываться ни от одного из наших требований, не отступать [illegible] И вот теперь находятся нищие духом, которые испугались борьбы, которые в решительную минуту оказались лакеями. Товарищи. Вспомните, что во время кризиса нас выбрасывают сотнями и тысячами на улицу и мы по несколько месяцев сидим без работы и без хлеба. Так неужели же теперь, когда нам приходится постоять за свои свои священные права, за свою совесть и человеческое [illegible] неужели теперь мы не будем держаться двух-трех недель? Товарищи, мы должны держаться до конца. Помните, что если мы сдадимся, то мы покажем свое бессилие нашим врагам. Над нами будут торжествовать разные гады, находящиеся на службе у капиталистов, над нами будут издеваться и глумиться мастера, хуже прежних.

„В настоящую минуту", говорится в прокламации, вышедшей на следующий день, „наша цель—это стачка. Мы должны, мы обязаны ее выиграть во что бы то ни стало. Три года тому назад в Тифлисе во время стачки железнодорожные рабочие под конец выходили с семьями и ложились на рельсы дороги, останавливая таким путем движение поездов. По примеру тифлисских товарищей, мы решимся лечь на рельсы, но не пойдем работать на прежних условиях. Пусть нас давят паровозы, пусть нашей кровью омоется насыпь, мы согласимся умереть в борьбе, но не пойдем в прежнюю неволю. Товарищи! В настоящее время наша цель,—выиграть стачку; мы только этого требуем, мы только этого добиваемся. Но посмотрите, товарищи, чему учит вас наша стачка. Наши враги, капиталисты спрятались за спину своего защитника—правительства. Товарищи! Зачем к ним прислали казаков, за что хотели колотить нас? Мы ведем себя мирно, мы не разбили ни одного стекла, не оторвали ни одной щепки, не сказали ни одного грубого слова, мы стремимся только облегчить свое положение, и за это против нас посылают вооруженные войска. Жандармский полковник говорил нам, что по закону мы не имеем права устраивать стачек и сходок. Товарищи! Вы слышали это. Так боритесь же против тех законов, которые запрещают вам облегчать участь, которые запрещают нам, честным труженикам, мирно говорить на сходках о своих делах, разрешают капиталистам устраивать заседания, собрания, с'езды т. д. Боритесь против этих законов, товарищи. Говорите всем, убеждайте каждого; до тех пор народ будет страдать, пока он не добьется политической свободы, пока выборные от народа не будут участвовать в управлении страной и в издании законов".

12 ноября, на следующее утро после кровопролития, комитет обратился к „гражданам города Ростова" с следующей прокламацией:—„Граждане, да что же это творится у нас? В какой стране мы живем, каким законам подчиняемся? У нас—турецкие зверства, у нас стреляют из ружей в мирных жителей, у нас войска без предупреждения дали залп в безоружную толпу, нас расстреливают без суда своих же граждан. Наш долг итти и заступиться за них, нам нужно итти и остановить кровопролитие. Если удовлетворят требование рабочих, то в городе наступит полное спокойствие. Ни одна щепка не упадет, если правительственные войска не вмешаются в борьбу рабочих с хозяевами. Донской Комитет руководит мирной стачкой. И если сегодня произойдет бунт, если возмущенный и восставший народ станет громить город, то ответственность за это преступление падет на этих трех министров,—убийц и палача—атамана. Донской Комитет с своей стороны обращается ко всем гражданам, приказывает и умоляет их не производить погромов и не делать бунта. Пусть месть народа обратится на тех, которые издавали приказ избивать наших братьев. Идите, граждане, на защиту нашим братьям и требуйте удаления войск из города".

„Победа близка"—писал Комитет 13-го числа, убеждая стачечников продолжать борьбу. „Каждый день, каждое событие, каждая новая сходка поднимает в нас дух, радует нас, поддерживает бодрость в нашей неравной борьбе. Мы бросили работу одни и к нам на помощь пришли сотни и тысячи рабочих других фабрик и заводов. Нам сочувствует все городское население, на наши сходки являются тысячи людей всякого звания и состояния. Все они приветствуют нашу борьбу и верят в нашу скорую победу. Бросить теперь стачку, когда победа близка, когда управление дороги готово сделать уступки, да ведь враги наши засмеют нас, все население станет нас на-

зывать дураками. Нас мастера будут топтать в грязь, увидев, что мы не можем стоять до конца за свои интересы, за свои права. Ведь уж лучше было не начинать стачки совсем, чем теперь бросить ее, не добившись своих требований. Товарищи! Во время этой борьбы были расстреляны 6 человек. Неужели вы примиритесь с тем, что кровь их пролита напрасно? Один из ораторов арестован жандармами, и теперь они измучают его в темнице. Неужели вы согласитесь, чтобы и его молодая жизнь погибла даром? Потерпите, же товарищи, все вместе еще немного".

14-го ноября Комитет приглашал рабочих Тихорецких и других мастерских поддержать стачкой стачку своих ростовских товарищей. В листке от 16-го ноября положение дел изображается в таком виде: „Вы видите, товарищи, как действует правительство, когда рабочие начинают борьбу с капиталистами, когда они хотят улучшить свое положение. Вы видите, что правительство стремится держать рабочих в нищете и голоде, в рабстве и покорности. Вы видите, что правительство гнетет рабочих и не дает им возможности завоевать у капиталистов хоть часть своих прав. Теперь ясно, товарищи. Привительство—наш враг, наш главный и первый враг. Учитесь же ненавидеть этого врага, учитесь бороться с ним. Товарищи, наглыми бесстыдными действиями правительства возмущены все граждане. Казаки оторваны от хозяйства, их плохо кормят и целые дни заставляют проводить на морозе в боевом порядке, торговля приостановилась и торговцы недовольны, так как терпят убытки. Не только мы — все хотят, чтобы стачка скорее кончилась; все требуют, чтобы войска удалились из города, и удовлетворили наши требования. Управление дороги готово пойти на уступки, — еще несколько дней и стачка будет выиграна. И мы были бы собственными врагами, если бы теперь, когда победа так близка, не довели дела до конца, и пошли на работу. Товарищи, на нас устремлены взоры всего Ростова. Наши товарищи — рабочие с верой и надеждой смотрят на нас. Мы мужественно держимся две недели. Мы терпели лишения и невзгоды. Неужели-же наше мужество, наши двухнедельные труды пропадут даром из-за нескольких дней?

Наконец, 19-го ноября, после полного прекращения сходок, Комитет: писал „Товарищи, беснуются тираны, воют и злобствуют грабители, скрипят зубами от бессилия дармоеды и все напрасно. Все-таки наши враги ничего с нами поделать не могут. Ничем они не могут заставить рабочих идти в прежнюю кабалу, попрежнему подвергаться обсчетам и оскорблениям, ругательствам и штрафам. Капиталисты и правительство уже потеряли голову. Они совсем не знают, они не могут придумать никаких мер, чтобы сломить непреклонную волю рабочих. Целым рядом вопиющих зверств заставили рабочих прекратить свои ежедневные сходки.

Правительство думало, что рабочие—это стадо баранов, и только в стаде они могут дружно держаться; но и тут оно ошиблось. Сходок не дают устраивать и все-таки рабочие не идут на работу и не пойдут до тех пор, пока не одолеют врагов своих. Своими зверствами, своим безстыдством—правительство только открыло глаза рабочим, и они знают теперь уже, кто главный враг рабочего люда и с кем нужно вести неустанную борьбу. Рабочие на деле увидели и убедились, что им нужно добиваться политической свободы, свободы стачек, свободы сходок и собраний, свободы слова и печати. Товарищи, вчера в мастерских дали гудок, и широко раскрыли ворота, ожидая, что рабочие гурьбой побегут тянуть лямку, не дожидаясь больше уступок.

Стачка прекратится только тогда, когда рабочим уступят. Товарищи! Наши враги изнемагают уже. В Тихорецкой, Кавкасской и Армавире, рабочие последовали нашему примеру и бросили также работу. Дорога уже сделала распоряжение не принимать срочных грузов. Еще немного и дорога уступит, иначе движение прекратится. Победа наша близка, совсем близка. Товарищи, мы уже много раз повторяли: держитесь до конца, держитесь до тех пор, пока уступят. Исход стачки зависит от нас и только от нас, от нашего единения, от нашей сплоченности. И теперь мы повторяем снова: напрягайте все усилия, собирайте все свои силы и не уступайте. Мы победим, мы придем в мастерские с гордой поднятой головой. Еще несколько дней,—враги наши сдадутся и мы будем трубить победу".

В последней вышедшей уже после конца стачки прокламации „К гражданам всей России" Донской комитет дает общую оценку Ростовских событий.

Российская Социал - Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К новобранцам.

Новобранцы! На 4 года вас отрывают от ваших семейств, разлучают с женами и невестами и гонят за тысячи верст от родины и друзей для того, чтобы учить вас ужасному делу—убийству людей. Для этого запрут вас в казармах и вас будут держать в суровом повиновении. Вас будут колотить по зубам фельдфебеля и унтера, вас заставят четыре года изучать ремесло убийц. Вы привыкните точить сабли и штыки для того, что-бы убивать ими людей, не разсуждая зачем, для кого и для чего это нужно.

Новобранцы, в казармах вы найдете таких же бедняков, как и вы сами, на которых богатые взвалили обязанность защищать себя. Богатые-богаты и счастливы только потому, что бедные-бедны и несчастны, и для того, чтобы держать в повиновении бедняков им нужна защита. В России, как и во всякой стране, есть две нации: грабителей и обираемых. Грабители—это дворяне-помещики, которые пьют крестьянскую кровь. Грабители—это царь и его слуги: министры, губернаторы, жандармы, которые вырывают изо рта у трудящегося люда сотни миллионов рублей и тратят их на разгул и разврат. Обираемые—это весь народ, которому уже надоело откармливать своей кровью грабителей, который уже стремится сбросить с своих плеч его паразитов. Городские рабочие уже несколько лет ведут упорную борьбу с паразитами-капиталистами и их верным защитником—правительством. Заволновалась уже крестьянская масса. Крестьяне отказываются платить подати и собираются отобрать у помещиков землю, которую те оттягали у них. Но на стороне грабителей сила. Правительство посылает вооруженных солдат укрощать и разстреливать стачечников, убивать и засекать до смерти голодных крестьян. И солдаты рабски повинуются и идут в угоду грабителям, совершать кровавое дело. Рабочий в мундире посылает пули в голову рабочего в блузе, мужик в солдатском наряде прокалывает штыком пустой желудок мужика в лаптях.

Новобранцы, посмотрите: в деревне голод не прекращается вот уже десять лет. Крестьян разорило правительство и помещики. То же правительство и капиталисты обирают рабочих на фабриках и заводах.

По всей России царит страшная нужда и нищета. И только грабители—царь, его чиновники, да капиталисты живут, как всегда, припеваючи.

Новобранцы, посмотрите: правительство и капиталисты не только заставляют людей работать на себя, но они отнимают у них сыновей и братьев и посылают их защищать себя. Солдаты содержатся на народные деньги и их же заставляют избивать народ.

Новобранцы! Если волнение произойдет внутри страны, если голодные станут требовать хлеба, вас пошлют усмирять „внутренних врагов". Знайте и помните, что „внутренние враги"—это все бедные, обобранные правительством и капиталистами люди. Не забывайте, новобранцы, что служба ваша временна, что сегодня вы—солдаты, а завтра станете рабочими, крестьянами, ремесленниками или приказчиками и, под влиянием нищеты и гнета правительства,—сможете сделаться также „внутренними врагами".

Новобранцы, не забудьте, что вы одни защищаете правительство, которое гнетет и мучит народ. Вашими штыками держится неправда, вашим оружием порабощают вас самих и братьев ваших. Новобранцы, не будьте безсловесным и покорным стадом в руках тиранов-правителей, не подчиняйтесь безпрекословно всем приказам начальства. Вносите луч света в темную среду ваших товарищей, открывайте им глаза, разоблачайте неправду, которую творят вашими руками правители. Отказывайтесь сечь и бить голодных крестьян, отказывайтесь растреливать и тиранить братьев ваших, стачками и демонстрациями желающих облегчить свою горькую долю. Следуйте примеру ваших товарищей-солдат, которые в Туле, весною этого года, отказались стрелять в забастовавших рабочих.

Новобранцы, вас посылают за тысячи верст от родины для того, чтобы в толпе рабочих или крестьян, которых вам придется усмирять вы не увидели своего отца, брата или друга, чтобы не дрогнула ваша рука, чтобы не сжалось ваше сердце, чтобы смелее и решительнее стреляли и били.

Товарищи, если на царской службе, вы пойдете укрощать „внутренних врагов" то вы сделаетесь братоубийцами, вы навеки обагрите ваши руки невинной братской кровью. Помните наш завет, товарищи, и повторяйте его всегда своим товарищам.

ДОНСКОЙ КОМИТЕТ
Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

(Типография Донского Комитета).

Воззвание Донского комитета Российской Социал-Демократической партии:

„Стачка об'явлена; теперь мы ни на одну минуту не должны забывать, что от нас самих зависит успех. Стойко, спокойно мы должны держаться наших требований. Вспомните стачку 1894 года, когда, благодаря нашему воздержанию, спокойному поведению, мы добились своего; помните, что тогда мы держались 12 дней. Смело-же и теперь мы пред'явим свои требования. Требовать: 9-ти час. рабочего дня; прекращения работы по субботам и накануне праздников в два часа дня с платой за день; повышения расценков, чтобы они составляли не менее 50 процентов жалования; полной отмены всех штрафов; удаление мастеров Вицкевича и Чернявского, вежливого и человеческого ображения мастеров с рабочими; устройстройства бесплатной школы

для детей рабочих; вывешивания табелей расценок во всех цехах; увеличения платы чернорабочему не менее одного рубля в день; немедленной выдачи пособия рабочим раненым; выдача казенных инструментов малярам и плотникам; едущим в командировку служащим платить за 30 часов в сутки; работающим в обед платить за два часа; при поступлении учеников платить им жалование с первого дня; сверлильщикам платить сдельно, а не поденно; вежливое обращение докторов; работающим поденно повысить плату; работающим в бригаде выдавать при расчете полное заработанное жалование с процентов; выдачи каждому служащему по шести проездных билетов в год; электрический цех подвести под общее условие, т. е. работать не поденно, а сдельно; открытия камерной доски; до свистка за десять минут, а после него за 15 минут; полной безответственности рабочих и депутатов за стачку; расширения проходной будки и устройства новой со стороны станций; в день аванса кончать работы в 12 час. дня, считая за день; в случае рождения ребенка выдавать служащим по 15 р., то же самое в случае смерти кого-нибудь из семьи рабочего. Помните, товарищи, правда и справедливость на нашей стороне. Смело же вперед товарищи! Борьба началась. Отступление невозможно. Докажем всем притиснителям нашим, что мы умеем твердо стоять за наше право. В единении наша сила, в спокойствии, стойкости—наш успех. Помните это товарищи, Все за одного, один за всех. Защищайте друг друга и не выдавайте своих товарищей. Вперед в борьбу! Да здравствует свобода!

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем гражданам.

Первый снег—и вместе с ним первый отдаленный раскат надвигающейся революции. Рабочие Владикавказских мастерских бросили работу и выставили свои требования. В них нет ничего политического и революционного, но самый факт такой крупной стачки своим могучим напором рвет старые заржавленные средневековые цепи самодержавия. И не дождемся мы, быть может, будущего „первого снега", как те же рабочие стройной тысячной толпой пройдут под красными знаменами социал-демократии с громким криком: „Долой самодержавие! Да здравствует свобода!",—пройдут по улицам Ростова, которые еще никогда не слышали вольных криков свободы. Они—и только они—в силах разрушить смрадное здание проклятого самодержавия, они—и только они—в силах дать свободу задушенной, голодной Руси.

Придите же к ним на помощь в их первых трудных шагах борьбы! Придите вы, втайне ненавидящие запятнанное кровью гнуснейших преступлений самодержавие, придите вы, втайне болеющие за вымирающий от голода народ; придите вы, втайне робко мечтающие о свободе. Придите на помощь, чем можете. Окажите борющимся хоть материальную поддержку!

Проснитесь, же граждане!

Донской Комитет
Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Гражданам всей России.

Правительство изменило своей обычной тактике — замалчивать рабочие волнения или сообщать о них тогда, когда уже вся Россия знает о происшедших событиях из частных слухов, писем, или подпольной печати. 4-го ноября рабочие мастерских Влк. ж. д. в Ростове забастовали, а 19, в разгар стачки, в „Правительственном Вестнике“ появляется официальное сообщение, по обыкновению полное лжи и лицемерия; оно стремится приписать „буйной“ толпе рабочих „назойливость“, „глумление“ и полную бессознательность требований, а войско и администрацию представить в умилительном образе Ангела—хранителя порядка и законности. Дипломированные писатели департамента полиции пытаются придать рабочим „беспорядкам“ в Ростове и Тихорецкой исключительно экономический характер,—и в этом первая, самая грубая и возмутительная ложь официального сообщения. Правда, начав стачку, Ростовские рабочие пред'явили ряд требований, не заключавших в себе политической тенденции,—иного характера и не могла носить их первоначальная борьба с хозяевами. Но достаточно было агитаторам приложить усилия и смутное политическое брожение превратилось в ясное политическое сознание. Да и само правительство способствовало этому. Уже на третий день стачки рабочим стало известно, что в их борьбу с предпринимателями вмешалось правительство, что их требования встретили отказ не в управлении дороги, а со стороны правительства, в лице Министра Путей Сообщения. Рабочие увидели, как вся несметная стая царских слуг слетелась для того, чтобы задушить рабочее движение, подавить стремление рабочих к счастью и свободе. Тысячи казаков были мобилизованы против Ростовских рабочих. Весь город превратился в военный лагерь, двинули даже артиллерию... Пользуясь смятением властей, растерявшихся в первое время, Донской Комитет, пока не прибыли войска организовал народные собрания, каких еще не знало революционное движение в России. В течение целой недели, сперва в мастерских, а затем в громадной балке, самой природой предназначенной для народных митингов, собиралась многотысячная толпа рабочих, чтобы впервые услышать свободное смелое слово о рабочей нужде, о политическом гнете, давящем Россию, чтобы впервые открыто читать ежедневно появляющиеся прокламации. Несколько ораторов в ряде речей об'яснили рабочим значение выставленных стачечниками требований, подвергали резкой критике самодержавно-полицейский строй, выясняли сущность политической борьбы, ее необходимость для рабочих. Собрания эти, протекавшие в изумительном порядке, и ничем не отличавшиеся от митингов на Западе, не могли не оставить глубокого следа в рабочих, не могли не вывести экономической борьбы на широкую дорогу политической демонстрации и протеста всего рабочего населения Ростова. Проклятия по адресу самодержавного правительства и призыв к политической свободе встречали взрыв энтузиазма в рабочей массе, которую не теория, не фраза, а сама жизнь приблизила к сознанию необходимости свободы стачек и союзов, собраний и печати, сознанию, что без участия народных представителей в управлении страной масса не добьется лучших условий жизни. Удивительно-ли, что далеко правительственное сообщение ни словом ни обмолвилось об истинном характере ростовской стачки. Организованные 20-ти и даже 30-ти тысячные собрания рабочих, политические речи, строгая дисциплина стачечников и единодушные резолюции в пользу политических прав народа,—как все это

от „буйной шайки нарушителей общественной тишины и спокойствия,— этого трафарета, по которому строятся все сообщения правительства об освободительном движении народных масс.

За то для восхваления храброго воинства правительственное сообщение не жалеет слов и красок... „рабочие позволяли себе глумиться над войсками“... „назойливость рабочих достигла крайних пределов“... „рабочие не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать в войска камни“... — этим правительство пытается оправдать ружейные залпы в беззащитную толпу. Здесь все от первого до последнего слова—гнусная ложь.

В Ростове бойня была произведена 11 ноября. С раннего утра казаки стали разгонять прикладами и пиками являвшихся на сходку. И тогда началась героическая борьба. В кровавом бою, ценою человеческих жизней,—рабочие покупали себе свободу сходок и свободу слова. Десять раз они отбивали и обращали в бегство казаков. В конце концов казаки отступили, обычный митинг состоялся. И уже после собрания, когда на месте сходки остались дети, да кучка любопытных, брошенный мальчишкой камень попал в казака. И этого было достаточно, чтобы воспламенить воинственный пыл Донских Башибузуков. Казаки врезались в кучу женщин и детей, началось избиение; и вот среди этой свалки, без всякого предупреждения, раздался внезапно залп, рассеявший толпу. Убитых оказалось вопреки сообщению Правительства, не 4, а 6, а раненых больше 2-х десятков.

Еще ужаснее были действия войск в Тихорецкой. Здесь в малонаселенном поселке, среди пустынной степи, вдали от нескромных взоров любопытствовавших горожан, зверства царских опричников достигли высших размеров. 17-го ноября не успели рабочие собраться, как на них была пущена дикая рать казаков. Рабочие, по примеру Ростовских товарищей сели, а потом даже легли на землю в надежде, что казацкая нагайка не коснется лежачего. Но напрасная надежда. Казаки врезались в груду человеческих тел, рассекая ее шашками и нагайками. Рабочие поднялись на ноги, с безпримерным мужеством отбивались от казаков и обратили их в бегство. Тогда в толпу посыпались ружейные выстрелы. Подавленные силой, рабочие разбегаются по домам, но казаки, опьяненные жаждой крови, преследуют их, как загнанных зверей и колотят, никого и ничего не разбирая.

Рабочий Обоенко, не бывший даже на сходке, идет домой с ведрами воды на плечах,—казак выстрелом в упор убивает его наповал; другой, преследуя рабочего врывается в его домишко, жена рабочего пытается остановить бандита, но тот выхватывает шашку и одним взмахом распарывает ей живот . . . Недовольствуясь дикой расправой атаман отдает приказ выселить всех рабочих из железнодорожных казарм. Начинается настоящий погром. Убогие пожитки пролетариев летят на улицу. Грудных младенцев швыряют через окно. Кубанцы ломают сундуки и грабят имущество бедняков. На месте сражения валяются отрубленные части человеческого тела, и масса тяжело раненых. Так действовало „славное“ русское воинство, так расправлялось со стачечниками „народолюбивое“ правительство. Так правда глаголет устами департамента полиции.

Тяжела и самоотверженна борьба рабочих, многими жертвами и поражениями сопровождается она, но каждый день приближает нас к победе, все больше и больше появляется фактов, свидетельствующих о силе революционной энергии, скрывающейся в недрах их мас-

сы. Кто мог предвидеть, что в 1900 году харьковские рабочие впервые подымут красное знамя политической демонстрации. Кто за неделю до стачки мог предсказать, что рабочие почти всех ростовских фабрик обнаружат чисто европейскую дисциплину, с сочувствием будут слушать политические речи и на вопрос, поставленный собранию, „нужна ли политическая свобода"? единодушно ответят: „Да, нужна". Вихрь событий, пронесшийся в течение нескольких дней по Юго-Востоку России, показал пробуждение рабочего класса, силу развившейся в нем классовой солидарности и политического создания. Достаточно было возникнуть стачке на ростовских железнодорожных мастерских, чтобы забастовали рабочие еще нескольких крупных фабрик; стоило проникнуть прокламациям в Тихорецкую и Новороссийск, как там все рабочие бросили работу. Движение сразу приняло ярко-политический характер; тысячи рабочих, до того слабо затронутые пропагандой, воочию убеждались в истинном значении самодержавного строя и до боли осязательно почувствовали насущную потребность политической свободы. Такой характер ростовской стачки, охватившей несколько тысяч рабочих, не должен пройти бесследно. Теперь, в минуту крайней реакции, общественной растерянности и предсмертных судорог самодержавия. В то время, как университетская молодежь колеблется и готова примириться с об'едками жалкой „автономии", а либералы, польщенные учреждением комитетов о нуждах сельского хозяйства, изобретают подпорки для гнилого здания самодержавия и униженно выслушивают издевательства лейб-жандарма Плеве,—один только пролетариат высоко держит знамя борьбы и среди всеобщего мрака не угашает светоча свободы. Это позорная трусость командующих классов в настоящую минуту особенно рельефно оттеняет революционную и социально-прогрессивную роль пролетариата. Политическая тенденция Ростовских событий дает лишний повод подчеркнуть первенствующее значение пролетариата в освободительном движении и потому должны повсюду вызывать сочувствие и поддержку, чтобы этим подкрепить их значение и показать солидарность всего рабочего класса России. Зверская расправа со стачечниками, трупы убитых борцов и страдания сотен раненых взывают к протесту и открытому негодованию. Стыдно сказать: насилия против рабочих проходили до сих пор для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Марии Ветровой [1]), избиение московских студентов дворниками, побоище на Казанской площади в Петербурге—приводили к протесту и даже демонстрациям, в то время, как смертоносные выстрелы в рабочих „молодцев-фанагорийцев" [2]), кубанских и донских зулусов замирали с последним вздохом жертв... Пора положить конец столь постыдному равнодушию. Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрел в рабочих, каждая пущенная в ход нагайка всколыхнет революционную волну, которая с увеличенной силой прокатится по всей Руси, как грозное напоминание о смерти дряхлому самодержавию, как заря грядущей молодой России.

Ростовская стачка—как частное дело ростовских рабочих закончена; требования рабочих, по всей вероятности будут удовлетворены, а политическое значение происшедших болезней не замедлит сказаться

---

[1]) Пр. ред. сборника: Мария Ветрова, заключенная в Петропавловскую тюрьму, облила себя керосином и сожгла для того, чтобы спасти себя от грозившего ей безчестия.

[2]) Солдаты Фанагорийского полка, стрелявшие в рабочих в Ярославле в 1895 г., удостоились царевой похвалы.

в будущем, но того, конечно, мало. Для великаго дела политическог освобождения страны, Ростовская стачка только тогда сыграет свою роль, когда она встретит сочувствие среди всех протестующих элементов и когда в той или иной форме ее поддержать революционные организации русского пролетариата. Пусть-же пожар, вспыхнувший на Дону, разгорится грозным пламенем, пусть в ответ на ружейные залпы могучим эхом прогремят демонстрации, пусть стоны жертв покроет гром протеста, пусть повсюду также единодушно, как в Ростове, вынесут смертный приговор самодержавию, гнетущему страну.

Долой самодержавие! Да здравствует грядущая революция!

Ростов на Дону, ноября 1902 года.

Донской Комитет Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Денежный отчет за ноябрь-декабрь 1902 г.

За время стачки в распоряжение Донского Комитета поступило 2274 руб., считая в том числе и денежный сбор, производившийся на сходках. Из них 110 р. поступило через Центральный Комитет Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ; 100 р. из Екатеринодара, 50 р. от Воронежского Комитета Р. С.-Д. Р. П., 50 р. от интеллигентных пролетариев, „28 р. от М. и 16 р. из города N через, И". Остальные деньги поступили без паролей и условных наименований. Кроме того, от Общества помощи ссыльным и заключенным (Красный Крест) поступило 135 р. Итого 2409 р. Израсходовано: на помощь стачечникам 989 р., на „взаимопомощь" организованным рабочим 229 р. 50 к., на содержание в ноябре и декабре типографии 145 р., на бумагу 63 р., на побег 9 человек, открыто выступавших на сходках, 610 р., в тюрьмы и участки за ноябрь и декабрь передано 207 р., на поездку агитаторов на ст. Тихорецкую 60 р., на поездку туда-же за сведениями 5 р., уплачено за транспорт нелегальной литературы 50 р., на наем конспиративной квартиры 15 р., мелкие расходы 28 р. 50 к., Итого 2402 р. Остаток 7 руб. После стачки поступило: через „Группу Южного Рабочего 45 р. (из них 35 р. остались группе за литературу), 131 р. от студентов томского технологич. института, 105 р. 65 к. из Екатеринослава, и 100 р. от „Южного Рабочего". Деньги эти израсходованы почти исключительно на помощь семьям высланных и заключенных и безработным рабочим и вообще нуждающимся, а также на выезд освобожденных из тюрьмы. В настоящее время в кассе имеется всего несколько десятков руб. и Комитет обращается к населению с горячею просьбою прийти на помощь его деятельности новыми денежными сборами.

15-ое февраля 1903 г.

Донской Комитет
Российской Социал-Демократич. Рабочей Партии.

По независящей от Комитета причине опубликование отчета слишком запоздало. Издается отчет на гектографе в виду недостатка цифр в типографии комитета.

Листок 1-ый.

Российская Социал - Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.!

Кто придушил нас.

Борьба ростовских рабочих против капиталистов и самодержавия вызвала у всех наших товарищей сочувствие. Отовсюду — из-за границы, из Сибири ,из Петербурга, Екатеринослава, Воронежа наши товарищи шлют нам привет и собирают деньги для пострадавших. От нас ждут новых подвигов, новой борьбы против врагов рабочаго класса — капиталистов и самодержавия. И наша обязанность теперь оправдать надежды нащих товарищей, которые ведут борьбу против тех же врагов. Приготовиться ко второй схватке с врагами — вот наша первая, ближайшая задача теперь. А для того, чтобы лучше приготовиться, нам необходимо посмотреть, каким урокам научила нас стачка и как лучше всего бороться с самодержавием и капиталистами. Этим мы и хотим теперь заняться.

Многие ростовские товарищи думают, что враги победили нас. Это не верно потому, что для наших врагов победить значило бы с корнем вырвать из наших голов мысль о политической свободе и затушить в наших сердцах святой огонь борьбы. Но разве врагам удалось это? Разве не больше мы любим теперь свободу? Разве не ярче горит в наших сердцах великий огонь борьбы? Разве не смелее, чем в первый раз, мы пойдем в новый бой с врагами; где же победа; кто победил? И разве мы с своей стороны не придушили Владикавказскую дорогу разве не больно ударили мы ее по карману нашей стачкой. Разве мы не заставили задрожать всех самодержавцев?

Ясно, о победе здесь говорить нечего. Никто не победил и никто не побежден. Первое сражение окончилось, но борьба загорится вновь. Но разница между нами и нашими врагами та, что мы после каждой борьбы выходим все более сильными, а они с каждым разом слабеют. Мы придушили врагов, они придушили нас. Теперь нам нужно разобраться, кто же именно придушил нас, какой враг — капиталисты или самодержавное правительство?

Первые — капиталисты — не страшны нам: хорошей дружной стачкой мы всегда можем заставить их удовлетворить наши требования. Так было и во время нашей стачки: и железная дорога, и все фабриканты, и заводчики готовы уже были удовлетворить часть наших требований, и если бы не вмешалось самодержавное правительство, то рабочие добились бы многого,

Но пр-во прислало сюда тысячи казаков и солдат, массу жандармов, полиции и всякого начальства не для того, чтобы защитить рабочих от обмана капиталистов, а чтобы нагайками и пиками загнать их в мастерские, в фабрики и заводы. Против рабочих были все министры, все чиновники, все начальство и даже сам царь, назначивший генерала Плеве (двоюродного брата министра), командовать избиением рабочих. Пр-во было против рабочих только потому, что они — рабичие; пр-во не разбирая, кто прав и кто виноват, вступилось за капиталистов. И в угоду капиталистам, пр-во проливало в Ростове и Тихорецкой невинную кровь, избивало безжалостно рабочих, хватало и выселяло стачечников, наполняло ими тюрьмы и участки, запугивало и подавляло всякими способами рабочих. И когда железная дорога уволила мастеров Вицкевича и Чернявского, то то-

варищ министра фон-Валь приказал принять их вновь, чтобы не делать рабочим поблажки. На заводе „Аксай" инженер Сергеев говорил рабочим: „Только посмейте не слушаться нас, только вздумайте бунтовать, так мы вам покажем. Сейчас же составим список неблагонадежных и передадим в полицию. И сколько мы пожелаем, столько человек будет засажено в тюрьму, а может и в Сибирь их сошлют".

Вспомните все это, товарищи, и ответьте на вопрос: не ясно ли, что самодержавное правительство, — т. е. царь, министры, губернаторы жандармы, фабричные инспектора и полиция, — наш заклятый враг; не ясно-ли, что от самодержавия рабочие не могут ждать ничего, кроме зверств и наглого обмана; не ясно-ли так же, что не капиталисты придушили нас, а придушило нас самодержавное правительство?

Ответ может быть только один: самодержавное правительство — наш заклятый враг и всегда будет душить нас. Мы никогда ничего не добьемся, никогда не завоюем себе лучшей жизни, пока существует царское самодержавие, пока у нас нет свободы собраний, свободы слова, свободы печати, свободы стачек и свободы союзов. Наш главный враг, которого прежде всего нужно уничтожить, — самодержавие, а когда оно будет уничтожено, то мы справимся и с капиталистами и добьемся лучшего положения.

Поэтому, — главная наша цель теперь, — свергнуть царское самодержавие и завоевать себе политическую свободу.

Нас спросят, быть может, почему же самодержавное правительство — враг рабочих, почему царю и министрам так ненавистно стремление рабочих улучшить свое положение и добиться политической свободы?

На эти вопросы мы ответим в следующем листке.

ДОНСКОЙ КОМИТЕТ
Российской Социал-демократической Рабочей Партии. 8-го янв. 1903 г.

Типография Донского Комитета.

Российская Социалдемократичкая Рабочая Партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 1.

Ко всем русским работницам и работникам.

Ростовския события (4—26 ноября 1902 г.).

В мастерских Владикавказской жел. д. работают около 4.000 рабочих. Донской Комитет Российской Социалдемократической Рабочей Партии вел среди них деятельную агитацию, пользуясь всевозможными предлогами для выпуска раз'яснительных листков. Особенно живую деятельность проявил он в 20 числах ноября, непрерывно выпуская ряд листков, призывающих рабочих к борьбе за улучшение своего положения. Возбуждение рабочих росло. Каждое новое насилие, молчаливо переносившееся прежде, вызывало теперь волнение и ропот. И скоро возмущение прорвалось.

2-го ноября, без всякого предупреждения, вдруг было об'явлено рабочим котельного цеха, что расценки за сделанную уже работу понижены. Рабочие, ожидавшие получки по прежним расценкам, встретили эту весть ропотом и криками и сейчас же бросили работу (23 из

25 чел.). Мгновенно прибежал начальник мастерских Дзевонский и успокоил волнующихся рабочих, надбавив расценки обочтенных. Но было поздно. Решительное и дружное поведение маленькой кучки котельщиков расшевелило остальных рабочих, и выпущенная 3-го ноября прокломация Комитета, призывающая рабочих об'явить стачку, встретила полное сочувствие. Правда 4-го на работу пришли все в полном составе. Однако рабочие были смущены. Призыв звал их на борьбу, нужда толкала работать. Волнение и толки не прекращались. Но работа шла своим чередом до 10 ч. Рабочие как будто ждали толчка, новаго призыва. И призыв раздался.

В 10 час. несколько человек ворвались в ворота, и с криком: „долой работу! Стачка!" промчались по мастерской. Этого было достаточно. Один цех за другим с криком бросали работу, выбегая во двор, куда призывал их тревожный гудок. Когда все мастерския высыпали во двор, ораторы один за другим стали произносить речи, тут же на месте вырабатывая трэбования и условия переговоров.

Вот главнейшия требования: 9-ти часовой рабочий день, прекращение работы по субботам и накануне праздников в 2 ч., повышение заработной платы на 20 проц. повышение расценок так, чтобы они составляли не менее 50 проц. жалования, полная отмена штрафов за неявку на работу, удаление мастеров Вицкевича и Чернявскаго, вежливое обращение мастеров, устройство школы для детей рабочих, вывешение табели расценок во всех цехах и др.

Немедленно были вызваны жандармы, но рабочие свистками и криками прогнали их. Тогда в переговары вступил Дзевонский и об'явил, что сам не может удовлетворить требований рабочих. но немедленно сообщит министру путей сообщения.

Весть об об'явлении стачки мгновенно разнеслась по городу. и работа была брошена еще на нескольких заводах (К стачке примкнули рабочие плугостроительнаго завода „Аксай", цементнаго завода. лесопильной фабрики и др.).

5-го и 6-го были созваны сходки для обсуждения ответа министра. отказавшагося удовлетворить требования рабочих. Собралось от 6 до 8 тыс. человек.

Перед этой громадной, возбужденной толпой, тут же во дворе мастерских, произносились речи, где выяснилось положение рабочих. говорилось о необходимости политической борьбы. Из рук в руки передавались листки комитета, выходившие почти каждый день. Открыто и смело произносимыя речи, массами выходящия прокламации, многотысечныя сходки—все эти необкновенные события подкрылялали бодрость забастовщиков и волновали работающих. На сходку шли даже семьи рабочих, так что огромный двор мастерских уже не вмещал всех желающих услышать свободное слово. 7-го сходка перешла за город (в Темерницкую балку), так как собралось больше 9 тыс. человек. Стачка выходила из пределов мастерских. Тревожные вести о сходках взбудоражили весь город. Полиция с несколькими сотнями казаков не смела тронуть многотысячной толпы, не смела арестовать ни одного из говоривших и безсильно шныряла кругом, где снова собралась сходка. Снова явился атаман с полицией и казаками. Казакам был дан приказ броситься на рабочих, но рабочие сели на коней, и казакам пришлось отступить. В присутствии этих незванных слушателей: полиции, казаков, атамана, окруженнаго солдатами с пушками, произносились самыя смелыя, возбужденныя речи, раздавался призыв к политической борьбе. Молчаливо терпеть этого атаман не мог: он обещал „простить" рабочих, если они выдадут своих о[illegible]

ров и зачинщиков, и разрешил созвать новую сходку для обсуждения этого предложения. Начальство видимо теряло голову: оно то посылало казаков разогнать сходки, то само разрешало их, то пыталось успокоить рабочих, расклеивая по городу, подбрасывая рабочим „Душевныя слова" Богдановича, то пускало среди них провокаторские воззвания, призывающих к грабежу и насилию. Но рабочие пользовались разрешенной, как и неразрешенной сходками, плевали на „Душевное слово" и рвали на клочки провокаторские листки, как рвали, не читая все, на чем не было печати комитета. 9-го состоялась сходка. Руководители и ораторы об'явили, что, согласно предложению атамана, они сейчас же отдадутся в руки полиции и жандармов, если только рабочие хотять этого. Толпа ответила негодующим криком, и предложение было отвергнуто. На следующий день было воскресенье. Поэтому на сходку явились рабочие из всего города с женами и детьми, ремесленники, мужчины и женщины, всего около 30,000 чел. В продолжение нескольких часов перед этой толпой произносились речи: о фабричной инспекции и фабричном законодательстве, о положении рабочих и крестьян, о крестьянских волнениях, о том, что значит клич: долой самодержавие и др. Каждая речь заканчивалась вопросом: справедливо ли это? и потрясенные рабочие единодушным криком отвечали: „нет".

11-го на сходку пришло 15,000 раб. Сходка шла обычным порядком, но когда толпа стала расходиться, вдруг выскочили казаки, маршмаршем наскакали на оставшуюся кучку и осыпали рабочих градом пуль. Поднялось смятение. Рабочие хватили камни с земли, бросались в рукопашную, женщины бросились на казаков, пытаясь столкнуть лошадей в овраг. Страсти разгорались. Пронзительные женские крики и крики раненых, выстрелы, общее смятение, ужас безоружонной толпы перед шайкой пьяных, полудиких и остервеневших казаков доводили нервное напряжение до крайних пределов. Нервы не выдержали; под впечатлением только что пережитых ужасов один из наиболее горячих (Брагин, 19 летний юноша) бросился с рыданием и проклятием в жандармское управление, вбежал в кабинет полковника с криком: „палачи! убийцы! как вы смели стрелять!" и был немедленно арестован. Безоружная и уже разрозненная толпа должна была уступить. Но уступка эта обошлась не дешево казакам; в свалке несколько казаков были тяжело ранены; со стороны рабочих убито 8, ранено 23. В толпе арестовано несколько человек. Но ни бойня, ни аресты не запугали рабочих: на следующий день на сходке было 18.000 человек. Сходка открылась страшной картиной: рабочие ввели женщину, израненную казацкими пиками и принесли труп убитаго товарища. В молчаливом ужасе товарищи сняли шапки и в наступившей гробовой тишине над трупом была произнесена речь. Здесь-то были разорваны в клочки книжки генерала Богдановича „К рабочим". Аресты продолжались. Тем не менее каждый день в обычном месте, в Темерницкой балке снова собирались тысячные сходки.

13-го вспыхнула забастовка на ст. Тихорецкой, куда Донской Комитет отправил воззвание, звавшее товарищей к борьбе. Такие-же воззвания были отправлены в Новороссийск, и 18 он присоединился к стачке. 17-го в Тихорецке произошла бойня. Масса убитых и раненых. Но забастовка не прекращалась. Рабочие, руководимые комитетом, держались бодро. Тогда был отдан приказ произвести опрос рабочих; полиция и жандармы бросались в рабочие кварталы, опрашивая рабочих по одиночке, пойдут ли они на работу. Но большинство ответило: „пойду, когда все пойдут". Решили снова прибегнуть к

казакам. 19-го вечером казаки промчались по рабочему поселку со свистом и криками: „сдавайтесь, а то плохо будет!" А ночью был произведен погром: рабочие кварталы оцепили казаками. Казаки и полиция ворвались в рабочие каморки, били нагайками, шашками мужчин и женщин, под предлогом обыска взламывали сундуки и шкафы и грабили имущество рабочих. Арестовано было около 300 человек. Но и эта страшная ночь поколебала лишь немногих малодушных: на рассвете, почти еще ночью, в мастерские тайком прокралось около 100 человек. Но товарищи прогнали их, грозя, разнести мастерския.

21 го утром поселок принял необычный вид: по всей дороге, от рабочего квартала до входа в мастерские были разставлены в 2 ряда солдаты и казаки с обнаженными шашками. Рабочих, несмотря на праздник, прогоняли через этот ряд и доведя до ворот мастерских, спрашивали: „идешь на работу"? После отрицательного ответа их массами высылали в глухие станицы. Аресты, побои, насилия и высылки терроризировали рабочих. Многие начали колебаться. 23-го на работу явилось 1000 чел. Смущенные и пристыженные, чувствуя свою вину перед товарищами, явились они в мастерские. Но вслед за ними ворвалась толпа рабочих с криками и свистками, с целью помешать работе. Этим моментом замешательства воспользовался начальник мастерских. Он об'явил, что очень рад видеть рабочих, явившихся к нему уже не в качестве бунтовщиков, но в качестве рабочих, вверенной ему мастерской, и тут же дал обещание в недельный срок удовлетворить 26 требований (всех было 28; требования о 9-ти часовом рабочем дне и об отмене штрафов отказался). Если же, сказал он, требования эти по независящим от меня причинам удовлетворены не будут, то отдаю себя в ваши руки, господа. Судите меня, как знаете. Враг шел на уступки. 25-го Комитет выпустил листок, в котором советовал принять эту уступку, и в тот же день работы начались: работало 2½ тысяч человек. 26-го работы возобновились вполне.

Стачка кончилась. Какие же непосредственные разультаты принесла она нашим товарищам—мы пока не знаем. Быть может правительство не решится предложить правлению дороги идти на уступки сейчас же после такого решительного отказа министра, чтобы не показать, что уступка вызвана стачкой. Быть может боязнь новой стачки заставит удовлетворить эти требования постепенно. Но пусть даже этого не будет. Допустим, что требования ни сейчас, ни после удовлетворены не будут. Что же, считать нам эту стачку безплодной, думать ли, что рабочие даром отдали то, что дороже всего для человеке—свою жизнь. Или стачка дала нам какие-либо приобретения, которыя стоят этой дорогой цены. Нам вспоминается при этом другая драма, такая же страшная, как ростовская, по своим жертвам, драма, 50 лет тому назад, происходившая в действительности и описанная писателем Гауптманом. В его драме перед нами развертывается мрачная картина голодовки и стачка ткачей, потом картина бойни. В поселке ткачей слышится тревожрый грохот барабана. Идут солдаты. Раздается залп. Рабочие отвечают градом камней и с топорами бросаются на солдат. Но один старый ткач упорно остается на месте и продолжает работать. „Здесь"—говорить он: „указано мне место Господом Богом и здесь я за работой останусь. Я рабочий и буду терпеть до конца". Он удерживает сына, когда тот рвется на улицу и сурово приказывает ему положить топор. Но крик толпы за оконом долетает до молодого ткача и зовет его на улицу; он срывается с места, хватает топор и исчезает, бросаясь туда, где стреля-

ют. Мы оставляем книгу, потрясенные жестокостью человеческой борьбы. Но образ молодого ткача, боровшегося с привычкой молчаливо терпеть, и бросившегося потом в ряды защищающихся братьев, встает перед нами, вырастает для нас, заслоняя других и примиряет с жертвами. Борьба создала его, борьба пробудила в нем сознание, что он человек, а не только рабочий. И потому пусть будет борьба. Пусть рабочий не останавливается в смущении, если борьба сейчас же, завтра же не принесла ему улучшения его доли. Пусть он помнит всегда, что каждый новый шаг в борьбе создает ему новых товарищей, что только из таких отдельных актов, удачных или неудачных—все равно, слагается великая борьба целого класса, которая ведет его к победе. Если стачка ткачей полстолетия тому назад дала такой результат, то во сколько же раз всколыхнулось сознание рабочих теперь, когда каждый шаг их борьбы раз'яснялся в листках и речах? Во сколько же раз больше те знания которыя стачка принесла рабочему? Грубо и резко, огромной дозой дала она ему то сознание, которое понемногу воспитывалось в повседневной борьбе. Бесправие личности, отдельные акты насилия, аресты и высылки в мирное время—вот мелкия звенья той цепи, которая звенит при каждой попытке рабочего шагнуть свободнее. Здесь на войне он сильнее рванулся вперед и цепь развернулась во всю длину. Здесь ярко предстала перед рабочим, что не может он бороться, пока не волен собираться, когда хочет, пока не будет иметь газеты с вольного станка. Никогда еще русский рабочий не становился так близко к руководителям, как на этих многотысячных сходках, где в продолжение трех недель звучало свободное слово, где вслух высказывались заветныя желания, где определялся каждый шаг борьбы!

На месте, на практике борьбы чувствовал он важность и ценность своевременного совета, своевременно выходящего листка. Никогда, быть может, русская жизнь не рисовала ему так ярко, что ему нужно и чего у него нет. На мгновение он завоевал свободу и это мгновенное обладание, как волшебный феерверк осветило ему сразу всю ценность такой свободы. В этом особенность ростовской стачки. Свобода, завоеванная так быстро, так же быстро исчезла, но ее исчезновение лишний раз дало почувствовать рабочему, кому ненавистна свобода: он видел, что против, него был министр, атаман, полиция, жандармы, казаки—все, кем держится русский престол. На них натолкнулся он в своем порыве. Они помешали свободно бросать работу, они уничтожили вольную типографию, разогнали выстрелами свободную сходку. И этого сознанья не отнимут—ни ссылки ни аресты. Словом и делом закреплено оно. Но еще одно знанье укрепила стачка. Никогда еще не видали мы такой стройной, организованной борьбы. За 10 лет движенья мы научились ценить единение. Но здесь мы видели дисциплину, видели, что сила движения не только в том, что борется масса, но и в том, как она борется. Здесь видели мы, что не случай руководил стачкой. Рабочие шли за своим комитетом; его листки, его советы направляли борьбу. Тысячи рабочих, как стройная армия революционеров, доверчиво подчинялась своим вождям. Только при таком доверии возможно руководство, осуществимо единство действий. Эта мысль закрепится в сознании ростовских рабочих; сама жизнь показала им ценность организованности. Но крупные общественные события запечатлеваются своими разными сторонами, не только в душе тех, кто сам участвовал в них. Мы, рабочие всей России, в мыслях переживали то, что испытали наши товарищи на деле. Их дружная борьба станет уроком для нас. Своей борьбой

они доказали, что рабочий сознательно пошел в ряды революционеров и сумел подчинить непосредственные чувства интересам борьбы. Он показал нам свою зрелость, отличая и защищая своих руководителей и друзей. Он показал, что понимает борьбу, как борьбу целого рабочего класса—частные требования железнодорожных рабочих поддержали тысячи других рабочих. Сходки по поводу стачек он превратил в политические манифестации против русского правительства, тысячами собираясь слушать политические речи ораторов, поддерживая их дружным одобрением, требуя речей на политические темы. Вот те приобретения в деле революционного воспитания рабочих, которые дала нам стачка. А жертвы, спросите вы. Судите сами, остановиться ли нам перед жертвами? Не хуже ли приносить их ежедневно, час за часом, убивая себя в непосильной работе? Не хуже ли приносить повседневно в жертву не только тело, но и душу, склоняя робко голову перед насилием и унижением? Нет, товарищи, жертвы будут, где будет борьба. Но пусть все-таки будет она. А жертвы почтите вы тем, что пойдете их путем, понесете вперед знамя, выпавшее из их рук.

Не нужно ни песен, ни слез мертвецам.
Воздайте им лучший почет.
Шагайте без страха по мертвым телам.
Несите их знамя вперед!

Организационный Комитет Российской Социалдемократической Рабочей Партии.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ РАБОЧИМ.

СУД НАД ТИХОРЕЦКИМИ РАБОЧИМИ.

Товарищи! Правительство еще не закончило своих счетов со стачкой на Владик. ж. дор. Оно не удовлетворилось тем, что приказало управлению дороги отказать рабочим в их требованиях и высылало сотнями непокорных стачечников. Оно пошло дальше и решило наказать судом 15 тихорецких рабочих, как главарей и зачинщиков рабочего возмущения. Суд произнес свой приговор 8 марта в Екатеринодаре.

Вы помните это ужасное избиение стачечников в Тихорецкой. В мирную толпу рабочих, собравшихся для того, чтобы обсудить свое положение и пред'явить дороге справедливыя требования, врезались казаки и начали бить нагайками направо и налево, не разбирая ни правых, ни виноватых, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Когда толпа в ужасе бросилась бежать, раз'яренные казаки пустились в догонку, выстрелами убивали на повал беззащитных стачечников, врывались в дома рабочих, где грабили имущество и издевались над женами и детьми наших товарищей. На месте сходки, как на поле битвы, валялись отрезанные руки и ноги, лежали раненые и убитые; последних было несколько человек, раненых около сотни.

Во всякой другой стране, стране свободы и справедливости, правосудия обратилось бы против этих грабителей, убийц и насильников. Суду был бы предан наказный атаман Малама, приказавший стрелять в мирных стачечников, казаки и их начальники изувечившие и

избившие не один десяток невинных людей. Но царское правительство не знает справедливости. Управляя страной при помощи солдатских штыков и казацких нагаек, оно наградило „славное воинство" и предало суду рабочих. грудью отстаивавших свое правое дело.

Суд над тихорецкими рабочими происходил при закрытых дверях: посторонняя публика в суд не была пущена. Несмотря на свою наглость, правительство побоялось открыто судить рабочих. Ведь, неизвестно еще, что покажут свидетели о чем будут говорить обвиняемые и защитники. Может быть они раскроют всю правду, покажут всему миру, что суд рабочих, и хотя царские суды все равно засадят рабочих в тюрьму, однако все будут знать, что это был Шемякин суд, суд жандармов и полицейских шпионов. Но правительство и здесь ошиблось. Правды не скроешь, и все что происходило на суде рано или поздно станет известно всем и каждому. Известно уже и теперь, что на суде раскрылась страшная картина насилия над рабочими. Свидетели показали, как одна женщина, держа в руках рассеченного ребенка, бросилась к офицеру со словами: „на, жарь его на котлеты". Свидетели и обвиняемые подтвердили, что казаки не удовольствовались тем, что разогнали сходку, и преследовали убегавших рабочих, добивая тех, кого они не успели избить в общей схватке. Но суд действующий по царскому указу, не посмел оправдать рабочих. Освободив от наказания 6 человек, против которых не было и тени улик, суд приговорил остальных 9 к тюрьме и арестанским ротам. По воле царского правосудия тихорецкие рабочие, поднявшие свой голос против эксплоатации капиталистов, наказаны как воры, мошенники. А те, кто грабил имущество рабочих, избивал беззащитных, находятся на свободе и не понесут никакого наказания.

Но и этого мало. Не успел суд произнести свой приговор, как оправданные рабочие были арестованы жандармами. Царское правительстио само издевается над своим приговором. Суд признает людей не виновными, а правительство сажает их в тюрьму, ссылает в Сибирь. Почему уже не арестованы не оправдавшие 6 невинных человек. Вероятно, правительство простило им это преступление, потому что они осудили остальных девять также невинных.

Товарищи, попы и царские прислужники все толкуют вам о том, что у нас суд равный для всех, правый и милостивый, что он одинаково справедлив и к бедным и к богатым, к рабочим и капиталистам. Вы видите, какою ложью они стараются засорить сознание ваше. У нас нет суда, а есть чиновники, которые произносят свой приговор по приказу правительсва. Правда, людей из голода совершивших кражу или по невежеству впавших в преступление, наши суды наказывают тюрьмой и каторгой. Но где равноправие и милость суда слыхали ли вы, чтобы суду был предан взяточник-чиновник, проворовавшийся министр или просто полицейский пристав. Из сотен тысяч правительственных воров и мошенников суду предается один—два, да и то в тех случаях, когда совершается преступление уж слишком крупное и скрыть его невозможно. Наказан ли следователь изнасиловавший на ст. Тихорецкой девушку Золотову. Уже скоро год, как совершено это гнусное преступление, а следствие все еще не закончено и правительство не теряет надежды доказать, что Золотова была проституткой и сама отравилась. Зато против рабочих суд действует со всею поспешностью и строгостью. Устроят ли рабочие стачку, будут ли защищаться против нагаек, окажут ли сопротивление наглости капиталистов и правительства—следствие заканчивается в несколько дней и суд быстро произносит суровый приговор.

Вот какова милость царских судов. Рабочим такая милость не нужна. Она должна быть нами уничтожена, как и само царское самодержавие. Только добившись политической свободы мы получим справедливый суд. Только свергнув царское правительство, мы сотрем с земли русской произвол и издевательство над гражданами. Только добившись народного правления, мы водворим в нашей бедной родине мир и порядок.

Товарищи! Почерпнем из суда над тихорецкими рабочими силу для дальнейшей борьбы. Отомстим за невинноосужденных самой строгой местью — уничтожением царского самодержавия, поработившего рабочий народ. Слава осужденным товарищам! Долой самодержавие! Да здравствует политическая Свобода!

ДОНСКОЙ КОМИТЕТ
Российсковй Социал-Демократической Рабочей Партии.
Прочитав, передайте товарищам.

17 марта 1903 года. Типогр. Комитета.

Копия.

Протокол №[1])

1902 года, Нобяря 10 дня, я отдельного Корпуса Жандармов Штабс-Ротмистр Кравцов на основании Положения о мерах к охранению Государственного спокойствия ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного в 14-й день августа 1881 года, распрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Леонид Васильевич Иназемцев.
Отроду имею 24 года.
Вероисповедания православного.
Звание мое мещанин города Миргорода Полтавской губернии.
Проживаю гор. Ростов на Дону.

На предложенные мне вопросы отвечаю: В..... 10-го ноября бывал на забастовках рабочих, которые с начала собирались вблизи мастерских ВЛК железной дороги, а затем с 7 числа за городом в балке. Во время их пребывания на забастовках, я заметил выделявшихся из толпы своим активным участием следующих лиц: Петра Боброва, Ивана Брагина, Ивана Ставского, Дмитрия Колоскова, Андрея Скоробогатова, Гиркина, Горшкова, Иосифа Ефимченко, Орранца, Зелигок, Абрама Бурдо и др., фамилии коих теперь не знаю, а также и несколько женщин, которых фамилии мне неизвестны. Вышеупомянутые лица произвели свою политически-преступную деятельность в следующем:

1. Петр Бобров с самого начала стачки рабочих мастерских ВЛК железных дорог сопровождал Ставского и Брагина и поддерживал их всегда в толпе на стачках, говоря „Долой самодержавие". Сегодняшний день на забастовке Бобров в толпе рабочих разбрасывал прокламации и собирал деньги в пользу рабочих для поддержания дальнейших стачек.

2. Брагин и Ставский с самого начала забастовки рабочих мастерских ВЛК ж. д уговаривали рабочих не работать, а добиваться своих требований: как-то—увеличение заработной платы, уменьшение числа рабочих часов и т. д., вообще, требовать выполнения тех пунктов, которые составлены Брагиным и Ставским и представлены управляющим железных дорог. Брагин и Ставский подговаривали сегодняшний день присутствующих на забастовке за городом рабочих других фабрик и заводов не работать, а требовать исполнения пред'яв-

[1]) Примечание от редакции сборника. Материалы о провокаторах.

ленных ими пунктов. На вопрос Брагина, обращенный к рабочим других фабрик: согласны ли они требовать от своих хозяев улучшения быта рабочих, те ответили полным согласием. Иван Ставский сегодня предложил на забастовке рабочим и другим присутствовавшим лицам жертвовать деньги в пользу рабочих для поддержания дальнейших забастовок. Ставский об'явил громогласно толпе, что завтра 11-го ноября будут розданы, собранные между публикою, деньги в количестве 342 руб. 85 коп. рабочим ВЛК железной дороги, отказавшимся работать в мастерских. Иван Брагин, обращаясь сегодня к толпе спросил: „атаман нам сегодня разрешил собраться здесь, чтобы мы между собой переговорили и завтра стали опять на работу; в случае если мы на работу не пойдем, то он примет против нас крупные меры". Пойдем ли мы завтра на работу, чтобы избежать крупных мер наказного атамана, или же будем собираться по прежнему на забастовки до тех пор, пока не удовлетворят наши требования?" Но на что рабочие из толпы ему отвечали: „не боимся крутых мер атамана, на работы не пойдем, а будем здесь опять сходиться каждый день в 11 часов утра, пока не исполнят, пред'явленных нами требований".

3. Андрей Скоробогатов участвовал постоянно в забастовках продолжавшихся с 4-го по 10-е ноября и высказывал в толпе, как сочувствующий речам Брагина и Ставского,—„Долой самодержавие". Затем сегодня на забастовке разбрасывал прокламации под заглавием „к Стачечникам"—печатные.

4. Дмитрий Колосков, Горшков, Орранц, Зелигах, Ефимченко Иосиф и Абрам Бурда, учавствуя на сходке и, как сочувствующие речам Брагина и Ставского, были его помощниками возбуждения толпы к дальнейшим стачкам рабочим.

Когда была об'явлена толпе собранная сумма денег в размере 342 руб. 85 к., то стоявший сзади меня неизвестный мне человек сказал: „342 р. 85 к.—это не сумма, а господин Парамонов даст на это дело втрое больше". Паромонов сегодня приехал на сходку на собственной лошади в пролетке. Принимал-ли он участие в сегодняшней сходке рабочих, я не знаю.

Подписали: Леонид Иназемцев и Отдельного Корпуса Жандармов Штаб-Ротмистр Кравцов.

Протокол №

1902 года, Ноября 15 дня, в городе Ростове на Дону я, Отдельного Корпуса Жандармов Штабс-Ротмистр Кравцов на основании статьи 1035 Уст. Угол. Судопр. (Судебных Уставов ИПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Второго, изд. 1893 г.). в присутствии Товарища Прокурора Таганрогского Окружного Суда Муженко допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, который показал.... по пред'явлении ему 443 ст. Уст. Уголов. Судопр.

Зовут меня Леонид Васильев Иназемцев.

От роду имею 24 года православного вероисповедания.

Звание мое мещанин города Миргорода Полтавской губернии.

Проживаю в городе Ростове на Дону.

На предложенные мне вопросы отвечаю: данные мною 10-го ноября сего года в порядке положения о Государственной охране, показания вполне подтверждаю, которые были мне прочитаны и к

ним добавить могу следующее: Иван Ставский продолжает до сих пор действовать в толпе. Так например: 13-го сего ноября, находясь около 11-ти часов утра вблизи балки на площади Темерницкого поселения, Ставский об'явил громогласно, что у нас имеются сборы около тысячи рублей, из которых около четырех сот рублей уже выдано нуждающимся рабочим. Затем говорил он, что их, т. е. рабочих, никогда не оставят добрые люди; мы всегда можем располагать на них, как и теперь, лишь-бы мы только держались своего направления. Если кто из присутствующих желает жертвовать в пользу нуждающихся рабочих деньги, то может жертвовать и теперь в кружку с одной кружкой для сбора денег ходил Гавриил Бобров. Других-же лиц не знаю. Когда был сделан сбор, то Гиркин об'явил, что собрано 84 рубля, о чем Ставский благодарил публику.

12-го и 13-го сего ноября на сходках рабочих Афанасий Мочалов произносил в толпе рабочих речи о значении капитализма, политической экономии, что такое рабочий, рабочий—это машина, был раньше, но теперь настало время, что он должен пользоваться всеми благами: если ему, рабочему не дают свободы, то он должен требовать силой. Для наглядности Мочалов приводил рабочим примеры о Харьковском бунте и первой забастовке ВЛК мастерских в 1894 году. Далее Мочалов говорол толпе рабочих, что раньше забастовки рабочих были коротки потому, что не было доверия со стороны народа. Теперь же мы пользуемся доверием народа, который жертвует нам деньги, благодаря которым мы можем не работая продолжать свои стачки и добиваться своих требований. Если нам—рабочим теперь не удается добиться удовлетворения своих требований, в особенности, 9-ти часового рабочего дня, то пригласим к себе всех машинистов и кондукторов движения.

Афанасий Мочалов—бывший конторщик Влк. ж. д. В тот-же день, т. е. 13-го сего ноября, на сходке рабочих, рабочие Влк. мастерских жел. дор. были разбиты на отдельные цехи со своими депутатами, фамилии которых не помню. Депутаты узнав в своем цехе о числе нуждающихся рабочих подходили к Ивану Ставскому за деньгами, которые он выдавал им. В это время Гиркин записывал кому и сколько было выдано денег, каждому рабочему. Андрей Скоробогатов расбрасывал это время прокламации, какие именно не помню; но помню что были они печатные. Разбрасывали прокламации еще и другие лица, фамилии которых мне неизвестны. На сходке 13-го сего ноября были рабочие, приехавшие из Таганрога и из завода, находящегося близь станицы Аксай. При чем рабочие города Таганрога рассказывали мне и другим присутствующим в толпе рабочим, что они собираясь сюда, в гор. Ростов, ехать, сели без билетов в вагоны и их на станции Морской высадили, откуда они шли пешком до города Ростова. Рабочие, прибывшие из Таганрога заявили, что у них денег нет, при чем один из рабочих здешних сказал, что им помогут, если они примкнут к их среде. На что таганрогские рабочие ответили, что мы затем и шли, чтобы присоединиться к Вам, услышав, что в городе Ростове стачка рабочих. Рабочий здешних мастерских Влк. ж. д. сказал им, что мы Вам поможем, повел их к Ставскому, при чем я видел, что таганроским рабочим были выданы деньги. В толпе рабочих на сходке были слышны разговоры одних, что Брагин арестован, других—что он уехал в Тихорецкую, чтобы и там приостановить работы и что будто бы работы там приостановлены.

Сегодня на сходке рабочих на Темерницком поселеии участвовал Коваленко, кажется Василий, который видя, что сходка не состоялась,

говорил рабочим, чтоб разошлись, а когда собираться и где Вам скажут. На вопрос Коваленко, обращеный к рабочим: „Что думаете теперь предпринимать?“ Те ему отвечали, что при таких условиях мы согласимся опять работать. Тогда Коваленко стал уговаривать рабочих, говоря: „работать Вам начинать не стоит, не портите все дело.—Вы имеете капитал свой и можете им пользоваться не работая; когда же Вам надо работать—Вам скажут об этом“. При чем Коваленко с такими же разговорами подходил и к другой толпе рабочих. Коваленко, встретясь с Гиркиным, что-то передал последнему в виде пакета, а сам остался около Проспекта Коцебу. Гиркин пошел в то время во двор Ефимченко, возвратясь оттуда, снова сошелся с Коваленко. Разошлись. Последнего на мосту близь вокзала арестовал пристав первого участка.

Подписали Леонид Иназемцев. Отдельного Кор . . . . . шт. Ротмистр Кравцов и тов. Прокурора Мироненко.

Протокол №

1902 года ноября 18 дня в г. Ростове на Дону, я, Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Артемьев на основании ст. 1035 Уст. Угол. Судопр. (Судебных Уставов ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Второго, изд. 1883 г.) в присутствии Товарища Прокурора Таганрогского Окружного суда Н. Г. Муженко допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих об'яснений от 15 сего ноября показал:

Зовут меня Леонид Васильевич Иназемцев, в дополнение к своим показаниям, занесенным в протокол от сего ноября об'ясняю: 10 ноября, я, будучи на стачке рабочих главных мастерских ВЛК ж. д., был свидетелем того обстоятельства, что неизвестный мне молодой человек, впоследствии оказавшийся Мариупольским мещанином Григорием Осиповым Охнянским, разбрасывал прокламации, озаглавленные: „к стачечникам“, ходил с кружкой и собирал деньги в пользу забастовавших рабочих, говоря: „жертвуйте на стачечников“, и кроме того сочувственно относился к речам Ивана Брагина и Ивана Ставского, касающиеся того, что нам не нужны войска, и необходима политическая свобода. Ранее я о личности Охнянского потому не указывал, что упустил его из виду, но в данное время могу засвидетельствовать, что он почти ежедневно находился на сборищах рабочих, причем собирал и носил для них камни, которые они бросали в войска. Кроме Охнянского у меня еще имеются личности неизвестные мне по фамилии, кои принимали деятельное и активное участие в происходивших беспорядках, и возбуждая всякими способами рабочих производить таковые, и по установлении их сообщу своевременно.

Гиркин, как узнал, раздает деньги тем рабочим, от коих, главным образом, зависит действие машин в мастерских, так например; рабочему Ивану Попову, стоящему на паровом отоплении он дал 3 р., который и не заступил на работу сегодня, а когда к нему обратились за вспомоществованием чернорабочий Годик Федор и печник Талаев Антон, то Гиркин им отказал, заявив, что нет денег. Монтеров Александра Тодяева и Василия Щербакова, а также слесаря Чудакова не известные мне по фамилии рабочие сегодня избили за то, что они согласились итти на работу. Так как наружности рабочих, которые избивали упомянутых лиц, мне не известны, то я их впоследствие могу установить. В числе депутатов и вообще руководящих движением находятся: Гиркин механического отделения, и Иванов кузнечного отделения,—Зинченко, из сборного отделения Соколов. Они же распре-

деляют деньги нуждающимся рабочим, которые хранятся, надо полагать, у Гиркина. Из препятствовавших рабочим сегодня заступать на работу, мне известны: электромеханического цеха Кузнецов и того же цеха Иванов. Они вернули с дороги рабочего слесаря Костромского и угрожали ему ударить ножем, если он пойдет на работу.

Кроме указанных лиц препятствовал становиться на работу котельщик Смаргунов. По словам рабочих, Дмитрия Савченко, и Василия Воронкова—нижеследующие рабочие котельного отделения: Федор Иванов, братья его Гавриил и Михаил в начале забастовки 4 сего ноября принимали деятельное в том участие: криком и маханием платком и приказывали выходить из мастерских и присоединяться уже к забастовавшим рабочим: братьям Ивану Васильеву—монтер и Алексею Васильеву—котельщик и Шмаргунову—котельщик.

Из женщин, которые ораторствовали на собраниях могу указать Ольгу Хмелевскую, проживающую на Новом поселении. Ольга Хмелевская по наружному виду: средняго роста, круглолицая—мордатая, лет 30, шатенка.

Подписали: Леонид Иназемцев. Допрашивал Подполковник Артемьев. Присутствовал Товарищ Прокурора – Муженко.

Протокол №

1902 года, Ноября 25 дня в г. Ростове на Дону, я, Отдельного Корпуса Жандармов Штаб-Ротмистр Кравцов, на основании статьи 1035 Уст. Угол. Судопр, (Судебных уставов ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Второго, изд. 1883 г.) в присутствии Товариша Прокурора Таганрогского Окружного Суда Н. Г. Муженко допрашивал свидетеля, который в дополнение своих об'яснений от сего ноября показал:

Зовут меня Леонид Васильев Иназемцев. В воскресение 24-го ноября по окончании молебна в главных мастерских Влк. железных дорог рабочий Зинченко, имени и отечества не помню, остановил рабочих около проходной будки и уговаривал их требовать от начальства, чтобы вернули арестованных рабочих во время сходки. Когда подполковник Иванов сказал рабочим, что он будет хлопотать, то рабочие ответили ему, что мы будем требовать об освобождении арестованных рабочнх. При чем первый из рабочих заявил Иванов—рабочий механического отделения. Зинченко там-же сказал присутствующим на молебне женам и матерям тех рабочах, которые арестованы и сидят в Ростовской тюрьме, что они рабочие, будут со своей стороны хлопотать об освобождении их товарищей-рабочих из тюрьмы, и их жен и сыновей, при чем они—жены и матери должны собраться в субботу 30-го ноября близь Главных мастерских Влк. железных дорог и просить начальство, чтобы им отпустили их мужей и сыновей из тюрьмы. Иванов-же сказал в то время, что в случае если казаки тронут жен и матерей, арестованных рабочих в тюрьме, то они рабочие выйдут из мастерских и вступятся за них. Иванов в воскресенье, 10-го сего ноября на сходке рабочих в балке за Темерником собирал в кружку деньги в пользу стачечников.

Подписали: Леонид Иназемцев, Отдельного Корпуса Жандарм. Штаб-Ротмистр Кравцов.

Копия.

Многоуважаемый Господин Пелипенко.

Податель сего наш депутат. В виду недостачи средств для оказания помощи семьям наших рабочих, которые были арестованы в последнее время и ранее, мы на совете решили выбрать несколько человек депутатов и послать их с сим воззванием к некоторым гражданам, в том числе и к вам.

В память Ростовской на Дону стачки рабочих 2 ноября 1902 г.

Едва на землю утро встанет,
Едва пройдет ночная тень,
Однообразный день настанет,
Тяжелый, грустный день.
Опять настанет боль души,
На злые пытки осужденной
Опять наплачешься в тиши
Измученный и оскорбленный.
Мыкать горе, век трудиться,
Чтобы нищим умереть,—
Вот где нужно-бы учиться
Верить и терпеть.
Мы с малых лет
Не знаем светлых дней.
Потом добывая хлеб
Озлащая акционеров-богачей.
Много здоровья теряем
В нашем тяжком труде.
Часто кровь проливаем,
За что и дарят сотни две.
Перестали награды давать,
Перестали проценты платить,
Где же право искать?...
У кого милость просить?...
Мы долго просили
Гроши увеличить,
А нам предложили
Мастерские очистить.
Все это накипело
На сердце у нас,
И бросили смело
Работы в обеденный час.
Мы стали в балку сходиться,
Советы держать;
Авось жизнь улучшится,
Мы думали так.
Казаки наш город
Переполнили весь,
И в стужу и холод
Принялись ногайками сечь.
Мы крепко стояли
За правду свою,
Мы кровь проливали,
Нас брали в тюрьму.

Зима помешала
Стоять до конца.
. . . . . воскреси?...
Нам смерть теперь не страшна.
Во время нашей стачки
Вы, граждане, зрили
Смертельные схватки,
Семейных рабочих убили.
Граждане—братья,
Настала нужда,
Нет ни хлеба, ни платья,
Помогите во имя Христа...

Совет-собрание рабочих Главных мастерских О-ва Влад. железной дороги.

С подлинным верно: и. д. секретаря Анисимов.

Стенограммы речей, произнесенных на вечере воспоминаний 27-го сентября 1922 г. в столовой мастерских Влк. ж. д.

Воспоминания тов. Щербакова.

Товарищи, как будто сон, перед нами разворачивается та картина, которую 20 лет тому назад мы переживали. Первый этап великой пролетарской борьбы, сказался тогда вот здесь в стенах этого самого здания. Трудно по порядку рассказать все то, что было 20 лет назад, ибо все это—как сон, как в тумане, все мерещится, но отдельные эпизоды из этой стачки никогда не изгладятся из памяти. Та дружная, одухотворенная, сильная спайка, которая была тогда у нас, кажется была неразбиваемой колоссальной стеной, и мне тогда молодому казалось, что ничто не устоит перед этой стеной: все разобьется об эту границу. И когда мы были сломлены силою штыков и нагаек, то я плакал, как дитя. Слов нет, душа не может, понимаете, сейчас так выражать, как я переживал тогда. Вот там первый выход на двор, (показывает), когда явились к нам и сказали: „Что вы хотите"? Здесь был тов. Ставский, который стал говорить, что мы хотим лучшей доли; единственное, что мы хотим это лучшей доли. И когда кто-то из представителей власти сказал, что он не видит здесь, чтобы разговаривали старики, то он сказал, что старики боятся говорить ибо вы их сейчас выбросите, а они семейные и добавил, что ум не в бороде, а в голове. Вот это первый день. В этот день, кажется, ничего не было, и Донской Комитет сказал, что должны собраться на следующий день все. На следующий день была вызвана депутация от всех цехов для ведения переговоров. Я не помню, кто входил туда, но единственный запечатлелся в памяти — это Зинченко — кузнец, так как он представлял сгорбленную кузнецкую фигуру, сильную и мощную и казалось, что именно он будет разбивать все доводы там при переговорах. И, действительно, он оправдал это доверие и остался верен своему долгу и был в тюрьме за то, что был избран рабочими. Дальше наше собрание было перенесено сюда к проходной, и мне, как молодому, не участвовавшему на крупных собраниях, казалось, что это что-то сказочное, что эти серые замасленные фигуры стоят под этой высотой (здесь горка), и что

все эти люди, как муравьи облепили эту горку, а внизу выступали Ставский, Брагин и некоторые рабочие. На третий или на четвертый день у нас был Гурвич, бывш. председателем совета рабочих депутатов в 1905 г. Затем к нам стали заявляться из города товарищи, из мелких мастерских, а также табачной фабрики и др. Все они уже не вмещались в этом помещении, и собрания были перенесены на Плугатыреву балку. Балка эта долгие годы была сказочной балкой, так как не только эта стачка, но и последующие эпизоды борьбы ростовских рабочих были отмечены на этой балке. Здесь сама природа создала амфитеатр о естественным пьедесталом, где рабочие ораторы могли высказывать мысли, наболевшие в сердцах рабочих. И вот с этого-то места и полились речи. Тогда мы в своих рядах Российской Социал. Демократической партии не видели ни одного товарища, который перешагнул-бы за 40 лет. Как сама партия была молода, так и все члены этой партии были молоды и сколько жизни, сколько воли и желания было в этих рядах. Если некоторые из этих товарищей, в частности Брагин, изменили тому, что тогда говорили нам, хотя он уже и тогда не был искренним выразителем рабочих, он был хорош, как трибун, как оратор, но был представителем эс-эров. Я помню, как показывали одного товарища, который плечом паровоз покачнет, а получал только 60 коп. в день. Я помню, что тогда был солнечный день, и 40.000 ростовских пролетариев были на этой балке. Амфитеатр разросся до невероятных размеров, но когда говорили ораторы с трибуны, то была такая тишина, что кажется был слышен шелест пролетавшего над головами жучка: так внимательно слушали тогда, и каждое слово казалось священным для нас. Все, что говорилось, казалось нам святым. Теперь мы все это перезабыли, так как условия жизни выбили нас из тех условий, в которых мы жили. Еще мне помнится эпизод, когда казаки пошли в наступление. Когда казаки вплотную подступили к женщинам и детям, то оратор крикнул „садись". Все присели, и казаки никого не тронули. Почему, что заставило их отхлынуть? Беззащитность-ли рабочих, покорность-ли судьбе, или в этих лежащих рабочих они увидели скрытую колоссальную силу? Трудно сказать, но они отхлынули, и при вторичном наступлении, казалось у них не хватило духу раздавить рабочих. Еще помню характерный эпизод, когда ротмистр Артемьев ехал в лондо, то одна женщина запустила в него махотку с кислым молоком. Это была первая „бомба", которая была брошена в жандармов. Затем, когда пошли в наступление, то рабочие, особенно молодежь, выстроились в боевые ряды, а женщины и детишки носили снизу камни и раздавали их. И наши товарищи с этим огнестрельным оружием стали защищать ту лавину, которая была внизу. И последний характерный эпизод: перед окончательным наступлением, когда казаки приготовились и зарядили ружья, то был такой момент, что сердце перестало биться совершенно, а по всей толпе пошел какой-то гул „у-у-у". Я не могу даже обрисовать точно, что творилось во всей этой массе, но мне кажется, что это был гул подземных сил, которые должны были все разорвать. И я плакал, так как не видал, чтобы наше дело окончилось удачей. Затем помню бой, когда мы стали рвать доски от заборов. Среди нас был тов. Кочубей (из электротехнического цеха), он откуда-то выдрал оглоблю со двора. С этого момента открылась уже стрельба со стороны казаков и в результате на моих глазах было ранено 6 женщин и тов. Кочубей. Затем я видел израненного лет 18-ти молодого человека, убили одного старика. Был сделан приказ всем врачам по городу, чтобы обо всех, кто являлся к ним на перевязку,

они сообщали, что он был на перевязке. Вот как самодержавие обставляло все, чтобы выловить тех, кто был замешан в забастовке. У меня сердце колотится, и я не могу разсказать всех эпизодов этой вёликой борьбы ростовских рабочих, ибо их так много, и они так характерны для рассказываемого времени, что мы кажемся пигмеями по сравнению с теми товарищами, которые были в этой стачке. Я помню, как приходили некоторые и хотели сорвать эту стачку, и как экспансивная молодежь говорила им: „Изменники, куда Вы идете; Вы вырываете из под своих ног, тот фундамент, на котором мы стоим. В большинстве случаев, эта молодежь и играла доминирующую роль.

Воспоминание тов. Артеменко.

Я помню 1902-й год, когда я был в медном цеху. У нас сказали: кузни бросили, и „выгоняйте". Затем пришел управляющий и начальник дороги и обратился к нам, что нам нужно. Также был жандармский полковник Иванов. Здесь были: Ставский и Брагин. Вот о них и говорят нам, что это вы выставили таких, которые здесь не находятся и даже мальчишки. Но им был окрик, что ум в голове, а не в бороде. Тогда они спрашивают, что вы хотите. Мы хотим облегчения нашего труда. Первым выступил Ставский и начал говорить об экономических требованиях. Он указывал, как трудно живут рабочие, и как много наживает акционерное общество. После Ставского на политическую тему говорил Брагин, что пока власть у самодержавия, до тех пор рабочим не будет никакого улучшения, пока они не участвуют в управлении государством. Некоторые были против, но он—загипнотизировал речами. Ему дали высказаться, и он громко крикнул: „Долой самодержавие". И вся аудитория закричала: „Долой самодержавие" и с этого времени начали говорить на политические темы. Ставский больше держался экономических требований, а Брагин политических. К 4-м часам мы разошлись и решили на другой день собраться в мастерских, чтобы сходиться мирно, чтобы не спровоцировать стачку. Но когда на другой день мы пришли к воротам, то там было написано, что кто желает может стать на работу, но на стачку собираться нельзя. Тогда мы собрались возле мастерских, и кроме Брагина и Ставского других ораторов не было. Здесь некоторые из жандармерии пробовали приходить переодетыми, чтоб присматриваться, кто поддерживает, кто что говорит, чтобы переписать их и изловить. Но их замечали и спрашивали руководителей—„Избить их?". Но их уводили. Когда мы решили, что здесь нельзя поместиться, то решили, что лучше всего в балке, где бывают кулачки. И на третий день стачки собрались на балке. Я помню, что когда собрались, то первым говорил Брагин. Он—всегда переодевался, чтобы его не могли взять. Он говорил, что мы собрались здесь под открытым небом, что мы не имеем собственного собрания, где мы могли-бы обсуждать свои нужды, а заграницей есть свои парламенты, где рабочие могут высказывать свои нужды; но придет время, когда и у нас-рабочих будут свои аудитории. В это время под'ехали казаки и командир скомандовал: „Разойдись", иначе сделаю приказ стрелять". Но оратор сказал: „Не расходиться". В это время заиграли на трубе и взяли наприцел. Рабочие по рядам стали говорить: „не бойтесь" и стали раздавать револьверы, а в случае необходимости можно обратиться к камням. Публика не дрогнула, и он опять скомандовал и казаки приготовились к прицелу. Но он

тогда опять обратился: „расходитесь, а то стрелять будут". В это время, Ставский или Брагин (хорошо не помню) скомандовал: „Ложись" (голоса с мест—„Ставский"). Все легли. В это время или рука дрогнула у этого офицера и не налегла расстреливать, но еще раз обратился к оратору и требовал разойтись, иначе прольется кровь. Тогда оратор сказал, что если вы отведете казаков, то мы уже покончали свое совещание и разойдемся. Оратор скомандовал расходиться, а завтра опять собраться. Рабочие пошли, а за ними пешие казаки. Рабочие шли перешучиваясь по домам. На другой день я вышел поздненько. В это время говорили, что одна из Скоробогатых (Дуня) первая на что-то бросилась и казаки ее смяли. Тогда пошло волнение, что казаки убивают наших. В это время набралось еще больше народу, но туда не допустили. Рабочие останавливались на улицах и хотели пробраться, но казаки сделали напор. Они били пиками, но рабочие у них отнимали и ломали. Здесь был один из дурачков, который ходил с пикой и говорил, что будет бить казаков. Здесь разобрали забор и сражались камнями. Здесь выступали женщины ораторами, и говорили, что Асмоловская фабрика бросила работать, и что по линии забастовали. К нам приходили некоторые заводы и мы кричали: „Да здравствуют товарищи, которые нас поддерживают". На четвертый день мы опять собрались, но на пятый день нам не дали и мы собрались на Александровской пуще. Перед окончанием собрания казаки кинулись разгонять. Из домов в них бросали камни, и казаки ходили переписывать эти дома и затем арестовывали. Больше нам не дали собраться, и где было два-три человека, туда ездили казаки и разгоняли. Мы—участники ходили по улицам, чтобы рабочие не соглашались и не шли работать. В это время разбрасывались и расклеивались прокламации и бросали в корзины женщин, которые шли на базар, чтобы не бросать стачку, пока не будут полностью удовлетворены наши требования. Однажды я слышу по улице шум и вижу, то ездят казаки и кричат, что если кто не выйдет на работу, то будет арестован и выслан из пределов Донской области и расчитан навсегда. И вот понятно, что все вышли на улицу, но работать никто не пошел, а сообщали друг-другу что делать. Тут пошли смутные слухи, что некоторые арестованы, и что многих захватывали даже не разбираясь—участник он или нет. А некоторые говорили, что берут всех, и у многих дрогнуло сердце, некоторые железнодорожники пошли на работу. Но все решили, во что бы то ни стало не допускать на работу, и решили выйти на работу, но работу не начинать, собраться в сборном отделении и потребовать удовлетворения тех требований, которые были выставлены. Когда мы собрались на работу в сборном цеху, возле икон, то здесь начальство заявило, что все требования будут удовлетворены, что под праздник работы будут продолжаться до 12-ти час., что будут даваться пособия на умерших и родившихся, что будет улучшена медицина и таким путем с этого числа рабочие стали на работу.

Воспоминания тов. Блинова.

Я познакомился с тов. Ставским в 96-м году в сборном цеху. Он был молодой человек и очень сурового взгляда. Он мне и нравился и не нравился, но кое в чем мне приходилось сталкиваться и он давал прочитывать, хотя и не политические, но научные книги, откуда кое-что можно было почерпнуть. И вот он меня спрашивает: „Почему

ты от меня отталкиваешься?" Я сказал: „Я не могу с тобой время тратить, так как это неподходящее". А он говорит: „Дурной ты, будешь сталкиваться и умней будешь". Я сказал, что мы одинаковой профессии и одинаковы годами, и что мне нечего почерпнуть. Я проработал с ним полтора года и уволился по случаю военной повинности. Когда в 1902 году я поступил опять, то здесь случилась забастовка, и вдруг вижу тут Ставского: А, вот что такое Ставский. Он называется социал-демократом, или попросту социалистом. Мне было интересно, что такое будет делать Ставский. Я подошел ближе, а он дает мне шляпу и шапку. Я не понимаю для чего он дает, но взял и держу. Он говорил речь всем товарищам, какие бывают забастовки, какие надо пред'являть требования, что мы изображаем, что ни дня, ни ночи не знаем покоя. Тогда я решил, когда начнется забастовка, то пойти к нему и держать шапку и шляпу, чтобы слышать, что он будет говорить, когда он слез, то дал фуражку, а какая была на мне, взял себе. На другой день он опять дает мне шляпу с большими зелеными полями. Когда мы вышли на горку, то я опять держал и мне это было интересно и научно. Когда здесь было много народу и мы не помещались, то перешли на балку. Я потерял Ставского, так как было много народу, и Ставский выступал меньше, а больше городские ораторы. В то время я не понимал и не знал, что такое социалисты. Это продолжалось все время, и это для меня считалось, как праздник, так как там было много рабочих, призывали к порядкам, давали книжки и для меня было самое интересное. Я и еще молодой человек с колесного цеха подружились на балке. На нас напали казаки, но нам удалось их обезоружить и поломать на своих коленках шашки, а пики мы бросили им вслед. Вдобавок один товарищ ухватил половину кирпича и попал одному казаку в голову. Этот казак был вот такой громадный и с такими волосами (показывает), когда кирпич попал ему в голову, то волоса поднялись как пыль. На следующий день повторилась ужасающая бойня, перед которой мы не могли устоять. В тот момент я был зрителем и вижу, что едут казаки, и что можно попасть под лошадей. Но мы прыгнули через забор в три аршина вышиной и переждали эту схватку. Когда мы вышли, то народ по степи был рассеян. Мы прошли в противоположную сторону, смотрим, а в балке опять идет стачка и ораторы продолжают речи. Там было много переодетых студентов, которые ходили в форме студента, а сверху черное пальто. Один студент подходит и любезно спрашивает: „Кто я? Я об'яснил, что я такой-то и такой-то. Он сказал: „Вот вам два рубля и не ходите на работу, а завтра подберите неимущих рабочих и ищите меня здесь, я вам дам еще два рубля и револьвер. Когда он давал револьвер он говорил: „Не стреляйте, так как попадетесь, а стреляйте только тогда, когда откроется об'единенная стрельба". Я помню, что эта стачка представляла и праздник, туда шла масса народу из города. Погода была солнечная, и некоторые шли из любопытства, а некоторые принимать участие. И вот был ясный и солнечный день, когда была самая жаркая схватка, когда казаки хотели подавить эту толпу. И действительно они три раза выступали, но ораторы говорили: „Садись" и мы, действительно, так и сделали. Сядем, сядем, а они под'едут и уедут. И после этого Донским казакам не стало доверия, что они могут разогнать эту забастовку. Когда прибыли кубанские казаки, то мы сказали, что это не казаки, а черти. С Донскими казаками можно было разговаривать, а эти только и знали: „Коли, режь и дави". Когда в первый приезд они ехали по Александровскому спуску, чтобы разогнать стачку и встре-

тили толпу, то многие из нас получили плетей. Я и две женщины были придавлены у ворот с навесом; и давай бог ноги.

Воспоминания тов. Зрелова.

В последних числах октября уже чувствовалось в мастерских какое-то напряжение. Это помнит каждый из товарищей, который тогда работал. В первых числах ноября уже сразу получился конфликт в котельном цехе. Молодежь сговорилась на работе, что мы соберемся и потолкуем, как нам быть. Конфликт произошел от понижения расценок в котельном цехе. Когда 2-го ноября пошли на собрание (я не помню всех этих товарищей, но там были Сахаров, Скоробогатов, Рябов и еще несколько человек—всего 12), то на этом тайном совещании мы решили, что надо забастовать. В то время они были в социал-демократических кружках. Я был 17-ти летним мальчуганом и мне давали только разбрасывать прокламации. Решили начать забастовку не с котельного цеха, так как этот цех неудобен для начала забастовки, так как там большой шум и гул, а решили начать с кузнечного цеха и оттуда пойти срывать рабочих и идти по цехам. Так и сделали, но в это время что-то произошло. Мы сговорились, что часть пойдет к гудку дать тревожный гудок, а часть ворвется в кузнечный цех, где я работал, и сорвет там работу. Это было в 8 час. Мы пошли в кузнечный цех. Кузнецы уже чувствовали, что что-то будет. В цеху был тов. Васильченко, который руководил нами и предупредил, что сегодня начнется забастовка. В это время в цехе было заведено после завтрака читать газету („Донская Речь"). Когда мы разошлись по горнам, вскакивает молодежь во главе с Сахаровым и Скоробогатовым. Стоило им крикнуть „Бросай", как все побросали и одевались теплей, так как было прохладно, и выходили к проходной будке. Некоторые старики, которых тогда стали расчитывать, боялись выступать—и нам молодежи пришлось бросать гайки в горны, и им пришлось выходить по необходимости со всеми. Я не помню, кто пошел давать гудок, но знаю, что некоторые товарищи пошли. Только что вышли мы из кузнечного цеха, как дали тревожный гудок о забастовке. Рядом был литейный цех, мы забрали его и потом опустились вниз. Там мы забрали механический цех и пошли в колесный цех. В это время мастер Голоцуцкий и еще кто-то не хотели нас пропустить, но лавина их отбросила и мы пошли дальше. Часть товарищей отделилась и пошла в сборный цех, а остальные в механический. Сборный цех собрал по пути малярный и вагонный и пошли в другие ворота. Эти две толпы встретились у входа в колесный цех и все время кричали: „к проходной". Старики не шли к проходной, а молодежь оббегала все мастерские. Когда мы сорвали все мастерские, и подошли к проходной, то не знали—что же делать? Мы сорвали работы, как будто бы забастовка, а говорить некому. Но мы знали, что некоторые товарищи были приготовлены и предупреждены: тов. Ставский и Михайлов (Зека). Зека сказал несколько слов, что нас начинают притеснять и что необходимо забастовать. Его сменил тов. Ставский, который начал с того, что когда рабочим становится трудно, то они начинают забастовку. Он описал тождественную забастовку московских ткачей, в 90-х годах и сказал, что мы должны последовать их примеру, и что мы можем только массовыми силами добиться чего-либо. Он предложил избрать представителей от цехов для ведения переговоров и выставления требо-

ваний для администрации мастерских. Товарищи сошлись тут-же в проходной будке, и стали писать требования, а Ставский в это время говорил. Тут-же решили, что на сегодня довольно, что на работу мы не становимся и выработали требование. Мы полагали, что нас опять пустят в мастерские, но будки были закрыты и возле них стояли жандармы. Нам пришлось собраться у будки № 1-й где было удобное место. Ораторов не надо было и поднимать, чтобы говорить, так как большая часть массы стояла внизу под этим бугром, где теперь выстроен какой-то сарай. И вот с этого и началось. Тут между прочим решили выбрать делегацию для ведения переговоров и выбрали большею частью стариков, так как считали, что с молодежью не будут разговаривать. Насколько мне помнится попали: из Кузнечного цеха кузнец Соколов и Зинченко, а из других цехов не помню, (голоса с мест: Гиркин от механического). Требования, которые были приготовлены к этому дню, были прочтены, собрание их утвердило и депутаты в количестве около 12 были посланы с этими требованиями. Митинг в это время продолжался. Придя с переговоров, товарищи делегаты заявили, что эти требования не будут удовлетворены и что предложено администрацией, если кому угодно, становитесь на работу на прежних условиях, а если не угодно, то как хотите. Решили забастовку продолжать и во что-бы то ни стало добиться выполнения выставленных требований. Так продолжалось 3 дня возле проходной будки. Когда мы собрались возле проходной будки, то уже появился Брагин; он взял другой тон и массы первое время испугались, но на второй день ораторам удалось добиться, что были втиснуты и полические требования, вроде 8-ми часового рабочего дня. Тут началось и „Долой самодержавие“ и всякая такая штука. Так как забастовка все время разросталась, то предлагали, чтобы и город присоединился к бастующим главным мастерским и начали посылать нас молодежь по фабрикам и заводам, чтобы сорвать там работу. Мы бегали по Ростову. Ростов в то время был наэлектризован и присоединился без всяких наших усилий. Когда мы приходили и говорили: „Присоединяйтесь“, то они бросали работу и шли. Мы пробыли здесь три дня, после чего пришлось перекочевать на балку, так как присоединилось много рабочих. Я помню интересный эпизод из переодеваний, когда пресловутый Большаков был переодет и его выводили товарищи. Он был одет, как мастеровые и слушал наших руководителей; но его узнали и вывели. Рабочие хотели отлупить его, но Ставский сказал, что бить не надо, и его просто вывели. Мы продолжали собираться регулярно на балке, и нас не трогали, вплоть до воскресенья. Вот чисел я не помню. В воскресение *) было самое горячее собрание. Туда было стечение всего Ростова, не только бастующих, и просто любопытных, которым было интересно посмотреть, что делается. Эти две горы были сплошь усеяны публикой: не только рабочими, но и буржуазией, которая приезжала на линейках и смотрела на то, что происходит в этой балке. Это продолжалось приблизительно часов до 12 дня. Казаки в это время были приготовлены и стояли в отдаленности от Темерника в поле и безучастно смотрели на то, что делалось. В это время делегацию, которая была избрана для переговоров, пригласил или просто потребовал наказный атаман, живший в то время в Ростове, на переговоры. Когда они пришли, то он предложил выдать наших руководителей и ораторов и—сказал, что постарается, чтобы удовлетворили экономические требования. Между про-

*) Прим. ред. сборн.: Воскресенье 10-го ноября.

чим для разрешения этого вопроса он разрешил собраться в воскресенье. Когда они пришли и сказали об этом, то подымается Брагин и говорит: „вот доказательство того, что мы чего-то добивались". А до этого он говорил, что мы сейчас бьем по балке, которую держит человек, а не по человеку, которого надо бить. Этим он указал, что мы бьем по капиталисту, которого защищает самодержавие. И когда пришла депутация, то он говорит, что вот мы добились, что нам—такой массе людей допустили устроить собрание. Здесь указывали, что там было 30.000 человек, но я бы сказал, что там было больше.

Помню эпизод когда казаки бросились, чтобы избивать толпу. Иванов поворачивается к казакам, поговорил с офицером и тот скомандовал своему эскадрону направиться к бастующим. Казаки, которые были с длинными пиками, взяли их на перевес, а офицер кричит: „Разойдись, иначе я пущу казаков". В это время, не знаю кто, Ставский или Брагин, крикнул, чтобы все ложились. В то время я стоял близко возле ораторов и среди них было замешательство, что начнется убийство. В то время казаки были страшилищами и не разбирали ни правого ни виноватого, и что им приказывали, то они и делали. Но потом, кто-то нашелся и крикнул, товарищи, садись. Все рабочие присели, а казаки стали раз'езжать среди сидячих. Офицер, видя, что ему делать нечего, так как лежащих и сидящих не бьют скомандовал „обратно". И так продолжалось, пока мы сами разошлись. В воскресение мы собрались свободно, но зато в понедельник, так как забастовка не была кончена и требования не было удовлетворены, то мы не согласились на частичные удовлетворения требований и на выдачу своих руководителей, так как иначе не нужно было-бы и огород городить. Когда нам заявили, согласны ли мы выдать наказному атаману своих руководителей, то все сказали, что нет, так как этого не могло и быть. В понедельник было назначено собрание с 10-ти часов. Но когда товарищи стали проходить к балке, то везде были кардоны и туда нельзя было пройти, так как на Степной улице была цепь и туда нельзя было пройти. Я живу против Александровского спуска и мне было близко туда добраться. Но многие товарищи, каким-то образом прорвались и на продолжении Александровского спуска, на углу на Горной улице собралась небольшая кучка, которая постепенно разрослась. Здесь решили открыть собрание, но не было ораторов. Тогда встал тов. Сахаров и сказал: „давайте подождем". Оратор придет. И правда пришел другой оратор, которого мы еще ни разу не слышали, а также пришел Ставский. Тут собрание продолжалось и разговоры вертелись на том, будем ли мы продолжать забастовку или нет. В конце концов решили продолжать. Это продолжалось часов до двух дня. Тут народ стал расходиться и остались только женщины и молодежь. В это время казаки со степи пускали лошадей в галоп, чтобы разогнать народ, а потом останавливали лошадей и так все время пугали собравшихся, не давая им возможности спокойно стоять. Когда рабочие стали расходиться, то казаки решились на какие-то действия. Мы все Темерничане и Вы помните, что на углу на Горной улице есть водокачка и деревянный забор. Когда казаки уже намерились разогнать, но опоздали, так как мы разошлись, то казаки бросились на толпу. На них посыпался град камней. Здесь я помню интересный эпизод: поблизости, туда к балке, у одной женщины во дворе, на печи которую топят в дворах стояло что-то горячее; эта женщина схватила горячий горшок и вылила на голову первого попавшегося казака. Тут завязался бой камнями. Казаки от-

хлынули. Тут подвернулся помощник ротмистра — Ротов и попал к этим женщинам, которые стянули с него шашку и порвали пальто. Он просто пришел посмотреть, но попал под горячую руку (голос с места: ему шашкой отрубили мизинец), но когда женщины увидели, что он такой жалкий, то собрали эти куски и отдали ему. Казаки видя, что с ними не шутят, скомандовали „Боевой порядок", стали в цепи против Александровского спуска на колени и дали залп. Я был тогда у водокачки, и публика тут совершенно перепугалась. В результате этого залпа был убит старик и было несколько раненых, но казаки этим не удовлетворились, сели на лошадей и с пиками в руках помчались по улице. Когда они бежали, то один из казаков сгоряча или намеренно догнал мальчика и проколол пикой. Мальчик скончался на руках у одного товарища. Этим эпизодом закончился понедельник. Во вторник нужно было опять собираться, так как решели продолжать забастовку. По улицам ездили казаки и не давали собираться по 2 — 3 человека и били их нагайками. Но мы стали сходиться по одному по два человека и устроили собрание в сараях. Предпоследнее собрание было в сараях, потом там опять не удалось собраться на второй день и собрание было между Нахаловкой и Темерником. Это было последнее собрание, где ораторов не было, и собрание вели мастеровые, как могли. На второй день после этого, часть товарищей пошли на работу, а часть не работала и пришла только на следующий день, когда и было сделано собрание в сборном цеху.

Воспоминания тов. Луганского.

Я скажу о том, как рабочие завода „Аксай" выступили в 1902 году и поддержали рабочих главных мастерских. Товарищи, легко и радостно становится на сердце, когда вспоминаешь о той великой борьбе, которую вел рабочий класс Ростова в 1902 году. Выступления рабочих главных мастерских в 1902 году нанесло первую пробоину самодержавию. Товарищи, эта борьба, которую вел рабочий класс Ростова, будет отмечена в истории, и я не буду говорить об этом, а скажу только, как в 1902 г. рабочие завода „Аксай" забастовали. Я был тогда мальчишкой и уже состоял членом партии социал-демократов. Партия тогда была занята успешным проведением этой забастовки. Это великое выступление рабочих „Главных мастерских" волновало всех рабочих и перед партией стояла задача, чтобы все рабочие присоединились к этой забастовке. На второй день после выступления рабочих главных мастерских, у нас было собрание, где был я, литейщик Корзунов. На этом собрании решали вопрос, как сорвать рабочих завода „Аксай". В этот день рабочие волновались, но нельзя было надеяться, чтобы можно было повести их на забастовку, так как я тогда был мальчишкой, а других товарищей не было. Тогда работали токаря: Смирнов и Мосальский. Но они были – высланы сюда и не могли принять участие. Было решено, что утром четыре товарища придут к заводу и будут сдерживать рабочих. Так и было сделано. Мы пришли с прокламациями, стали задерживать рабочих, но они не остановились. В этот день нам не удалось остановить завод и пришлось решать этот вопрос. Смирнов говорил, что если рабочие не бросят работу для поддержки мастерских, то он даст тревожный гудок после обеда, и этим самым мы сделаем панику и сорвем рабочих с работы. И когда рабочие ушли на обед, то мы сгруппировали и стали задерживать рабочих, которые шли после обеда

на завод. Характерно отметить, что там был старик, Сидор Поликарпович, 60-ти лет, который работал на составе. Он стал на проходной и закричал старшему: „Закрой проходную и не пускай". Несколько человек прошли на завод, но большинство осталось на площади; те, кто пошли на завод, вышли оттуда.

Мы приступили к избранию делегатов для переговоров с администрацией. Я тогда был мальчишкой и меня не избрали. Сейчас было сказано, что делегаты остаются вырабатывать требования, а всем было сказано, чтобы шли сюда на Темерник, на митинг. Все время, пока бастовали рабочие главных мастерских, продолжали бастовать и рабочие завода „Аксай" (пока можно было сюда ходить на митинг). Когда же сюда не стали пропускать, то нам приходилось собираться в Нахичевани. И вот когда мы собрались там на углу 37-й линии и Федоровской улицы, чтобы послушать, что скажут делегаты, в это время приехали казаки, выстроили цепь и стали пропускать рабочих. Нашей забастовкой тогда руководил один семинарист, который был прислан организацией. И вот когда пропускали через строй всех по одному, то рабочие были настолько воодушевлены) что здесь-же сумели переодеть этого семинариста, и он спокойно ушел.

После этого забастовка закончилась, так как собираться нельзя было, вследствии того, что везде по улицам и по углам были казаки. Тогда участвовали товарищи: Савченко, Смирнов (петроградский токарь), Жмурин, Галушкин (Литейщик). Их осудили в Синявке на три месяца. Я не стану больше утомлять вас, так как хотел сказать только о том, как рабочие завода Аксай приняли участие в великом выступлении рабочих главных мастерских в борьбе против самодержавия.

Воспоминания тов. Лисицына.

В 1901-м году уже за полтора-два месяца до ноября готовилась забастовка не только в мастерских, но и на всех заводах. Перед этим велась усиленная работа по кружкам и по группам среди рабочих, потому что в то время администрация заводов усиленно начала вести борьбу с рабочими за повышение интенсивности их труда, и в тоже время они силились как можно сильнее прижать рабочих, и как можно дешевле устроить приготовление материалов. В это время начала особенно сильно вводиться по заводам сдельная плата. Мы работали по 12 часов, отдавали все силы, но на заработанные средства — еле-еле влачили свое сишествование. И вот благодаря подготовке раз'яснению у рабочих взвинчивались нервы и казалось, что достаточно какого-нибудь случая или недоразумения, чтобы вызвать эту стачку. И вот когда получился конфликт в котельном цехе, то рабочие не выдержали, дали свисток и вышли на улицу: сначала как-то заметно дезорганизовано, но потом нашлись ораторы и повели эту забастовку. Среди некоторых рабочих было мнение, что это—неудачное время, так как фабриканты и заводчики говорили, что работа у них кончается и что им не страшны никакие забастовки. Но когда раздался свисток и забастовали главные мастерские, то этот стон и призыв рабочего класса обратил внимание всех фабрик и заводов в Ростове. Все рабочие напрягли внимание и следили, что будет с ними. Забастовка, благодаря опытным руководителям стала расти и рабочие других заводов решили поддержать ее. Я тогда работал на заводе Пастухова (может быть кто-либо работал там и помнит меня). Мы решили бросить работу и поддержать рабочих глав-

ных мастерских, так как для всех мастеровых того времени стало понятно, что массовыми требованиями можно достигнуть известных положительных результатов. И вот завод Пастухова бросил работу и вышел на улицу также дезорганизовано. Рабочие были хорошо настроены, но они не были организованны и поэтому когда мы вышли на улицу, то остановились и смотрим друг на друга. Администрация спрашивает: „Что вам нужно?" Мы отвечаем, что хотим лучшего. „Чего лучшего?" „Мы хотим работать 8 или по крайней мере только 9 часов, а не 11 или 12. Нам говорят, что если Вы хотите отдыхать, то совсем уходите, а мы закроем фабрику. Мастеровые растерялись. В самом деле, фабрика закроется и они останутся без куска хлеба. Но явились представители социал-демократов и указали, что забастовка ВЛК мастерских уже дала результаты, что администрация мастерских идет на уступки, что целый ряд требований мастеровых удовлетворены, и что наше выступление ускорить выполнение этих требований. Рабочие пошли, оставив завод и не пред'явив почти никаких требований администрации. Но это была толька вспышка. На другой день дали свисток, рабочие явились на завод и вновь зашумела работа. Но это была не такая работа, как два-три дня тому назад. Здесь смотрели не на вещь, которая вертелась в „тиске", а смотрели друг на друга и читали в глазах: „что нам надо делать". Вдруг в большом помещении завода является городовой, у которого сзади прикреплена прокламация, которую ему удосужилась преклеить молодежь завода Пастухова, которая была тогда уже наэлектризована и подготовлена к революционной борьбе. Это было каким-то сигналом. Городовой идет по заводу и видит, что перед Николаем „чудотворцем" тоже приклеена прокламация. Он хотел перекреститься и видит прокламацию. Он подходит к прокламации, чтобы сорвать. Эта картина была сигналом и рабочие вышли на улицу, но опять не знали, что делать. Их вновь призвали идти туда, где собрались десятки тысяч рабочих их жен и детей. Как сейчас помню, тогда был прелестный день, народу было—море голов. В то время говорил тов. Брагин о достигнутых результатах этой стачки, так как целый ряд требований, пред'явленных мастеровыми были удовлетверены. Тогда был такой под'ем что казалось, что рабочие не бросят своей стачки, пока не будут удовлетворены все требования. Я не помню тот день, но помню как сейчас, как целая сотня или чуть не тысячи женщин прошли с фабрики. Казаки стояли вдали с длинными пиками и делали попытку наступления на мастеровых. Женщины были настолько сильны духом и были настолько уверены в своей победе, что как будто бы знали, что об'единенными силами рабочего класса можно достигнуть всего. Когда тов. Брагин сказал: „Становитесь на колени и садитесь", то женщины не только становились на колени: когда к ним приближались казаки с пиками, то они говорили: „на ребенка, но не забывай, что у твоей жены тоже остались дети; ты должен знать, что мы честные труженицы и мы создаем богатство всего мира. Может быть ты завтра будешь с нами, и убивая моего ребенка, ты убиваешь своего ребенка и свою жену". Это подействовало на казаков и тов. Брагин обратился к ним с такою же речью: „Товарищи, казаки, сегодня вы на военной службе и служите царю и отечеству, а завтра вы будете на этих же фабриках в синих блузах и вынуждены будете присоединиться к нам. И когда вам дадут приказ стрелять в нас—рабочих, то знайте, что здесь, среди присутствующих рабочих, есть ваши же Донцы, ваши же братья по крови. Вы не должны выполнять приказания своего начальства, так как вы сделаете преступление против ствоего же брата. „Донцы

говорили: „Не бойтесь, наши пики остры, но они вас не достанут, мы вас не тронем". И действительно, казаки подходят к бастующим и уходили вновь и митинг продолжался. Не помню, какой тогда был день, но помню, что собрались рабочие и толпятся. Оказывается лежал труп рабочего, убитого уже не Донцами (насколько я помню) а сменившими их кубанцами. Кубанцы разгоняя стачку рабочих убили мастерового и рабочие обсуждали вопрос, как быть с этим трупом. Как сейчас помню, было предложение взять этот труп и идти с ним в Ростов и устроить там демонстрацию, чтобы показать, на что способно тогдашнее правительство, заводчики и фабриканты в борьбе с трудовым народом. Но благоразумие взяло верх: рабочие обсуждая это пришли к заключению, что если мы пойдем в город с этим трупом, то создадим еще несколько трупов и лучше остаться и обсудить, что делать. Тогда говорили о девятичасовом рабочем дне, что тогда считалось политическим вопросом и разбиралось, как политическое выступление. Эта стачка 1902 года была самой крупнейшей стачкой и показывает, как об'единенными силами рабочих можно улучшить свое положение. Это обстоятельство запечатлелось в памяти всех после стачки 1902 года, и все знают, какая после этого была работа и какое движение было среди мастеровых по организации дела борьбы за улучшение положения рабочего класса.

Воспоминания тов. Андреева.

Когда началась забастовка, то товарищ Колунов Николай, Руденко и Дроздовский бросились по цехам, начиная с кузнечного, потом литейного, механического, где народ уже бросал работу. Вот это была одна наша работа. Вся эта забастовка происходила в этом самом переулочке, и собрание было действительно грандиозное. Сыщики старались найти руководителей, которые начинали говорить речи, но они ошибались. Правда Большаков был наряжен подрядчиком в длинной поддевке и еще был один полицейский Гончаров в поддевке и валенках и на костылях, яко-бы хромой. Рабочие освистали их, препроводили в будку № 1-й, и они ушли осмеянными. В воскресенье 6-го ноября было громадное собрание стачечников. Это было необ'емлемое зрелище, и в это то время с'ехался весь город на фаэтонах и линейках, чтобы смотреть на это зрелище. Ораторы были: Брагин, Ставский Иван и еще Сабельник. В это время и произошла самая катастрофа перед самым вечером. Не буду повторять речи, которые раньше высказывались, так как это будет одно и то же и не стоит время протягивать.

Воспоминания тов. Черепахина.

Товарищи, я в то время работал мальчишкой на табачной фабрике Асмолова. Когда забастовали главные мастерские, то началось напряжение. У Асмолова все время кого-то ожидали. Было такое настроение, что кто-то должен придти, что-то скажет и мы тогда выступим и потребуем. Так и случилось, прошла неделя и видно, что все до одного истомились и ожидали, что вот кто-то должен придти. Вдруг мы видим группу молодежи, а впереди ее глухонемого Ваню, который ничего не слышит, а указывает руками „бросай, нужно значит идти" И за ними подростки лет 16-ти,17-ти, на которых гнет Асмо-

ловской фабрики лежал больше, чем на ком-либо, так как этим мальчикам приходось таскать на голове ящики по полтора—два пуда. Они работали за 15 к. в день, и если хотели заработать больше, то должны были работать на двух станках. Как только сказали они о забастовке, то все бросились к „обыщикам", которые произвели свою процедуру. Затем мы вышли во двор и здесь кого-то ожидали. Выступает бледный, исхудалый, чахоточный живописец (Попов), который говорит, что требования у нас одни и те-же как у мастеровых, и что давно уже надо встряхнуть капиталистический строй, чтобы он почувствовал, что и мы люди. Он говорил, что надо безусловно поддержать, иначе будет стыдно, так как рабочие Панченко и других фабрик присоединились. В это время все до оного подняли руки и смело зашагали впереди работниц. Мы дошли до завода Асланиди и закричали: „Товарищи, поддерживайте". Рабочие стали запирать решетки и кричать „Мы с вами". На другой день они забастовали. Кушнаревцам мы также стали кричать, и они стали присоединяться. Там была маленькая перетасовка, как будто стали запирать ворота, но потом присоединились.

Когда мы проходили железнодорожный мост, то голова была на мосту, а хвост у самой Садовой. Мы как 16-ти летние подростки, которым „дай порвать" бегали взад и вперед и делали проверку, как это красиво шагают смелым шагом. Когда мы стали подходить к балке, то раздались громовые апплодисменты. Я помню, что тогда выступал Ставский, он приветствовал все табачные фабрики, которые не остались безучастными и поддержали забастовку. Если хорошенько проанализировать, то первыми были Влк. мастерские, так как они первые стремились освободиться от того гнета, который гнул их на каждом шагу. Еще до забастовки между рабочими и работницами носились слухи, что Влк. мастерские забастовали без всяких требований, что какой-то мастер ударил рабочего и что требования начались потом. Я помню эти требования: там требовали не 9-ти часовой рабочий день, а 8-ми часовый. Я помню речь одного товарища, который говорил, что 8 часов для работы, 8 для отдыха и 8 для сна. О том, что произошло на балке уже говорили товарищи и подтверждаю это целиком. Я только хочу сказать, что товарищ Лисицин, вероятно помнит, как кубанские казаки не принимали участия, а как раз принимали участие Донцы. Я хотел-бы что-бы факт подтвердили, чтобы не ложилось на кубанцев пятно, хотя прошу не заподозрить, я не кубанец. Когда забастовка началась печально (некоторые были ранены и некоторые убиты), то рабочие пошли на работу. Помню, что когда пошли к Асмолову, то там тоже стояли в шеренгу и каждый должен был расписаться, что он будет сегодня работать. Многие не шли и их выбрасывали. В том числе был и я. К этому меня побуждало то, что я пугался этой расписки. А когда я пошел на другой день, то меня расчитали через неделю. Когда все рабочие пошли на работу и успокоились, то мне помнится следующая частушка, которую создали рабочие:

„В городе Ростове это случилось, ноября 4-го это избылось: Там забастовали 3.000 людей, стачку проиграли все через шпилей".

Эту частушку рабочие играли на окраинах на гармошке и подпевали.

Ноябрьские события 1902 года в ст. Тихорецкой.

(Стенограммы речей, произнесенных на вечере воспоминаний 12-X-22 в театре железнодорожных мастерских ст. Тихорецкой).

I

В 1902 г. я прибыл в Тихорецкую из деревни, приблизительно в мае мес. и поступил в депо железной дороги. Я еще не был знаком с революционным движением, но уже тогда попадалась молодежь, причастная к революционному делу. Мне приходилось разносить листовки. Этим же занимались Деев и Меньшиков. Листовки приходили из Ростова раз 5. Когда их прочитали, то кое-кто понял, в чем дело. Когда приехал из Ростова делегат, сообщил мастеровым, что в Ростове рабочие бастуют и предложил поддержать их, то мастеровые сразу ответа не дали. Как сейчас помню, был у нас небольшой стачечный Комитет и он решил поддержать Ростов, когда получим получку. Так и было сделано. Как сейчас помню, выпал маленький снежок. Мастерские бросили работу, а Депо еще нет. Потом в 9—10 час. утра и Депо бросили работу. Но это была не полная забастовка. Пока мы разговаривали, подошел Жандармский полковник, стал нас разгонять и распрашивать, зачем сошлись. Мастера сказали, что нам нужно добиться того-же, что требует Ростов. Тогда жандармский полковник разрешил нам собраться для переговоров. Мы собрались около „Ялты". Было довольно много рабочих. Начали митинговать. Вдруг появляются с флагом казаки и требуют, чтобы все разошлись. Толпа не расходится. „Разойдись"—толпа ни с места. Тут с левой стороны показалась пехота, откуда ее никто не ожидал. Казаки стали притеснять толпу. Толпа начала отбиваться, кто камнями, кто обломками от забора. Казаки отступили. Мы думаем, что победили их. В это время врывается пехота и начинает арестовывать, сечь нагайками. Это не помогает. По прежнему летят камни, кирпичи, казаки употребили тупое оружие. Как было дальше—не могу разсказать, потому что я дал труса, бежал, и спрятался в доме, где находился мой брат. Слышал стрельбу, но чем все это кончилось—не знаю потому, что скоро уехал. Знаю наверно, что был тогда стачечный комитет. В нем были: Меньшиков, Деев, Чернышев, Свинцинский, а остальных не помню.

Матвей Бондарев.

II

После нескольких натисков казаков, рабочим предлагали разойтись, но рабочие категорически отказываются. Я в то время был подручным слесарем, работал всего месяца 2 до забастовки. После нескольких схваток я заметил, как по улице пролетели раза 3 по сотне казаков, может быть их было и по полсотни, но мне тогда казалось, что их было очень много. В это время рабочие начали ломать заборы, выламывали кирпичи. Помогали и женщины. Когда казаки галопом мчались по улице, то рабочие бросали в них камнями, кирпичами, палками. Некоторые казаки слетали с лошадей. После всего это-

го, рабочим предложено разойтись. На это рабочие отвечали: „Ни в коем случае не разойдемся." Появилась пехота. Не помню с какой стороны, но знаю, что не много. Они выступили вперед, остальные были расположены по военному. Командованием был дан знак сначала рожком, потом словесно „к прицелу", рабочие оробели. Тут раздался крик одного товарища: „Ложись, стрелять не будут". Все стали ложиться, но не успели лечь, как скомандовали „пли". Раздался выстрел, сначала вверх. Рабочие думали, что в них стрелять не будут. Но это оказалось не так. Следующее „пли" было по рабочим. Поднялась суматоха, все бросились бежать, кто куда. Также побежал и я. Тем дело и окончилось.

Перед забастовкой, у нас ходили слухи, но оффициально никто ничего не знал, не знал кто стоит во главе. По частным слухам от товарищей услышал, что сегодня будет забастовка. Когда нам на работу принесли чай, кипяток и мы уже собрались пить, кто на верстаке, кто на столе, — вдруг поднялся крик, свист, полетели стаканы, чайники. В чем дело? „Мы должны выставить свои экономические требования". Собралось много рабочих. Не помню, что тут говорили. Вышли мы из Мастерских и решили направиться в Депо, чтобы и там бросали работу, и главным образом, чтобы снять с работы завод Шорина. Мы шли по путям. Стоит маневровый паровоз. Подошло несколько человек, говорят машинисту „слезай", машинист отказался, говорит, что не может оставить паровоз. Тут не помню был митинг, или нет, но на другой день собрались против жандармского полковника. Товарищ приезжий говорит, что мы стоим против дома жандармского полковника. Мы рабочие не должны разговаривать против дома, в котором живет полковник, который завтра нас будет преследовать. Тогда решили собираться против мастерских на углу. На следующий день прибыл Атаман Области. Стал спрашивать: „Что Вам нужно"? Все закричали, что нам нужно то-то и то-то. Он говорит: „Вы не все кричите, пусть говорит кто нибудь один". Конечно он знает, что кто выйдет, тот и должен быть инициатором. Рабочие кричат: „Нет, мы все говорим и требуем, и больше ничего". Я так не желаю слушать. Вы выберете несколько человек — человека 2 — 3, с которыми я мог-бы говорить, ответил он нам. Вдруг среди рабочих поднимается 1 человек в голубых очках и начинает говорить ему, какие требования рабочие пред'являют. Начальник говорит. „Подойди поближе", а тот отвечает: „Нет, это дудки, извиняюсь". После этого Атаман Области заявил, что завтрашний день вы должны непременно выступить на работу. В субботу это было. Он говорил, чтобы в понедельник вышли на работу. Все рабочие ответили, что мы до тех пор не станем на работу, пока вы нас не удовлетворите. „Он опять говорит: „Что-же Вы хотите"? Рабочие говорят „что в Ростове, то и нам". Детально каждый не мог рассказать про эти требования. Начальник сел в сани и уехал. После этого товарищ оратор говорил несколько слов о том, что есть шпионы, которые могут записывать даже на спичечных коробках, поэтому вы должны смотреть и остерегаться до некоторой степени, потому что по своему незнанию можете попасть туда, куда Макар телят не загонял и предложил всем рабочим собраться на завтрашний день, т. е. в воскресенье, сюда-же, чтобы разрешить несколько вопросов; прийти с женами, сестрами, отцами и матерями. Помню, что в воскресенье мы все собрались около Мастерских.

Нам привезли из Ростова два чувала литературы и разбрасывали между рабочими.

Девицкий.

III

1902 год я помню очень хорошо. У меня тогда смертельно ранили жену. Из Ростова нам сообщили о забастовке, о том, что рабочие пред'являют требования, а какие требования—мы не знали. И вот у нас произошла забастовка; явились ораторы, которые нам об'яснили поводы ее и что в Ростове за штука происходит. Потом явился пом. Атамана Области, Малыма. Жандармы предложили всем собраться. Малыма говорит: „Что Вы будете требовать?" Тут вступил тов. Данильченко (его, кажется, потом арестовали), стали его спрашивать: „Какие требования Вы пред'являете?"—„Мы требуем то, что Ростов требует".—„Да, что Вам Ростов, я Вам приказываю идти на работу". „Нет мы не пойдем. Когда Ростов пойдет, тогда и мы". Тут стали говорить, что явилась полиция, будут арестовывать. Каждый боялся выступать. Выступил только один оратор и его хотели арестовать. Он об'яснил, чтобы на следующий день, все выходили к „Ялте" с женами и детьми. Собралось тогда человек 50—60. Стали около забора. Тут наскочили казаки, начинают разгонять. Некоторые стали кричать: „Садись, бить не будут". Все стали садиться, но казаки на это не посмотрели и начали бить нагайками. Тогда рабочие стали выламывать доски из забора и бить по казакам и даже немного их отогнали. Тут полковник начал сильнее действовать, так что стычка повторилась раза 4, и тогда начали уже стрелять. Был убит мой сосед, тов. Обоенко, ранена моя жена, еще какой-то мужчина был убит на месте. Потом, когда я ехал с женой на станцию, видел как выложили одного умершего. После того окружили дома и стали арестовывать кого попало. Больше всех пострадали из Мастерских. Некоторых так загнали, что и сейчас о них ничего не слышно. „Деповские" пострадали меньше из депо даже, кажется, никто не пострадал. Вот все, что я помню.

Ковтун.

IV.

Когда казаки начали рубить шашками, то мне поранили руку. Народ увидел, что казаки рубят, многие бросились бежать и лезть через заборы. Я также побежал с завязанной рукой. Вижу стоит тов. Обоенко. Я говорю ему что меня тоже ранили. В это время началась стрельба, пули пролетали мимо меня и прямо в грудь был ранен смертельно тов. Обоенко. Он так и свалился. Когда я увидал, что началась стрельба, я вскочил в комнату и вижу там лежит котельщик Стученко. Ему попало шашкой в руку. Я стал помогать ему завязывать. Слышим, женщины кричат: „Уходите скорее, сейчас вас будут забирать". Я бросил товарища; у меня у самого кровь пошла, а сам через забор бросился бежать. Все-же нас арестовали и забрали, потом нас допрашивал офицер. Спрашивал, кто ваши главари. Я сказал, что я не участник в этом деле и главарей не знаю. Как-же не участник—говорит он, когда ты ранен. Я об'яснил ему, что это вышло случайно. Потом нас освободили. Да, многие пострадали, безусловно.

Федор Карташев.

V.

Когда забастовали мастерые и депо, то решили идти к заводу Шорина. Прежде зашли по путям снимать с работ ремонт. Мы их согнали. Собрались все в кучу и тут встретились с шоринскими, не доходя до их мастерской. Служба Движения участия в митингах не принимала, но их также сняли с работы.

Москаленко.

VI.

После забастовки были арестованы Ковалев, потом Рабинский, Чичкин; Шевченко был зарублен. Потом казаки ходили по квартирам. Ломали комоды, все забирали оттуда, брали кольца с рук и т. д. Потом нас заставили подписываться, что не будем бастовать, а тех арестовали—позагоняли. От нас же требовали подписаться, чтобы больше не бастовать, но несмотря на это, как только явился „кубанец“[1]), все равно бастовали. Работать начали через четыре дня, при этом были удовлетворены следующие наши требования, чтобы был 9-ти часовый рабочий день и потом мы получили прибавку 50 копеек на рубль. В то время я столовался в поселке; когда начали стрелять, у меня пробили пальто и содрало кожу. Когда производились аресты, то некоторые наши же товарищи переодевались в казацкую одежду и указывали. Приходили и ко мне на квартиру и все забрали. Например Дубровин—о нем говорили, что он это делал что был провокатором. Были и такие.

Гордацкий.

VII.

Когда собрались забастовщики, то я там тоже был. Сказали: „Не брать ни палок, ничего“. Ну пришли мы туда, было собрание—не знаю во сколько часов: 8—10. Потом собрались. „Ну не расходись никто“. Никто не расходился. Куда же я пойду, если никто не расходится. Заявились казаки, конница и пехота. Начали сперва лошадьми топтать. Мы на колени попадали; конница отступила, тут пехота начала наступать. Куда бежать. Начали стрелять. Меня пырнули шашкой в лопатку, после мне иссекли одежду. Потом я увидел кровь. Куда идти. Пошел домой. Дома нет никого, я прямо на станцию. Там забрали меня в вагон: „А, забастовщик. Иди в вагон“. Из вагона отправили в больницу. Я пролежал там несколько и затем оттуда меня выписали. Тут жандармы призвали нас в Окружный Суд. Там были все: Малама и все Начальство. Судебный следователь спрашивает: „Этот человек был? говорят: „Нет“. „А как же он ранен“. (Я не пойму — они говорили, кажется, что на 3 дюйма была глубина раны, я на дюймы не понимаю). Отказались все и никто ничего не говорит. „Тогда иди старик“, а то, если бы кто показал, тогда пошел бы в тюрьму“. Приезжаю домой, рана еще не зажила. В мастерские не принимают. Жандармский полковник говорил: „Нам не надо такого, это забастовщик, он ранен. Но Донской поддержал, он говорил, что на меня никто не показывал. После этого я залечил рану, продожал работать и так все прошло.

Толстых.

VIII.

Оратор был не кубанец, а студент. Кубанец был в 1905 г.—Севастьянов, оратор же из Ростова был Орлов. Оратор приехал, [illegible] наступило волнение. Когда я приехал сюда, была уже стрельба. Я пришел туда, и пуля проскочила мимо ног; стоял мальчик лет 12 и его ранило в ногу. Женщина Острецова схватила мальчика. В это время кто-то, ударил ее по руке. Когда я пошел на второй день осматривать трупы, плотник Оболенко и еще несколько показали мне этого [illegible]. Я за ними следил. Он увидел, что я за ними слежу позвал меня за сарай, повел к котельщику из депо Мищенко. В двери Мищенко остался еще кусок топора от того времени, когда казаки ломали дверь. Мы зашли к Мищенко, потребовал он бумагу, дали ему почтовой бу[illegible]

[1]) Примечание от редакции сборника. „Кубанец“ кличка оратора

маги и он вместе со мной стал писать прошение на имя князя Мещерского и наместника Кавказа Воронцова-Дашкова. Он спрашивал, кто у нас из начальников хороший. Я одобрил начальника Воинского и Аджемова: они охраняли рабочих и не давали их арестовывать.

В нашей стачке вожаками были Чичкин—котельщик, Ковалев токарь, Чреватый, Должников. Это были наши передовые люди, мы же были молодежь, но всё-таки их поддерживали: к полковнику Мартусу мы ходили на заседание и он стращал Архангельской губернией и расстрелом. Нас арестованных продержали 45 дней, некоторых выпустили, нескольких выслали. Я был арестован в квартире. Ковалева. Чичкина и Даниленко выслали в Архангельскую губернию.

Сотников.

IX.

Когда началась стрельба возле дома № 90—там была моя квартира—там стояли женщины: Обоенчиха с ребенком, Костричиха с ребенком и Колкина. Они стояли на крыльце и не верили в боевые пули. Они говорили, что это стреляют из холостых, так только пугают, пока в них не пустили боевую пулю и не ранили всех троих. Одну ранили в палец, другая упала и упустила ребенка, третьей пуля перерезала живот, как ножом. Ее не довезли до больницы: она дорогой умерла.

Савелий Мех.

X.

Мне помнятся слова Бабича, когда мы стояли разбитые с растерзанной душой, стояли на платформе для подписи, что не будем больше бастовать. Бабич проходит и обращается к нам с вопросом: „какой дурак Вам сказал, что я не могу расстреливать, я таких дураков побил в Майкопе не мало.

Тянушин.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

От редакции 2

Статьи.

Перед стачкой. А. Станчинский. 3
Правда о Ростовских событиях. Амвросий. 12
Значение Ростовской стачки. Г. В. Плеханов. 28
Еще о Ростовской стачке. Г. В. Плеханов. 33
Ноябрьская стачка и учащиеся. Г. Крамаров. 38

Выдержки из трудов по истории рабочего движения.

Пролетарская борьба в России. Л. Мартов. 42
1902—3 г. в Тихорецкой и Ростове н/Д. Дан. 43
История рабочего движения в России А. Ельницкий. . . . 45

Корреспонденции „Искры“ и „Красного Знамени“.

Борьба Ростовских рабочих. 48
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. . 56
„ „ „ „ „ . . . 59
„ „ „ „ „ . . . 64
Письма из Ростова 65
Из русской жизни 70

Документы о стачке.

Ростовские прокламации 72
„К новобранцам“ 76
Воззвание Донского Комитета Р. С. Д. Р. П. 77
„Ко всем гражданам“ 78
„Гражданам всей России“. 79
Денежный отчет за ноябрь-декабрь 1902 г. 82
„Кто придушил нас“. 83
„Ростовские события (4—26 ноября 1902 г.) 84
„Ко всем рабочим. Суд над Тихорецкими рабочими“. . . 89
Протокол допроса Иноземцева 91
„ „ „ 92
„ „ „ 94
„ „ „ 95
Рабочие частушки в память о стачке 96

Воспоминания участников ростовской стачки:

т. Щербакова 97
т. Артеменко 99
т. Блинова 100

Стран

т. Зрелова . . . 102
т. Луганского 105
т. Лисицина 106
т. Андреева 108
т. Черепанина . . . 106

Воспоминания участников Тихорецких событий:

т. Бондарева . . . 109
т. Девицкого 110
т. Кобтуна 112
т. Ф. Карташева . . . 112
т. Москаленко . . . 112
т. Гердацкого 115
т. Голстых 118
т. Сотникова 119
т. С. Мех 121
т. Танушина 123

ДОНИСТПАРТ

(Донская Комиссия по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (б.).)

приступил к изданию сборников

„Пролетарская Революция на Дону".

Намечены сборники, освещающие события следующих периодов:

„Калединщина и борьба с ней" (декабрь 1917—февраль 1918 г.).

„Февральская революция и от Февральской до Октябрьской революции на Дону" (февраль—сентябрь 1917 г.).

„Советская власть на Дону в 1918 г. и контр-революционное нашествие" (февраль—май 1918 г.).

„Красновщина и деникинщина и партийное подполье на Дону в 1918–19 г.г." (май 1918—декабрь 1919 г.).

„Борьба Красной Армии на Донском фронте и Донбюро РКП (б.) в 1918-19 г.г." (май 1918—1919 г.).

К участию в сборнике приглашены активные участники революционной борьбы и гражданской войны на Дону.

Антонова-Фурсова З., Арнаутов, Бабкин И. П., Бажанов (Макеевка), Бавленцева Н., Беденко К. Н., Бакинский С., Белоконов П. (Миллерово), Безруких П., Блохин П., Богуславская М,, Ботвинов В. М., Бочков, Бубнов А., Буденный С. М., Васильев (Шмидт) А., Василенко, Васильченко С. Ф., Власенко Т. А., Векин, Власов М. Е., Власов (Александровск-Грушевский), Вольф Елена, Вольмер, Ворошилов К., Горбачев К. (Макеевка), Глухов Г., Горбачева (Минская) Ольга, Гордон Анна, Дорошев И. А., Дубинка, Дудас Д. (Азов), Дунаевский В., Егоров П., Ермилов И. А., Ерохин, Жаков М. П., Жук П., Заварзин П., Забей-Ворота (Морозовская), Захарьянц Г., Затонский, Зайцев И. (Константиновская), Зубов С., Зубкова М., Зубков Н. (Харцизск), Зявкин Ф., Иванов З. Д., Карагодская Мария, Кирзнер И, Красненко, Колонтаенко, Коцюбинский, Кротенко Д., Кудинов С. (Каменская), Кужелев В., Карасев Д., Куралова Е., Кирилкин (Ал.-Груш.), Ларин В., Лукашин С. Г., Магидов, Малинская Мария, Маркус Е. А., Мандельштам (Каменская), Матвеев М., Мельников (Макеевка), Механик Г., Митрошин (Макеевка), Моисеев А. (Морозовская), Мусинов (Каменская), Мухо-Перцев (Морозовская), Новиков (Великокняжеская), Орлова М., Оржаникидзе С., Пивоваров Р., Пятаков Г., Пашутин (Каменская), Пашко-Сафронов, Подшиванин Г., Попова А., Плетнев, Решетков И., Рожанский, Розин, Сидин, Семашко А. П., Симонов, Спирин И. П., Сырцов С. И., Тащиев Г., Турло С. С., Торская, Филиппов, Филов В. Г., Френкель А. А., Фролов А. Г., Хилков (Таганрог), Христенко Г. А., Ченцов И. Д., Черепахин, Черепашенко (Миллерово), Черкесова В., Чернышов, Шаблиевский (Таганрог), Щаденко Е., Шершевская, Юдовский и другие.

В сборники войдут статьи, воспоминания, стенограммы речей на „вечерах воспоминаний", записи бесед с участник. гражданской войны на Дону, а также официальн. документы и хроника событий.

Редактировать сборники приглашен тов. **А. Френкель.**

Донистпарт готовит материал к сборникам, посвященным революционному движению 1905 г. на Дону и партийному подполью времен царизма.

ПО ВСЕМ ДЕЛАМ ИСТПАРТА ОБРАЩАТЬСЯ В ДОНИСТПАРТ (Ростов н-Д., Старо-Почтов. 100, Домом Р.К.П. (б).

Донлит № 4085. Ростов н-Д.
Типография Госиздата [illegible]
Тираж 3.000 экз.